

Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22 - 26 июня 1941 года

Во время войны 1941-1945 гг. в Литве было уничтожено примерно 95-96% процентов еврейского населения. Это самый высокий процент среди республик бывшего СССР и европейских государств, в границах на 1 сентября 1939 года¹. Соответственно спасшихся в Литве – 4-5%.

В Жеймялисе процент спасшихся евреев значительно выше. Вот письмо Жеймельской волостной управы начальнику Шяуляйского уезда от 25 августа 1941 года № 962² (Рисунок 1):

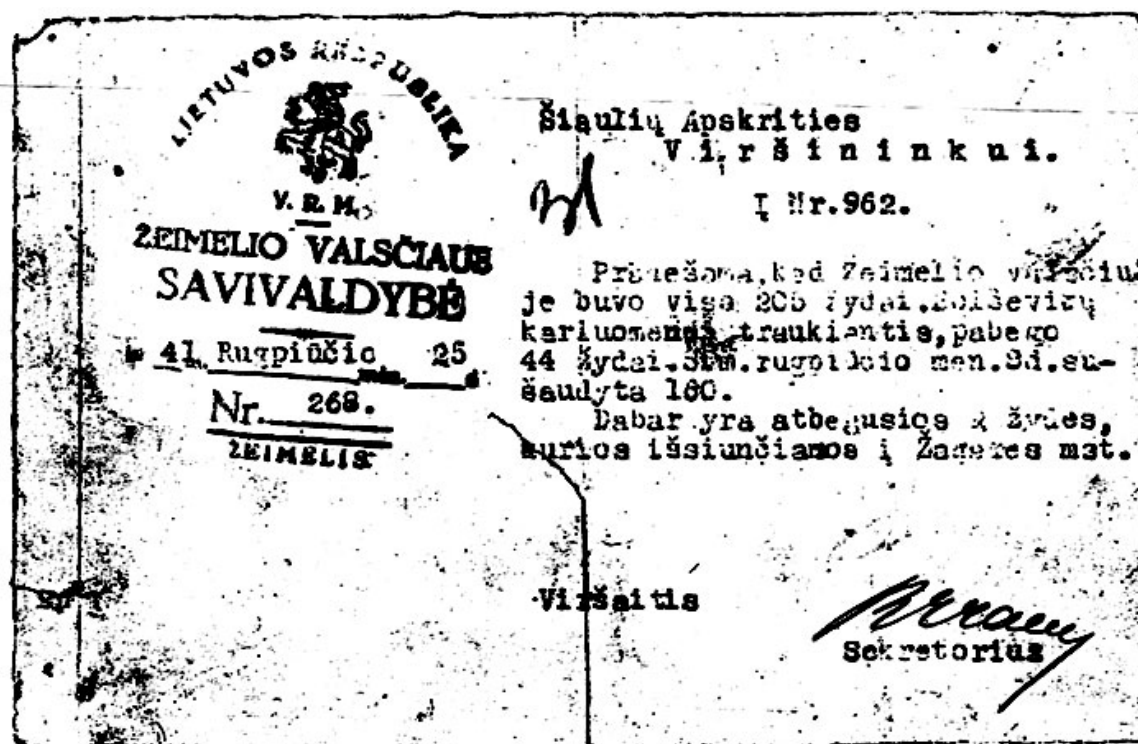

Рисунок 1. Письмо-отчет о расстреле евреев Жеймялиса

«Мы докладываем, что в Жеймяльской волости проживало 205 евреев. Когда большевистская армия отступала, бежало 44 еврея. 8 августа было расстреляно 160 евреев. Теперь появились две еврейские женщины из числа бежавших. Мы отправляем их в город Жагаре».

Жагарское гетто было 2 октября 1941 года уничтожено. Таким образом, по официальным данным, из Жеймяльской волости бежало 42 еврея. По словам тех из них, кого нам удалось разыскать и опросить, фактически из Жеймялиса бежали и спаслись 47 человек, или почти четверть общины. Чем вызвано это отличие спасшихся от среднего по Литве? Ниже мы пытаемся объяснить этот феномен.

Перед войной Жеймялис находился примерно в 200 км от государственной границы с Германией. Путь к местечку шел по шоссе союзного значения через Таураге, Скаудвиле и Кельме до Шяуляя. Это 130 км. Далее поворот на шоссе республиканского значения, и до местечка еще 64 км через Памушис, Пашвитинис и Лауксодис.

В Шяуляе перед войной работало несколько жеймяльцев: Авремл Багинский, Файвл Загорский, братья Моше и Израиль Якушки. Вот, что рассказали автору двое из них:

Загорский Ф.: «В 1941 году я работал в Шяуляе на большой обувной фабрике "Батас", конфискованной у Френкеля¹. Мое счастье, что я 21-го июня 1941 года работал половину ра-

¹ Фабрика была национализирована, но население называло ее по имени прежних владельцев.

бочего дня и в первую смену. Вторая половина дня у меня была свободной. 22-го был выходной, а 23-го я выходил во вторую смену. Поэтому я поехал на шаббат домой. Если бы я не уехал с Шяуляя, то я бы там, наверное, и остался. Как бы я после начала войны добрался до Жеймялиса?»³

Якушок И.: «Летом 1941 года я жил у брата Моше в Шяуляе. Брат работал заведующим самым большим в городе магазином. Он продавал товары, получаемые для военных на фабрике Френкеля. Богачи, евреи. Там же брат получал еще остатки кожи и продавал. Авремке Багинский был начальником в Шяуляе в коммунистической партии»⁴.

На Шяуляйском направлении контрудары Красной Армии и героическое сопротивление многих ее частей задержали продвижение фашистов. Их 1-я пехотная дивизия вошла в местечко лишь 28 июня^{II}. Такого противостояния захватчику не было в Литве на других направлениях, кроме Лиепайского. Так, в Каунас и Вильнюс части вермахта ворвались уже на третий день войны - 24 июня.

Беженцы, покинувшие Жеймялис до 27 июня, не были настигнуты на их пути в Россию моторизованными дивизиями немцев также только потому, что позади беглецов стояли насмерть на пути врага дивизии, полки, батареи Красной Армии, и даже отдельный танк. Поэтому мы не можем рассматривать драматические события, завершившие более чем двухсотлетнюю историю Жеймяльской еврейской общины без подробного описания военных действий, происходивших в первые дни войны на Шяуляйском и смежных направлениях Северо-Западного фронта. Широко указывая ниже номера воинских частей и имена участников боев, мы отдаем не только дань памяти героям войны, но и стремимся облегчить работу будущим исследователям этого региона^{III}.

Предлагаемая работа, не считая кратких сведений, касающихся кануна войны, ограничена событиями 22 - 26 июня 1941, то есть первых пяти дней войны, завершившихся выходом из Жеймялиса большой группы беженцев. Подробное описание военных действий основано исключительно на опубликованных источниках⁵. Наша задача здесь чисто компилятивная – по возможности, полно собрать и цитировать эти источники, чтобы представить исторический фон, на котором разворачивались судьбы жеймяльцев. Ряд цитируемых источников, однако, никогда не публиковался в переводах или изложении на русский язык и, насколько нам известно, отсутствует в центральных библиотеках Москвы и С.-Петербурга. Поэтому приводимые из них обширные цитаты могут оказаться полезными для всех, интересующихся первыми днями Великой Отечественной войны. При этом сопоставление советских и германских источников позволило выявить в первых несколько неточностей, отмеченных ниже.

Публикации о происходившем в Жеймялисе 22 – 26 июня 1941 года, крайне скупы. В нашем препринте «К истории еврейской общины Жеймялиса» этому посвящено менее страницы (21 строка)⁶. В книге А. Мишкиниса «Жеймялис»⁷ - и того меньше (17 строк). Поэтому собранные нами воспоминания жеймяльцев - очевидцев событий приводятся ниже максимально полно, с минимальной литературной правкой^{IV} и выделены жирным шрифтом.

Накануне 22 июня 1941 года

Планы прикрытия.

Перед войной Литовская ССР входила в Прибалтийский Особый военный округ (ПриБОВО). Он охватывал также Латвийскую ССР, Эстонскую ССР и западную часть Калининской области РСФСР. Территориальное управление округа находился в Риге^V. Секретным постановлением 19

^{II} Старожилы местечка утверждают, что немцы появились в Жеймялисе 27 июня. Возможно, это были разведывательные или иные передовые части дивизии.

^{III} Номера частей нужны для поиска новых документов в военных архивах. Имена участников военных действий полезны для розыска мемуаров, оставшихся нам не известными.

^{IV} Евреи Жеймялиса говорили на идиш и русским владеют с некоторой шероховатостью.

^V Прибалтийский военный округ был образован приказом наркома обороны СССР от 11 июля 1940. После включения 5-6 июля 1940 Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР округ приказом НКО СССР от 17 августа 1940 переименован в Прибалтийский Особый военный округ (Советская военная энциклопедия (СВЭ), т. 6, с. 516).

февраля 1941 года «О развертывании фронтов на базе пограничных военных округов» был создан Северо-Западный фронт (СЗФ) со штабом в Паневежисе. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник А. Д. Локтионов. Его заместителем по территориальному управлению - генерал-лейтенант Е. П. Сафронов⁸. 12 июня 1941 года А. Д. Локтионов был арестован по ложному обвинению в принадлежности к диверсионно-вредительской организации. На его место назначен генерал-полковник Ф. И. Кузнецов⁹.

По «Плану прикрытия территории Прибалтийского особого военного округа на период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа»¹⁰ он делился на три армейских района прикрытия. Каждый район простирался на значительную глубину. Первый прикрывала 27-я армия (острова Даго, Эзель и побережье от Рижского залива до Паланги, не включая ее)^{VI}. Армия находилась во втором эшелоне ПриОВО, штаб - в Риге. Командующий - генерал-майор Н. Э. Берзарин. Второй район прикрывала 8-я армия (от Паланги до реки *Неман^{VII}). Штаб - в Елгаве. Командующий - генерал-майор П. П. Собенников^{VIII}. Третий район прикрывала 11-я армия (от реки Неман до *Капчямистиса), штаб - в Каунасе. Командующий - генерал-лейтенант В. И. Морозов^{IX}.

Для нашей темы особенно важен второй район прикрытия, так как в его тылу располагался Жеймялис, и здесь проходило шоссе Таураге - Шяуляй^X. Здесь же «в пяти километрах к западу от Таураге по лесам и перелескам тянулась свежая просека, обозначавшая линию государственной границы»¹¹.

Состав воинских частей второго района прикрытия

Ознакомимся подробнее с составом воинских частей района (Рисунок 2).

Район прикрывала 8-я армия. Она включала 10-й и 11-й стрелковых корпуса, 12-й механизированный корпус, 9-ю артиллерийскую бригаду противотанковой обороны, 7-ю смешанную авиационную дивизию, гарнизоны Тельшяйского и Шяуляйского укрепленных районов, различные управления.

10-й стрелковый корпус, численностью в 25 480 человек, включал 10-ю^{XI} и 90-ю^{XII} стрелковые дивизии, 47-й и 73-й корпусные артиллерийские полки, другие части и подразделения. Корпус

^{VI} 27 армия сформирована в мае 1941 года в ПриОВО. Боевой состав армии включал 16 и 67-ю стрелковые дивизии, 3-ю отдельную стрелковую бригаду и находящиеся в стадии формирования 22-й и 24-й стрелковые корпуса (СВЭ, т. 3, с. 108).

^{VII} Звездочка перед географическим названием, при первом упоминании, здесь и далее отсылает к приложению, в котором даны современные географические названия или дополнительные сведения о местоположении населенного пункта, отсутствующего на приведенных картах.

^{VIII} 8-я армия сформирована в октябре 1939 на базе Новгородской армейской оперативной группы в Ленинградском военном округе. Войска армии в ходе советско-финляндской войны вели боевые действия на Петрозаводском направлении. В августе 1940 армия была передана в состав ПриОВО (СВЭ, т. 2, с. 388).

^{IX} 11-я армия сформирована в 1939 в Белорусском Особом военном округе. В 1940 армия вошла в состав Прибалтийского военного округа. Боевой состав армии включал два стрелковых корпуса - 16-й (в составе 5-й, 33-й и 188 стрелковых дивизий) и 29-й (в составе 179-й и 184-й стрелковых дивизий), 3-й механизированный корпус (в составе 2-й, и 5-й танковых дивизий и 84-й моторизованной дивизии), а также 10-ю противотанковую артиллерийскую бригаду, 8-ю смешанную авиационную дивизию, гарнизоны Каунасского и Алитусского укрепленных районов (СВЭ. Т. 6. С. 27; ВИЖ, 1992 г. № 5. С. 7).

^X Шоссе Таураге-Шяуляй (далее шоссе или Шяуляйское шоссе) являлось в то время ближайшим к государственной границе участком шоссе Тильзит - Рига.

^{XI} 10-я Тамбовская Краснознаменная имени Северного края стрелковая дивизия была сформирована в 1918 году. В 1940 году дивизию передислоцировали на территорию Литовской ССР. В дивизию входили 62-й, 98-й и 204-й стрелковые полки, 30-й артиллерийский полк, 140-й гаубичный и другие подразделения. Командовал дивизией генерал-майор И. И. Фролов. 18 июня 1941 года, по приказу штаба округа, части дивизии заняли оборону на рубеже Паланга - Швекшна, ее командный пункт разместился в местечке Плунге (Иринархов. С. 24-25).

имел 453 орудия и миномета, 12 легких танков. Командир – генерал-майор И. Ф. Николаев. Штаб располагался в Варняй¹².

11-й стрелковый корпус, численностью 23 661 человек, включал 48-ю^{xiii} и 125-ю^{xiv} стрелковые дивизии, 51-й корпусной артиллерийский полк, 402-й гаубичный артиллерийский полк, другие части и подразделения. Корпус имел 559 орудий и минометов, 17 легких танков. Командир корпуса – генерал-майор М.С. Шумилов. Штаб располагался в Скаудвиле¹³.

12-й механизированный корпус включал 23-ю^{xv} и 28-ю^{xvi} танковые и 202-ю моторизованную дивизии^{xvii}. Командовал корпусом генерал-майор Н. М. Шестопалов. Штаб корпуса находился в Риге.

9-я противотанковая артиллерийская бригада, численностью 2433 человека, включала 636-й и 670-й артиллерийские полки, минно-саперный батальон, автобатальон и другие соединения. Каждый полк состоял из шести дивизионов и роты крупнокалиберных пулеметов. Три дивизиона были вооружены 76-мм пушками, два дивизиона 85-мм и один 37 мм зенитными орудиями. Все расчеты зенитных батарей прошли специальное обучение в стрельбе по танкам. Всего в бригаде было 92 орудия, 84 автомашины, 35 тракторов. Командир бригады - полковник Н. И. Полянский. Полки бригады дислоцировались в районе *Бубяй¹⁴. Бригада была сильным артиллерийским соединением, сыгравшим важную роль в обороне Шяуляйского направления.

По государственной границе района располагались 105-й Кретингский погранотряд (2096 человек, начальник - майор Бочаров, штаб в Кретинге) и 106-й Таурагенский погранотряд (2097 человек, начальник – подполковник Л. А. Головкин, штаб в Таураге)¹⁵.

Авиационные части: в Шяуляе 10-й истребительный авиационный полк (ИАП), в Грузджай – 46-й бомбардировочный авиационный полк (БАП), в Йонишкис - 240-й ИАП, в Паневежисе – 238-й ИАП и 9-й БАП, в Каунасе – 31-й ИАП.

^{xii} 90-я Краснознаменная стрелковая дивизия принимала участие в советско-финляндской войне в 1939 - 1940 годах. В нее входили 19-й, 173-й и 286-й стрелковые полки, 90-й легкий артиллерийский полк, 149-й гаубичный артиллерийский полк и другие подразделения. Командовал дивизией полковник М. И. Голубев. Командный пункт – в Шилале (Иринархов. С. 27-28).

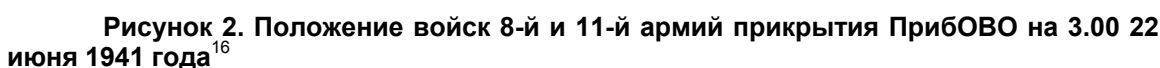
^{xiii} 48-я Тверская стрелковая дивизия имени М. И. Калинина была сформирована в 1922 году в Московском военном округе. Летом 1940 года ее перебросили в Прибалтику в район Елгавы. В состав дивизии входили 268-й, 301-й и 328 стрелковые полки, 10-й легкий артиллерийский полк, 14-й (323-й) гаубичный артиллерийский полк и другие подразделения. Командовал дивизией генерал-майор П. В. Богданов (Иринархов. С. 28).

^{xiv} 125-я стрелковая дивизия была сформирована осенью 1939 года в Кирове и находилась в ведении Уральского военного округа. Командовал дивизией участник Гражданской войны полковник, позже генерал-майор П. П. Богайчук. Большинство воинов дивизии были рабочие и колхозники Кировской области. Она принимала участие в советско-финляндской войне, а в 1940 году была переброшена в Латвию и вошла в состав ПриБО-ВО. В дивизию входили 466-й, 657-й и 749-й, стрелковые полки, 414-й артиллерийский полк, 459 гаубичный артиллерийский полк и другие подразделения (Арвасявичус И. С. 10, 15).

^{xv} В состав 23-й танковой дивизии входили 45-й и 144-й танковые полки, 23-й мотострелковый полк, 23-й гаубичный артиллерийский полк и другие части. Дивизией командовал полковник Т. С. Орленко. Дивизия имела 378 танков (Иринархов. С. 50-51).

^{xvi} В состав 28-й танковой дивизии входили 55-й и 56-й танковые полки, 28-й мотострелковый полк, 28-й гаубичный артиллерийский полк и другие части. Дивизией командовал полковник И. Д. Черняховский. Дивизия имела 250 танков, несколько десятков бронемашин и около 10.000 человек личного состава (Иринархов, С. 50, 51, 173).

^{xvii} В состав 202-й моторизованной дивизии входили 645-й и 682-й мотострелковые полки, 125 танковый полк (танки БТ-26 и броневики), 652 гаубичный артполк, 189 отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, 151-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и другие части. (С. Ф. Хвалей. 202-я стрелковая дивизия и ее командир С. Г. Штыков // На Северо-Западном фронте. С. 310). Командовал дивизией полковник В. К. Горбачев (Иринархов. С. 51).

Группа армий «Север» и ее задачи по плану «Барбаросса»

С германской стороны ПриОВО противостояла группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Планом «Барбаросса» (Рисунок 3) группе ставилась задача «уничтожить действующие в Прибалтике силы противника и захватом портов на Балтийском море, включая *Ленинград и Кронштадт, лишить русский флот его баз»¹⁷.

8-ой армии ПриОВО противостояли немецкая 18-я армия под командованием генерал-полковника фон Кюхлера и 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гёпнера. В 18-ю армию входили 1-й, 26-й и 38-й армейские корпуса. Задача армии формулировалась в плане так: «18-я армия прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар вдоль дороги *Тильзит, Рига и восточнее, быстро форсирует своими главными силами р. *Зап. Двина у *Плявинас и южнее, отрезает находящиеся юго-западнее Риги части противника и уничтожает их. В дальнейшем она, быстро продвигаясь к рубежу Псков, Остров, препятствует отходу русских войск в район южнее Чудского озера...»¹⁸.

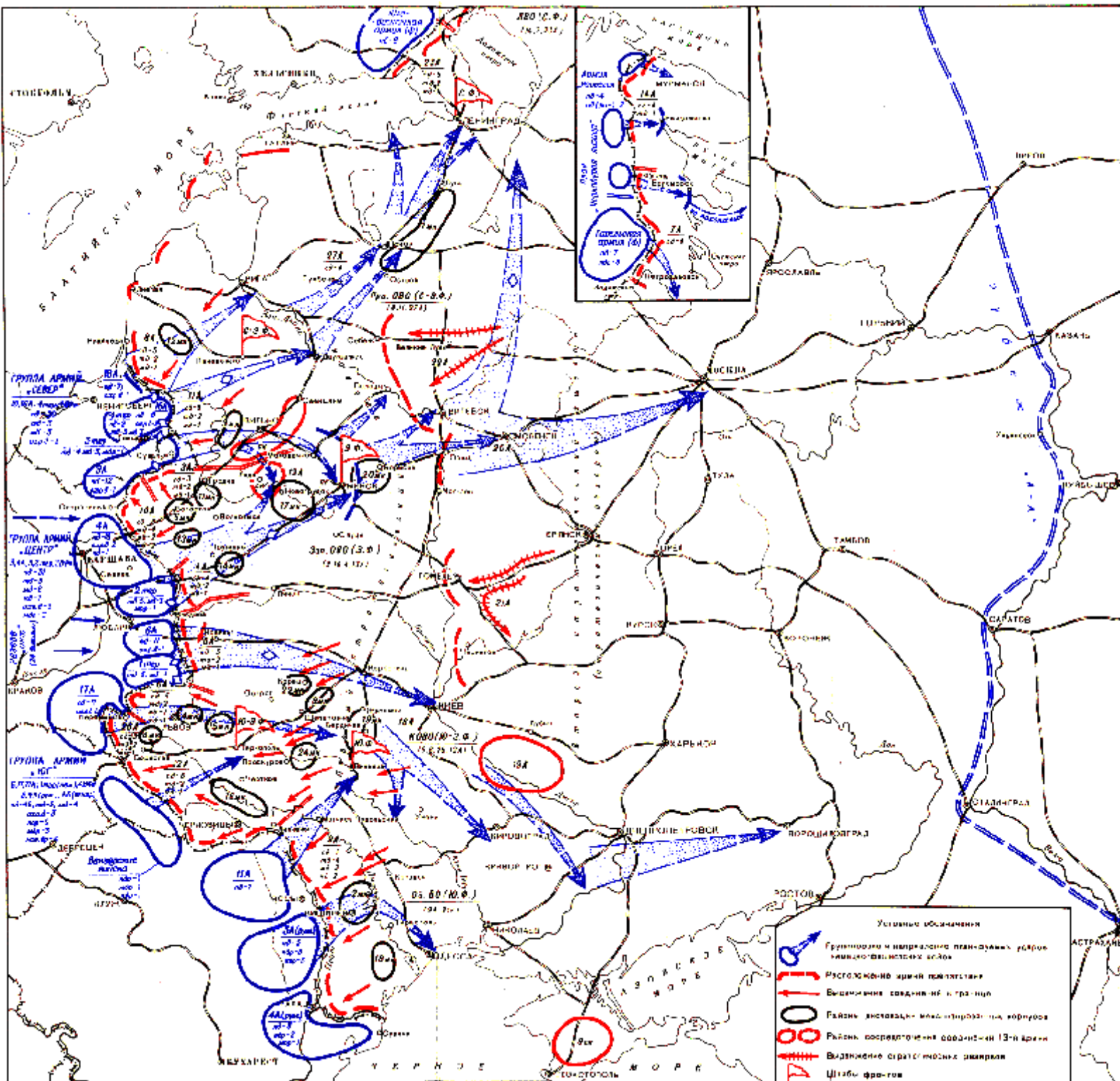

Рисунок 3. Синим цветом показано расположение немецко-фашистских войск и направление их ударов по плану «Барбаросса».

В 4-ую танковую группу входили 41-й танковый корпус генерал-полковника Рейнгардта и 56-й танковый корпус (тк) генерала Манштейна. Последний так излагает задачи группы: «56 тк (8 тд, 3 мотопехотная дивизия, 290 пд) получил задачу наступать из лесов севернее Мемеля (Клайпеда), восточнее Тильзита (Советск) на восток^{xviii} и овладеть северо-восточнее Ковно (Каунас) большим шоссе, ведущим в Двинск (Даугавпилс). Слева от него 41 тк генерала Рейнгардта (1 и 6 тд, 36 мотопехотная дивизия, 269 пд) получил задачу наступать в направлении на переправы через Двину в *Якобштадт (*Екабпилс). Входившая в состав группы дивизия СС «Тотенкопф» («Мертвая голова») должна была следовать во втором эшелоне, а затем догнать корпус, продвигающийся быстрее других соединений»¹⁹.

Существенно для нашей темы, что «41-й танковый корпус должен был прорвать пограничные укрепления у Таураге и восточнее. Наступая затем, как можно быстрее, к Двине, овладеть у Якобштадта предмостным укреплением по ту сторону реки и выше по течению, для дальнейшего наступления на северо-восток. Дополнительно корпусу предписывалось, наступая быстро на Шяуляй, облегчить продвижение правому крылу 18-й армии и уничтожить предполагаемые там значительные силы противника. Для этой двойной задачи корпус был усилен несколькими артиллерийскими дивизионами резерва главного командования, полком дымовых завес, зенитными и саперными частями»²⁰.

Задачей 16-ой полевой армии было во взаимодействии с 4-й танковой группой нанести главный удар по обеим сторонам дороги Эбенроде, Каунас и, продвигаясь за танковой группой, выйти на северный берег Западной Двины у Двинска и южнее, далее, следуя за 4-й танковой группой, выходить в район Опочки²¹.

Левому флангу ПриБОВО противостоял левый фланг группы армий «Центр» в составе 3-й танковой группы под командованием генерал-полковника Г. Гота и 9-й армии под командованием генерал-полковника Штрауса. В изложении Гота, танковая группа «из северной части сувалкского выступа, сбивает вражеское охранение западнее реки Неман и овладевает переправами у *Меркине, Алитус и *Приенай. Не дожидаясь подхода дивизий второго эшелона, танковая группа наносит удар по группировке противника, которая предположительно сосредоточена в районе Вильнюс, и отрезает ее от Минска»²². 9-я армия нацеливалась на Лиду и Вильнюс и далее на выход к Западной Двине у Полоцка.

Соотношение сил на участке 8-й армии представлено в таблице 1:

Таблица 1

Соотношение сил на участке 8-й армии²³

	8-я армия	18-я армия и 4-я танковая группа	Соотношение
Дивизии	7	16	1:2
Личный состав	82 010	360 060	1:4,4
Орудия и минометы	1 574	4 666	1:2,9
Танки	730 ^{xix}	649	1,2:1

Беспрецедентные инициативы командования ПриБОВО

Хотя руководство страны располагало обширнейшей разведывательной информацией о готовящемся нападении Германии на СССР, Сталин, по каким-то своим соображениям, решительно препятствовал мероприятиям по приведению пограничных округов в полную боевую готовность. Историки яростно спорят об интерпретации этого факта и даже о его достоверности.

В этих условиях зажатое тисками сталинской диктатуры командование ПриБОВО и командиры некоторых воинских частей округа проявили беспрецедентные инициативы в подготовке войск к фашистскому нашествию. Они во многом предопределили торможение германского вторжения на Шяуляйском и Лиепайском направлениях. Это, наряду с другими факторами, в конечном счете, и позволило спастись жеймьяльским евреям-беженцам.

Уделим этим инициативам и условиям, в которых они были проявлены, должное внимание.

^{xviii} Корпус пересекал государственную границу восточнее Шяуляйского шоссе – А.Х.

^{xix} Здесь не учтены 252 танка 2-й танковой дивизии, также воевавшей в полосе 8-й армии.

Новый командующий ПриОВО Ф. И. Кузнецов хорошо понимал неотвратимость нависшей с запада угрозы. Он энергично пытался встретить ее во всеоружии. Подвергаясь за это одергиваниям из Москвы, он стремился их всячески обойти. 15 июня, то есть сразу по ознакомлении с делами, Кузнецов издал развернутый приказ «По обеспечению боевой готовности войск округа»²⁴.

Генерал-полковник танковых войск П. П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПриОВО) в 1953 году вспоминал: «16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность... 18 июня командир корпуса поднял соединения по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано.

16-го июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус (командир генерал-майор танковых войск А. В. Куркин)^{xx}, который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе»²⁵.

18 июня генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, новым приказом потребовал «быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа» и приказал «До 21.6.41 г. совместно с местной противовоздушной обороной организовать: затемнение городов: Рига, Каунас, Вильнюс, Двинск, *Митава, *Либава, *Шауляй»²⁶.

21 июня на это последовала резкая отповедь, подписанная начальником Генерального штаба генералом армии Г. К. Жуковым: «Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО... провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности. Такие действия могут проводиться только по решению правительства...

Требую немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснения для доклада наркому»²⁷.

Похоже, наркому даже пришлось решать разногласия генералов: начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант Н. Д. Яковлев свидетельствует, что когда 21 июня в 14 часов он представлялся в Москве наркому обороны маршалу С. К. Тимошенко «позвонил командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал Ф. И. Кузнецов. Нарком довольно строго спросил его, правда ли, что им, Кузнецовым, отдано распоряжение о введении затемнения в Риге. И на утвердительный ответ распорядился отменить его»²⁸.

Остро стоял вопрос об эвакуации семей командиров. Некоторые из них в эти дни отправили семьи из Таураге в глубь страны. Об этом узнала Москва. «Начальник Генерального штаба генерал Жуков за это крепко меня выругал, - вспоминает генерал Е. П. Сафронов, - и заявил, что этими мероприятиями мы создаем панику среди местного населения и что правительство Литвы обжаловало наши действия. Было строго запрещено эвакуировать семьи, чтобы этим не создавать паники»²⁹.

Когда начальник Таурагенского погранотряда подполковник Головкин телеграммой попросил командование округа разрешить вывезти с застав семьи начсостава, ответ носил характер разноса: «Не поддавайтесь на провокации. Не сейте паники. Тот, кто самовольно отправит семью в тыл, будет лишен возможности возвращения ее к месту службы главы семьи»³⁰.

Рассказывает генерал-полковник Н. М. Хлебников (бывший командующий артиллерии 27-й армии): «18 июня генерал Берзарин получил приказ выехать со штабом из Риги в район южнее Шауляя. Предстояли штабные учения. В них должны были участвовать и штабы 8-й и 11-й армий. Учение проводил командующий округом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов.

Ранним утром 18 июня штаб нашей армии прибыл в назначенный район, что примерно на полпути между Шауляем и Паневежисом. Мы развернули командный пункт, работы начались. Когда проводили рекогносцировку местности, на КП приехал генерал-полковник Кузнецов. Он торопился в 11-ю армию, поэтому пробыл у нас недолго, с полчаса. Выслушав доклад командарма Берзарина, сделал несколько замечаний по ходу учения. Когда командующий уже собирался уезжать, Берзарин задал вопрос, который всех нас тревожил: почему до сих пор не разрешено вывести на огневые позиции снаряды?...

- Не спешите! – ответил командующий. Он добавил, что ему приказали отменить даже затемнение, введенное было в городах на случай воздушной тревоги, и вернуть отправленные на восток эшелоны с семьями комсостава»³¹.

Несмотря на эти приказы Ф. И. Кузнецов действовал решительно. Об этом рассказал в 1953 году П. П. Собенников: «Утром 18 июня 1941 года я с начальником штаба армии выехал в погра-

^{xx} Участие в боях 2-й танковой дивизия этого корпуса описано ниже.

ничную полосу для проверки хода оборонительных работ в Шяуляйском укрепленном районе. Близ Шяуляя меня обогнала легковая машина, которая вскоре остановилась. Из нее вышел генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Я также вылез из машины и подошел к нему. Ф.И. Кузнецов отозвал меня в сторону и взволнованно сообщил, что в Сувалках сосредоточились какие-то немецкие механизированные части. Он приказал мне немедленно вывести соединения на границу, а штаб армии к утру 19 июня разместить на командном пункте в 12 км юго-западнее Шяуляя.

Командующий войсками округа решил ехать в Таураге и привести там в боевую готовность 11-й стрелковый корпус генерал-майора М. С. Шумилова, а мне велел убыть на правый фланг армии. Начальника штаба армии генерал-майора Г. А. Ларионова мы направили обратно в Елгаву. Он получил задачу вывести штаб на командный пункт»³².

18 июня Г. А. Ларионов распорядился:

«Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня... Выезд произвести скрытно отдельными машинами»³³.

В 20 ч. 10 мин. 18 июня командир 125-й стрелковой дивизии П. П. Богайчук, минуя все инстанции, послал командующему ПриБОВО проникнутое тревогой донесение:

«Полоса предполья без гарнизонов войск наступления немцев не задержит, а погранчасти могут своевременно войска и не предупредить.

Полоса предполья дивизии находится к госгранице ближе, чем к частям дивизии, и без предварительных мероприятий по расчету времени немцами будет захвачена ранее вывода туда наших частей»³⁴. Богайчук просил дать указания, «гарантирующие от неожиданного вторжения мотомеханизированных частей немцев» или дать ему право самому разработать такие мероприятия, но отмечал, что средств дивизии для этого мало.

П. П. Собенников: «К концу дня были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа. Части 10, 90 и 125-й стрелковых дивизий занимали траншеи и дерево-земляные огневые точки, хотя многие сооружения не были еще окончательно готовы. Части 12-го механизированного корпуса в ночь на 19 июня выводились в район Шяуляя, одновременно на командный пункт прибыл и штаб армии»³⁵.

М. С. Шумилов дополняет Собенникова: «Войска корпуса начали занимать оборону по приказу командующего армией 18 июня. Я отдал приказ только командиру 125-й стрелковой дивизии и корпусным частям. Другие соединения также получили устные распоряжения через офицеров связи армии...

Боеприпасы приказывалось не выдавать. Однако 20 июня, осознавая надвигающуюся опасность, я распорядился выдать патроны и снаряды в подразделения и начать минирование отдельных направлений»³⁶.

20 июня в район Паневежиса стали прибывать управления и отделы штаба СЗФ. Окружное командование фактически превратилось в фронтовое. В Риге была оставлена группа генералов, во главе с Е. П. Сафроновым, на которую возлагались функции управления военным округом»³⁷.

20 июня генерал-майор П. П. Собенников направил распоряжение командирам 10-го и 11-го стрелковых корпусов: «Еще раз подтверждаю, что боевые сооружения в полосе предполья частями не занимать. Подразделения держать позади сооружений в боевой готовности, производя работы по усилению обороны»³⁸.

21 июня в 11.10 командир 125-й стрелковой дивизии П. П. Богайчук приказал возвести по переднему краю главной оборонительной линии окопы, щели полного профиля, противотанковые и вдоль переднего края - рвы, эскарпы, проволочные заграждения, минирование»³⁹. Все это делалось в значительной степени вразрез с указаниями Москвы, так как 20 июня «Военный совет ПриБОВО под давлением сверху вынужден был приостановить или даже отменить некоторые свои приказы и распоряжения. В частности, прекращалось уже начавшееся минирование на опасных участках обороны, у бойцов стрелковых дивизий, находящихся на границе, отбирались боеприпасы и сдавались на гарнизонные склады»⁴⁰.

П. П. Собенников: «Необходимо заметить, что никаких письменных распоряжений о развертывании соединений никто не получал. Все осуществлялось на основании устного приказа командующего войсками округа. В дальнейшем по телефону и телеграфу стали поступать противоречивые указания об устройстве засек, минировании и прочем. Понять их было трудно. Они отменялись, снова подтверждались и отменялись. В ночь на 22 июня я лично получил приказ от начальника штаба округа генерал-лейтенанта П. С. Кленова отвести войска от границы. Вообще

всюду чувствовалась большая нервозность, боязнь «спровоцировать войну» и, как их следствие возникала несогласованность в действиях»⁴¹.

В этой путаной ситуации, благодаря инициативам Ф. И. Кузнецова и смелости П. П. Богайчука, Шяуляйское направление, одно из очень немногих на всей западной границе Советского Союза, оказалось более подготовившимся к нападению врага, чем остальные ее участки. Увы, 48-я стрелковая дивизия, которая с 17 июня по ночам скрытно походным порядком двигалась из Елгавы на левый фланг 8-ой армии, 21 июня в 17.00 все еще находилась в 10 км южнее Шяуляя на отдыхе. С наступлением темноты с 22.00 дивизия должна была продолжить марш в район Нямакшчай восточнее Таураге. Лишь три батальона дивизии, по одному от каждого полка, занятые оборудованием своей полосы обороны, уже находились вблизи границы. Таким образом, левый фланг 8-й армии практически не был прикрыт.

Расположение дивизий к 22 июня 1941 года

Опишем подробнее расположение воинских частей, сыгравших основную роль в боях на Шяуляйском направлении. По оперативной сводке штаба ПриБОВО № 01 к 22.00 21.06.41.

90-я стрелковая дивизия занимала полосу в 30 км по фронту в районе Кведарна, Паграмантис, *Калтиненай, западнее шоссе. Три ее батальона были выдвинуты для наблюдения ближе к границе на рубеж *Мешкине, *Жигайце. Штаб дивизии находился в лесу в 5 км северо-восточнее Шилале⁴². На правом фланге, на восточном берегу реки Юра, располагался 286 стрелковый полк и поддерживающий его 90-й артполк, на левом фланге – 173-й стрелковый полк. Неподалеку находились огневые позиции 149-го гаубичного полка. 19-й стрелковый полк располагался во втором эшелоне⁴³.

Полоса, занимаемая дивизией, была в несколько раз шире предписываемой полевым уставом, по которому «Дивизия может оборонять полосу по фронту 8-12 км... На важных направлениях фронты обороны могут быть уже, доходя до 6 км на дивизию»⁴⁴. Это нарушение устава обрекало оборону дивизии на неизбежный ее прорыв противником. Не лучше была ситуация на соседних участках.

Так, 125-я стрелковая дивизия занимала по фронту еще более широкую полосу - 40 км Таураге, Гауре, Скаудвиле и до Паграмантиса, прикрывая непосредственно шоссе. Отдельные ее подразделения были выдвинуты для наблюдения на рубеж Аукштупай, Паюрис. Штаб дивизии располагался в 5 км юго-западнее Батакяй⁴⁵.

И. Арвасявичус уточняет: «466-й стрелковый полк майора Ш. Г. Гарипова и 459-й гаубичный полк полковника Р. В. Олейникова вместе с зенитным дивизионом расположились западнее Таураге вдоль реки Юры. 657-й стрелковый полк майора С. К. Георгиевского укрепился южнее Таураге. 749-й стрелковый полк майора И. К. Курочкина был оставлен в резерве командующего корпусом и дислоцировался в *Мишейкяйском и *Лапурвисском лесах. Дивизионы 414-го артиллерийского полка майора В. И. Соколова были приданы стрелковым полкам. Противотанковый дивизион контролировал железную и шоссежную дороги, соединяющие Тильзит и Таураге; разведывательный батальон находился на командном пункте дивизии»⁴⁶.

Приданный дивизии 51-й корпусной артиллерийский полк образовывал группу артиллерии дальнего действия. Однако плотность противотанковой обороны на участке была явно недостаточной – около трех орудий на километр фронта⁴⁷. Для защиты от нападений с воздуха имелся всего один зенитный дивизион. Кроме того, маневр артиллерии был стеснен отсутствием средств тяги. В полосе дивизии находились долговременные и полевые оборонительные сооружения строившегося Шяуляйского укрепленного района, но их было еще очень мало.

Дальше от границы, в районе Кельме располагалась 202-я моторизованная дивизия. Район *Келме – Кражай и северо-западнее до Варня и Ужвентиса с 19 июня заняла 9-я артиллерийская бригада со штабом в 1 км юго-восточнее Ужвентиса⁴⁸.

«Ее правофланговый 670-й противотанковый артиллерийский полк майора С. П. Хоминского занял огневые позиции между озерами *Буржули и *Лукшта, а левофланговый 636-й полк подполковника Б. Н. Прокудина оседлал Шяуляйский тракт и своим левым флангом упирался в реку Дубиса. Бригада создала здесь систему артиллерийских противотанковых районов в составе одного дивизиона каждый, находившихся в огневой связи между собой и эшелонированных в глубину»⁴⁹.

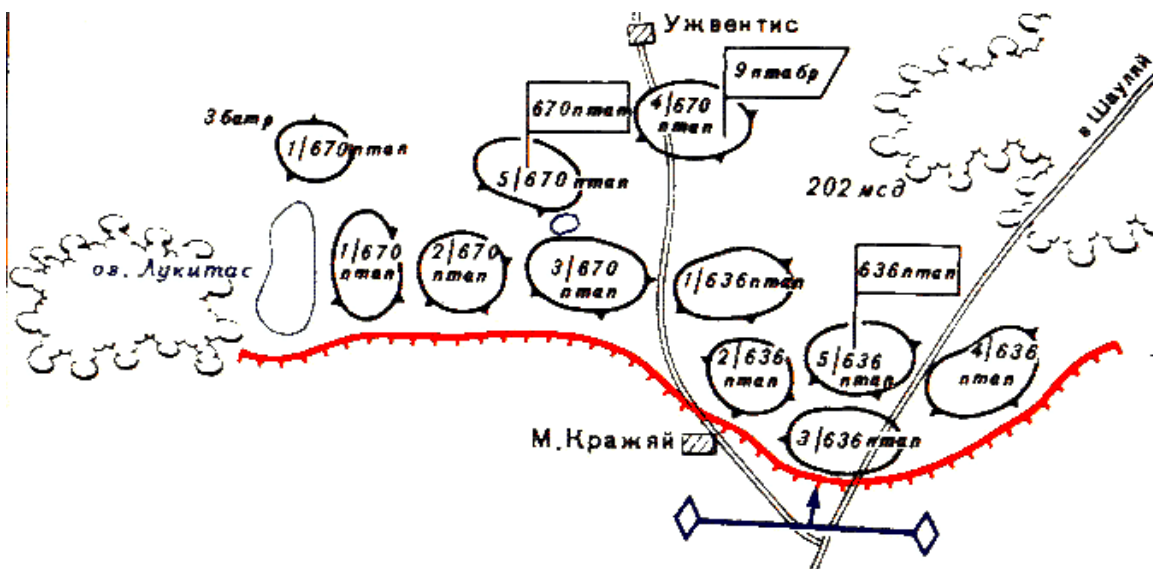

Схема 19. Боевой порядок 9 птабр на 22 июня 1941 г.

Рисунок 4

«К 20 июня полки бригады Полянского заняли и полностью оборудовали назначенные им районы обороны... По фронту участок каждого полка достигал 8 километров. Оборона строилась в два эшелона. В первом – дивизионы 76-мм пушек, во втором – дивизионы 85-мм зенитных орудий, подготовленных для стрельбы прямой наводкой... Выбрали позиции с хорошим сектором обстрела. Выслали боевое охранение.

В полку не хватало шанцевого инструмента, и Прокудин обратился за помощью к крестьянам ближайших литовских деревень. Крестьяне не только быстро собрали лопаты, кирки, топоры, но и сами помогли артиллеристам оборудовать орудийные окопы, наблюдательные пункты и укрытия для людей и техники.

Полк изготовился к бою. Единственное, что беспокоило Прокудина, – это нехватка автотранспорта: 15 тракторов и автомашин на 68 орудий и пулеметную роту»⁵⁰.

Северо-западнее Шяуляя в районе Седа, Тришкяй, Тиркшляй располагалась 23-я танковая дивизия. Восточнее ее, в районе Грузджай, Мяшкуйчай, Шяуляй, перекрывая шоссе, находилась 28 танковая дивизия.

Наконец, 2-я танковая дивизия^{XXI} из состава 3-го механизированного корпуса 11-й армии, также принимавшая активнейшее участие в боях на Шяуляйском направлении, располагалась в лагере под *Руклой⁵¹ в 5 км юго-восточнее Ионавы.

В предполье находились также строительные и саперные части, занятые оборонным строительством, численностью более 60 тысяч человек, в том числе десять саперных батальонов, прибывшие с Дальнего Востока. Последние были полностью вооружены⁵². Александр Славинас, начальник 1-го отделения контрразведки Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) Литвы, рассказывает: «В субботу 21 июня я находился в Паланге на границе. Я был поражен размахом проводимых работ, а главное количеством солдат в бумажных, выгоревших, потертых гимнастерках. Это были стройбатальоны. Они строили укрепления из досок и песка, рыли окопы... В некоторых местах возводились более основательные укрепления, это были огневые точки из камня и бетона. Но их было очень мало»⁵³.

^{XXI} 2-я танковая дивизия (командир – генерал-майор Е. Н. Солянкин) имела в составе первых батальонов танки КВ, в остальных – БТ и Т-26 и небольшое количество Т-34 (Иринархов. С.49). По данным сайта «Механизированные корпуса РККА 1940 - 1941гг.» дивизия имела 252 танка, в том числе 32 танка КВ-1 и 19 танков КВ-2.

А. Ионин, дежуривший в субботу 21 июня в Таураге в штабе 106-го погранотряда, пишет: «Строители работали почти круглосуточно. Вчерашние штатские каменщики, плотники – многие из них уже пожилые – хорошо знали свое дело. По берегу Юры и ближе к границе быстро появлялись внушительные сооружения – доты, блиндажи, командные и наблюдательные пункты. Но объекты находились в стадии завершения и, естественно, не могли быть заполнены войсками. Самих стройбатовцев как серьезную военную силу принимать в расчет не приходилось. Вооруженные трехлинейками, наскоро прошедшие обучение по программе одиночного бойца, они были хорошими специалистами строительного дела, но вряд ли могли противостоять опытному, технически подготовленному противнику...»⁵⁴

С немецкой стороны западнее шоссе Тильзит – Таураге дислоцировались входившие в состав 1-го армейского корпуса 11-я, 1-я, и 21-я пехотные дивизии. Непосредственно против поселка Сартининкай, где проходил стык наших 90-й и 125-й стрелковых дивизий, располагалась немецкая 21-я пехотная дивизия⁵⁵. Западнее, в поселке *Коадьютен, - 1-я пехотная дивизия, которая к ночи с 21-го на 22-е июня встала против *Акмонишек⁵⁶. Еще западнее находилась 11-я пехотная дивизия (Рис. 2).

Напротив Таураге и юго-восточнее был исходный район 1-й танковой дивизии. Причем вся артиллерия 36-й мотопехотной дивизии и 1-й полк 269-й пехотной дивизии должны были подкрепить огнем танковую дивизию при ее атаке пограничных укреплений. Правее, рядом с 1-й танковой дивизией располагалась 6-я танковая дивизия и рядом с ней 269-я пехотная дивизия⁵⁷.

22 июня 1941 года

Первый день войны навсегда остался в памяти людей, достигших к тому времени сознательного возраста. Описание этого дня сохранилось в тысячах дневников, статей и книг. Многие события зафиксированы с минутной точностью.

Остановимся, начиная с полуночи, на тех из них, которые важны для нашей темы.

Последние «мирные» часы

Поздно вечером 21 июня нарком обороны С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков направили в войска директиву № 1. Она была многословной и двусмысленной. Предупреждая, что «В течение 22 - 23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев» и предписывая «в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов» и «все части привести в боевую готовность» директива указывала на необходимость «не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»^{xxii} и связывала инициативу командующих предписанием «никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»⁵⁸.

Передача директивы № 1 в округа продолжалась до 0 часов 30 минут. Находившийся в это время в штабе ПриОВО в Паневежисе начальник войск связи полковник П. М. Курочкин рассказывает: «В 0 часов 20 минут на телеграфной ленте аппарата Бодо, работающего с Москвой, появились требовательные слова: «Немедленно к аппарату начальника штаба для приема весьма важного». Дежурный по связи доложил начальнику штаба, мне и оперативному дежурному. Через минуту ответ в Москву: «У аппарата Кленов»^{xxiii}. «Принимайте директиву народного комиссара обороны». Слово за словом стала передаваться директива о возможном нападении немецко-фашистской армии на нашу страну и о требовании приведения всех частей округа в полную боевую готовность»⁵⁹.

В это время вдали от Паневежиса в Таураге в кабинете командира 125-й стрелковой дивизии собрались офицеры штаба, командиры родов войск и служб дивизии. «Все ждали разговора с военсоветом 8-й армии. Какие указания даст командование. Вскоре раздался телефонный звонок. Разговор был короткий. Еще раз требовалось не поддаваться панике, отменить выезд семей командиров, с утра снять батареи с позиций и убрать минные поля.

^{xxii} «Директива № 1 была, по существу, смертным приговором Красной Армии: не сопротивляться, когда в тебя стреляют!» (Виктор Суворов. Тень победы. – Донецк: «Сталкер», 2004. С. 193).

^{xxiii} Генерал-лейтенант П. С. Кленов – начальник штаба СЗФ.

Командиры расходились молча. Каждый понимал, что эта директива не соответствует создавшемуся положению, но приказ есть приказ»⁶⁰.

Около часа ночи командир 106 погранотряда подполковник Л. А. Головкин получил с заставы доклад, что к границе подошла большая группа тяжелых машин без света, несомненно, танков. Он сразу сообщил об этом командиру 125-й стрелковой дивизии генералу П. П. Богайчуку⁶¹.

В это время «в штабе остались командир дивизии П. П. Богайчук, начальник артиллерии подполковник Я. П. Синкевич, инженер майор Б. Т. Вертоградов, химик капитан Яценюк и шифровальщик. Богайчук приказал командирам полков вывести красноармейцев из казарм, занять позиции и подготовиться к бою.

Этот приказ можно было расценить, как нарушение воинской дисциплины, так как он противоречил указаниям командования 8-й армии, но он соответствовал положению на границе, которое требовало в настоящий момент действовать самостоятельно и без промедления. Позже выяснилось, что командование 8-й армии во время телефонного звонка еще не знало о директиве [№ 1]...»⁶²

В два часа подполковник Л. А. Головкин приказал всему личному составу немедленно занять оборонительные сооружения. Пограничники были выведены из казарм и заняли огневые точки во круг застав: несколько блиндажей с деревянными козырьками и амбразурами для пулеметов, окопы полного профиля, стрелковые ячейки, соединенные ходами сообщения⁶³.

Инициатива этих командиров, практически не имевшая в эти часы аналогов, сыграла заметную роль в задержке фашистских колонн на Шяуляйском направлении.

«Командующий округом генерал-полковник Кузнецов, как и другие командующие приграничными округами, сам получил из Москвы директиву Наркома обороны и начальника Генерального штаба о приведении войск в боевую готовность лишь около часу ночи 22 июня.

В распоряжении командующего округом оставались до рассвета считанные часы»⁶⁴.

В 2.25 Ф. И. Кузнецов приказал «скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать.

В случае провокационных действий немцев огня не открывать»⁶⁵. В случае перехода крупных сил противника в наступление, предписывалось использовать для усиления войск саперные батальоны, а строительные части, которые не были вооружены, отвести в тыл.

Обстановку в это время в штабе ПриОВО в Риге, описывает командующий артиллерии 27-й армии Н. М. Хлебников, прибывший туда, чтобы добиться выдачи артиллерийским частям необходимых боеприпасов:

«В штабе пустовато. Почти все руководящие работники во главе с генерал-полковником Кузнецовым еще в войсках. На месте только заместитель командующего генерал-лейтенант Е. П. Сафронов. Он не скрывал беспокойства: с командующим так и не было связи... Начались непрерывные звонки из частей. Командиры спрашивали: как понимать директиву командующего округом? Как отличить провокацию от настоящей атаки, если противник предпринял боевые действия?

Положение у Егора Павловича затруднительное: что им ответить, если сам в глаза не видел этой директивы. командующий округом отправил ее войскам первого эшелона, не известив своего заместителя»⁶⁶.

Напряженность нарастала. Командир 10-й стрелковой дивизии доложил: «По всей границе слышен шум моторов». От одной из пограничных застав поступило сообщение: «В 2 часа 30 минут 10 немецких танков подошли непосредственно к нашей пограничной заставе и, не предпринимая никаких действий, остановились». Из 125-й стрелковой дивизии докладывали: «В три часа утра перед фронтом дивизии отмечено большое скопление пехоты и танков»⁶⁷. Штаб округа отвечал однотипно: «Не поддавайтесь на провокацию»⁶⁸. А что еще мог ответить штаб, скованный директивой № 1?

Первые минуты войны

В описании последующих событий - точного времени начала войны, и что было первым: артиллерийский обстрел или авиационный налет, отечественные источники расходятся.

Командующий ПриОВО Ф. И. Кузнецов в 6.10 докладывал наркому обороны: «В 4.00 22.6.41 г. немцы начали боевые действия. Военно-воздушные силы противника бомбардировали аэродромы *Виндава, Паневежис, Шяуляй, *Ковно. Обстреляли артиллерией Паланга, Таураге, Калвария»⁶⁹.

Директива № 2 от 22.6.41 г. 7.15 Тимошенко, Маленкова, Жукова также указывает на 4.00⁷⁰.

В истории немецкой 1-й танковой дивизии записано, что 21 июня в 13.30 поступил приказ: «Б[арбаросса] - 22.6.1941. Начало наступления 3.05»^{xxiv}. Аналогичная запись имеется в истории немецкой 21-й пехотной дивизии: «Б-день – 22.6.1941. Время X – 3.05»^{xxv}. В истории немецкой 1-й пехотной дивизии сказано, что она перешла границу 22 июня в 3.05. На левом фланге наступал 1-й пехотный полк, на правом – 22-й пехотный полк⁷¹.

В разведывательной сводке для Генерального штаба, подписанной П. Кленовым, начальником штаба Северо-Западного фронта, уточнялось: «После артиллерийской подготовки военно-воздушные силы противника нарушили государственную границу и, начиная с 4.15 22.6.41 г., производили налеты и бомбардировку ряда объектов на нашей территории»⁷².

Рисунок 5. Часть географической карты «Литовская ССР»⁷³

Не пытаюсь разобраться в этих временных разночтениях, приведем яркие воспоминания очевидцев о происходившем на Шяуляйском направлении у Таураге в первые минуты войны.

А. Ионин: «Без десяти четыре я вышел из штаба проверить часового. Светало. С луга, из-за реки Юры полз туман... Дружно, как и вечером, перекликались за околицей дергачи... Город мирно спал, как вчера, как и неделю назад...

Часовой ходил возле штаба в полной боевой готовности: с винтовкой в руках, с противогазом, со скаткой за спиной. В крепости, где размещались подразделения управления части и склады, гудели моторы автомашин...

Убедившись, что часовой несет службу исправно, я пошел в дежурку. Но едва успел переступить порог, как услышал какой-то гул, похожий на дальний раскат грома. Это было в четыре ноль-ноль. В ту же минуту город потонул в грохоте разрывов»⁷⁴.

^{xxiv} «B – Tag 22.6.1941. Angriffsbeginn 3.05» (Stoves. С. 182). Здесь германское время, возможно, на час отличалось от советского.

^{xxv} «B-Tag ist der 22.6.1941. X-Zeit 3.05 Uhr» (Allmayer-Beck... С. 115).

Р. Штовес: «Тревожную зловещую тишину, царившую ночью 22 июня 1941 года, разорвал в 3.05 страшный удар.

550 стволов, в том числе орудий с железнодорожных платформ, курсирующих в зоне [41-го танкового] корпуса вдоль границы, в течение 40-минутной артподготовки обрушились стальным градом на оккупированную Советами балтийскую землю. Но еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к грунту, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предрассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров»⁷⁵.

Гельмут Дамерау (Helmut Damerau), старший лейтенант 11-й роты 24-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии: «3.05. Мы бежали через узкий проход в проволочном заграждении, неслись через открытый луг и с бьющимся сердцем достигли небольшой возвышенности, поросшей лесом. Не раздалось ни единого выстрела. Однако гром пушек со стороны Таураге не оставлял места для иллюзии, что это могут быть маневры»⁷⁶.

Первые вражеские снаряды взорвались в военном городке 466-го стрелкового полка. Один из них прямым попаданием угодил в здание штаба дивизии»⁷⁷.

Ионин «От прямого попадания снаряда здание штаба тяжело вздрогнуло и быстро наполнилось едким дымом. Второй снаряд, угодивший в окно к связистам, разнес коммутатор... Черные столбы дыма вырывались из крепости, где хранились цистерны с бензином. Взвивались в небо с треском разноцветные ракеты: горел склад боеприпасов.

Значение своевременно отданного приказа – занять оборонительные рубежи – было поистине неоценимо, так как первые удары артиллерии и минометов противника были нацелены на казармы...

Охватывая новые районы города, бушевал вражеский артиллерийский огонь...

От дома к дому неуверенными бросками перебегали красноармейцы. Размахивая пистолетом, их вел молодой лейтенант... Они пробирались к мосту через реку Юру, где была подготовлена основная линия обороны.

Телефоны в дежурке молчали... Не работала и стационарная радиостанция, выведенная из строя близким разрывом снаряда. Действовала лишь рация, смонтированная на автомашине. В четыре часа десять минут она выбросила в эфир первую радиogramму военного времени: «На всем охраняемом участке немцы силами танков и мотопехоты нарушили границу. Заставы ведут бой. Головкин»... »⁷⁸.

В. Ф. Зотов, начальник инженерных войск СЗФ, находившийся в это время в гостинице в Таураге: «В 4 часа утра 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов. Я подскочил к окну и увидел, как от взрыва первых же снарядов загорелся дом, в котором размещался штаб 125-й стрелковой дивизии, находившийся как раз против гостиницы. Быстро одевшись, побежал в 93-е управление военного строительства, расположенное рядом с гостиницей, начальником которого был военный инженер 2-го ранга В. А. Квятковский. Враг вел огонь главным образом зажигательными снарядами, вследствие этого через 15 - 20 минут после начала артиллерийского обстрела весь город горел...

Связь со строительными участками управления с начала артобстрела была полностью нарушена, поэтому В. А. Квятковскому было приказано немедленно выехать на правый фланг фронта, где располагались строительные части управления, и отвести их в район Кельме. Я поехал на левый фланг рубежа строительства управления с той же целью...

Как выяснилось позже, все саперные и строительные части, имевшие оружие, были включены в полевые войска и вели бои на границе, а не имевшие оружия отходили в тыл»⁷⁹.

В расположении 466-го полка 125-й стрелковой дивизии земля смешалась с небом. Столбы песка вздымались на позициях артиллерии. Дивизионы и батареи ждали приказа вступить в бой. Командир полка Ш. Г. Гарипов, запросил у командира дивизии разрешение открыть ответный огонь, указав на большие потери, которые несет полк, но получил отказ.

Вражеская артиллерия около получаса безнаказанно громила наши позиции. Красноармейцам, находившимся на передовой, эти тридцать минут показались вечностью. Долгожданная команда артиллерии переднего края и гаубичным батареям была отдана только после разговора командира дивизии со штабом корпуса. Загремели наши орудия. Началась артиллерийская дуэль⁸⁰. К ней сразу подключился и 51-й корпусной артиллерийский полк, обрушивший ответную лавину огня на вражеские войска, сосредоточенные в районе Тильзита⁸¹.

Эрхард Раус: «После артиллерийской подготовки, которая началась в 3.05, самолет-разведчик «шторх» выяснил, что деревянная пулеметная вышка на окраине *Шилини, уничтожена, после чего 6-ая танковая дивизия пересекла советскую границу к югу от Таураге»⁸².

В 4.30 штаб 8-й армии разослал в части сигнал воздушной тревоги⁸³.

О последующем узнаем из разведывательной сводки штаба СЗФ: «Налеты авиации и бомбардировка производились на следующие объекты: 4.42 22.6.41 г. до 45 самолетов бомбардировали Шауляй. Над Шауляй происходил воздушный бой; в 4 часа 15 минут группа самолетов действовала над Виндава; в 4 часа 18 минут 5 самолетов обстреляли *Виштынец и эти же самолеты действовали на Калвария; в 4 часа 25 минут на *Юрбург сброшены бомбы; в 4 часа 20 минут до полка авиации бомбардировали Каунас, Калвария; в 4 часа 55 минут 5 самолетов бомбардировали аэродром Паневежис.

В этот же период времени были подвергнуты бомбардировке *Кейданы, Симно, Алитус»⁸⁴.

В Шауляе был разрушен узел связи. То же произошло в Укмерге. Были частично повреждены узлы связи в Каунасе и Вильнюсе.

Первый вражеский налет на аэродром Шауляя подробно описал его очевидец Виталий Иванович Клименко, в то время лейтенант первой эскадрильи на И-16 10-го истребительного авиационного полка: «Мы в это время жили в летнем лагере - в палатках возле аэродрома. Как раз шли учения ПриОВО. Проснулся часов в пять... Слышу, гудят самолеты. На аэродроме дежурила третья эскадрилья, на И-15, прозванных гробами, поскольку на них постоянно были аварии. Вот, думаю, налет с Паневежиса, а эти его небось прозевали. Открываю полу палатки, смотрю, над нами «кресты» хлещут из пулеметов по палаткам. Я кричу: «Ребята, война!» - «Да, пошел ты, какая война!» - «Сами смотрите - налет!» Все выскочили - а уже в соседних палатках и убитые есть и раненые. Я натянул комбинезон, надел планшет и бегом к ангару. Технику говорю: «Давай, выкатывай самолет». А дежурные самолеты, что были выстроены в линейку, уже горят. Запустил двигатель, сел в самолет, взлетел. Хожу вокруг аэродрома - я же не знаю, куда идти, что делать! Вдруг ко мне подстраивается еще один истребитель И-16. Покачал крыльями: «Внимание, за мной!». Я узнал Сашку Бокача, командира соседнего звена. И мы пошли на границу. Граница прорвана, смотрим, идут колонны, деревни горят. Сашка пикирует, смотрю, у него трасса пошла, он их штурмует. Я - за ним. Два захода сделали. Там промахнуться было невозможно - такие плотные были колонны. Они почему-то молчат, зенитки не стреляют. Я боюсь оторваться от ведущего - заблужусь же! Прилетели на аэродром, зарулили в капонир. Пришла машина с командного пункта: «Вы вылетали?» - «Мы вылетали». - «Давайте на командный пункт». Приезжаем на командный пункт. Командир полка говорит: «Арестовать. Посадить на гауптвахту. Отстранить от полетов. Кто вам разрешил штурмовать? Вы знаете, что это такое? Я тоже не знаю. Это может быть какая-то провокация, а вы стреляете. А может быть, это наши войска?». Я думаю: «Твою мать. Два кубика-то слетят, разжалуют на фиг!» ...»⁸⁵

Что происходило в соседнем Грузджяе рассказал генерал-лейтенант В.П. Буланов, встретивший войну штурманом экипажа пикирующего бомбардировщика Ар-2 в 46-м БАП: «В 4.30 нас подняли по тревоге. - Как, что? Ничего не говорят. Около 5 часов дают первое задание: бомбить немцев, форсирующих реку Неман в районе Тильзита. Вылетает первая эскадрилья, вылетает вторая - по девять самолетов. Мы вылетаем третьей эскадрильей. Первая девятка отбомбилась... вторая отбомбилась... Мы уже подходили к Неману, и вдруг команда - вернуться... Возвращаемся с бомбовой нагрузкой. Поставили самолеты, пошли завтракать - и тут вдруг пролетает немецкий разведчик, а за ним появляются бомбардировщики «Хейнкель - 111». Тоже девяткой. Немцы начали бомбить самолетные стоянки, а как отбомбились, прошли на бреющем и по кромке леса, стали бить из пулеметов. Один раз сделали заход, прочесали, второй... Немцы отбомбились по цели, часть бомб сбросили в лес и ушли без потерь. Наконец все утихло. Начали мы к аэродрому собираться... Только стали подходить - тут начали наши же бомбы в самолетах взрываться... Мы обратно деру! Потери в оставшейся на аэродроме технике оказались значительные. Был и один погибший...»⁸⁶

В Каунасе в это время находился в командировке летчик Александр Ефимович Шваров: «Я в ночь с субботы на воскресенье 22 июня ночевал у друзей из 31-го ИАП. Слышим около 4 утра - стрельба зениток. До этого проходил слух, что будут учения. Мы так и решили сразу, что начались учения. Но с нашего дома был виден Каунасский аэродром. Рядом с аэродромом располагался мясной комбинат. И я вдруг увидел зарево и говорю: «Братцы, это не учения, смотрите, ангар горит.

Мы быстро оделись и побежали на аэродром. Никого из начальства нет. Ангар горит. Мы, кто прибежал, успели выкатить оттуда самолеты. Сели в самолеты, и командир звена Волчок приказал: «Вылетай за мной!». Мы стали вылетать парами. Навстречу нам шла группа самолетов Хе – 111 – грозные самолеты, с сильным бортовым вооружением. Мы подлетели к ним, стреляем, но вся беда была в том, что у МиГ-3 стояли пулеметы ВС калибром 12,7-мм, которые частенько заедали – пых, и дальше не стреляет. А по нам стреляли из пулеметов. После первого вылета в моем самолете насчитали около сорока пробоин, и 8 пуль застряло у меня в парашюте... А в «миге» же бензосистема, водяная система и маслосистема. Как же мне повезло, что ни один шланг не был пробит!»⁸⁷

Ситуацию в воздухе и на аэродромах подробно описывает Иринархов: «Поднятые по тревоге летчики сумели поднять в воздух какое-то количество самолетов. Но отсутствие связи с вышестоящим командованием и никем еще не отмененный грозный приказ «не отвечать на провокации» не позволили командирам авиационных соединений проявить инициативу и нанести ответный удар»^{xxvi}. Молча, стиснув зубы, наблюдали летчики, как гибнут на земле их товарищи.

Выработав топливо, самолеты возвращались на свою базу и сразу же попадали под бомбы очередной волны немецких бомбардировщиков...^{xxvii}

И все же были люди, не побоявшиеся нарушить приказ Генштаба. Так поступил командир 9-го скоростного бомбардировочного полка майор М. И. Скитев. Уже в 4:50 25 бомбардировщиков под его командованием нанесли удар по скоплению вражеских войск в районе Тильзита. С этого первого боевого задания на базу вернулись 22 самолета (три были сбиты зенитчиками)⁸⁸.

К 22 июня в Литве находилось значительное количество вражеских диверсантов, как заброшенных из Германии, так и завербованных в Литве «Фронтом литовских активистов» (ФЛА) и другими подпольными организациями. Они активизировались с первых минут войны, начав с разрушения линий связи. В результате проводная связь была нарушена почти по всем основным направлениям. Радиосвязь на первых порах в большинстве случаев не использовалась «из-за слабостью подготовки штабных работников, которые не умели ее применять для управления войсками... Короткими сигналами по радио информацию передавать еще не умели, а для передачи, да еще шифрования громоздких радиogramм не доставало времени»⁸⁹.

Столкновение противника с пограничниками

Первые шаги немецкой 1-й танковой дивизии в районе Таураге описывает Р. Штовес:

«В 4.05 22 июня 1-й танковый полк начал наступление в составе боевой группы Крюгера (Krüger) из исходного района около *Жилуттен. В авангарде – ударное подразделение Кнопфа (Knorff) (37-й саперный батальон и 6 рота 1-го танкового полка). Получасом позже пройдена старая литовская граница. Группа Крюгера, обходя [с запада] Таураге, пробилась севернее. Первые укрепления прорваны без значительного сопротивления неприятеля. Противотанковые заграждения севернее *Цириники переехали без труда»⁹⁰.

Советские источники описывают события так: «С 5 часов 25 минут пехота и танки противника перешли в наступление... пехота - на *Шаки, Виштынец и Калварию. Танки, - нанося основной удар на направлении Кретинга, *Картена и более мощный – на участке Таураге, Юрбург»⁹¹.

Передовые отряды немцев начали окружать пограничные заставы, занимать рубежи передполья советских войск. Впереди на мотоциклах, бронемашинах и бронетранспортерах с прицепленными к ним пушками двигались разведывательные подразделения, поддерживая постоянную радиосвязь с главными силами. Советские пограничники смело вступили в бой с намного превосходящим их по силе противником, но, имея на вооружении только стрелковое оружие, не имели возможности оказать длительное сопротивление.

Бой одной из застав описывает Ионин: «... на двухсоткилометровом участке границы перед врагом выросли десятки малых крепостей, взять которые с ходу гитлеровцам не удастся. Отстоя-

^{xxvi} Командующий фронтом Ф. И. Кузнецов докладывал наркому обороны: «Наши военно-воздушные силы в воздухе. До получения Вашего приказа границу не перелетать, я... принял меры, чтобы бомбить противника, не перелетая границы» (Сборник 34. С. 36).

^{xxvii} 22 июня ВВС округа потеряли 98 боевых машин, в основном из-за бомбежки аэродромов» (Тимохович И.В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М. 1976. С. 22).

щие одна от другой на десяток и более километров, заставы принимали удары врага, и тактически они представляли собой боевое охранение передовых частей Красной Армии.

«Стоять насмерть!» – таков был девиз воинов границы...

Первая застава... стояла против Таураге, возле шоссе на дороге, пересекающей границу. Около пяти часов утра на шоссе появились вражеские танки^{xxviii}. Они неслись с большой скоростью и стреляли на ходу.

Застава, занявшая круговую оборону, до поры до времени ничем не выдавала себя. Начальник заставы понимал, что ни пулеметный, ни, тем более, винтовочный огонь танкам не помеха.

Вслед за танками двинулась колонна автомашин с пехотой. Надеясь, видимо, на бронированное прикрытие, она шла, как на параде, без мер боевого охранения.

Когда фашисты въехали в зону, доступную для минометного и ружейно-пулеметного огня, начальник заставы подал команду: «Минометам, по вражеской пехоте – огонь!»

Шесть ротных минометов, поступивших на заставу перед самой войной, дали первый залп. Мины легли в голове колонны. Одна машина задымила. Последующими залпами были накрыты еще две. Боевой строй колонны нарушился, водители, пытаясь обойти горящие машины, срывались в кюветы и застревали.

Внезапность огневого налета внесла замешательство в ряды фашистских автоматчиков; они беспорядочно прыгали с машин и попадали под прицельный огонь ручных и станковых пулеметов пограничников. По снайперски били хорошо обученные стрелки. Многие из вражеских солдат и офицеров, едва лишь ступив на нашу землю, больше уже никогда не смогли подняться.

На помощь гитлеровцы вызвали группу танков. Машины двигались подковой, обтекая участок обороны пограничников... На пути танков вырастают столбы дыма – это пограничники отбиваются гранатами. Но опасные для пехоты гранатные осколки как горох отскакивают от брони танков...

Город горел. Со стороны железнодорожной станции слышалась ружейно-автоматная стрельба. Вскоре стало известно, что туда прорвалась группа немецких мотоциклистов. Их задерживают пограничники контрольно-пропускного пункта...

Из тыла стали слышны выстрелы дальнего боя: над головами зашуршали наши снаряды. Замешательство, вызванное оглушающей внезапностью нападения, постепенно проходило...

Пример бесстрашия показывал военком Иванов, имевший большой боевой опыт... Отправив с машиной уездного комитета партии документы партийного учета в тыл, он уехал на участок первой комендатуры, где уже погибли и комендант и военком...

Перед началом боевых действий на заставы был передан приказ командующего стрелковым корпусом: «Заставам отразить действия разведывательно-поисковых групп врага, после чего отойти на линию боевого охранения частей Красной Армии».

Задача соответствовала силам и средствам застав. Коррективы в нее внесли сами пограничники – большая часть их стояла на своих рубежах до последнего»⁹².

В бои вступает Красная Армия

Из-за дезорганизации связи сведения из армий поступали в штаб фронта нерегулярно и во многом уже не соответствовали сложившейся на тот момент ситуации. На правом фланге 8-й армии в 6.00 вражеский мотоциклетный батальон с танками занял Кретингу. В районе *Вежайчяй до батальона танков прорвались к Ретава⁹³.

На участке фронта, защищаемом 11-й армией, упорные бои шли за Кибартай и Вирбалис⁹⁴. Командующий фронтом генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, которого начало войны застало в пути из Алитуса в штаб в Паневежисе, похоже, не представлял себе силы врага. В 6.10 он доложил наркому обороны, что «Отдал приказ контратаками выбросить противника и пленить»⁹⁵.

Донесения командованию группы армий «Север» от немецких частей, атакующих нашу 8-ю армию, к 6 утра были обширнее и точнее:

291-я пехотная дивизия вела местные бои в Кретинге,

61-я пехотная дивизия захватила мост через реку Миния около города Гаргждай,

11-я пехотная дивизия заняла Жемайчу-Науместис.

^{xxviii} По разведывательной сводке штаба СЗФ: «В 6 часов 30 минут до батальона танков перешло границу на направлении Таураге» (Сборник 34. С. 39).

1-я пехотная дивизия ударила в стык советских 90-й и 125-й пехотных дивизий и стремительно двигалась вперед. Ее дневной целью была возвышенность около Варседжя.

21-я пехотная дивизия на фронте шириной 8 км наступала на Таураге, но встретила серьезное сопротивление.

1-я танковая дивизия (боевая группа Вестхофена) находилась непосредственно западнее Таураге.

6-я танковая дивизия в 4 км от Таураге,

290-я пехотная дивизия в 12 км северо-западнее Юрбурга переправлялась через реку Митува,

8-я танковая дивизия овладела Юрбургом

291-я пехотная дивизия находилась в 12 км севернее Вешвиле⁹⁶.

Вот некоторые эпизоды боев нашей 125-й дивизии:

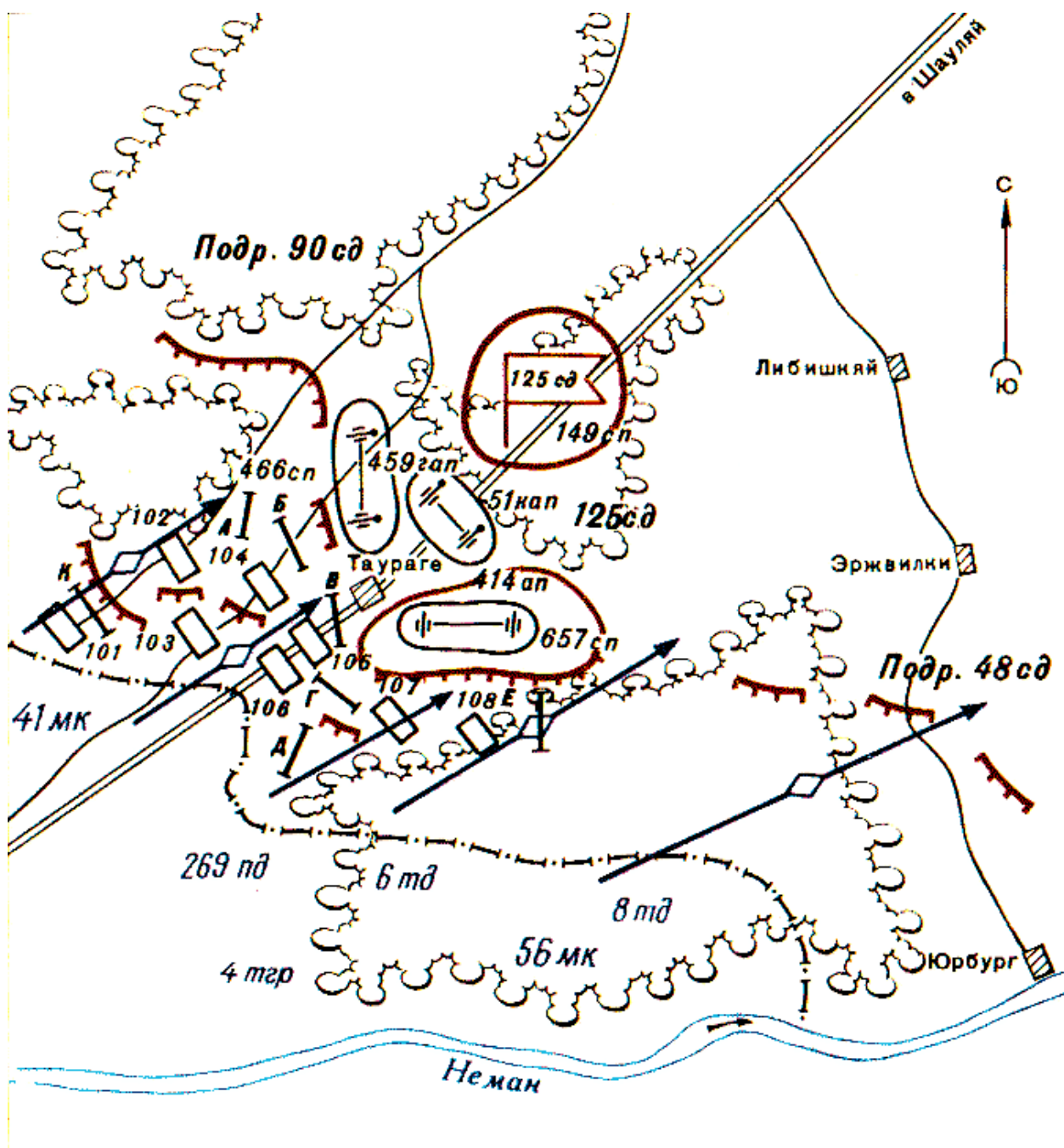

Схема 13. Группировка и огонь артиллерии 125 сд на 22 июня 1941 г.

Рисунок 6

«Около семи часов утра над городом появились «юнкерсы». Взрывы бомб сотрясали землю. В воздух взлетали бревна от скатов блиндажей, дома превращались в груды развалин, полыхали пожары. По шоссе в направлении Шауляй бежали люди, двигались повозки, от границы отступали стройбатовцы^{XXIX}. «Мессеры» на бреющем полете поливали их пулеметным огнем.

^{XXIX} «Около шести утра боевое охранение [636-го артиллерийского полка 9-й артиллерийской противотанковой бригады] доложило, что от границы едут грузовые автомаши-

После артподготовки и бомбежки поднялись в атаку гитлеровские пехотинцы. Они шли, засучив рукава, с воплями, беспорядочно стреляя. Фашисты рассчитывали на то, что боевые позиции Красной Армии подавлены. Но они жестоко просчитались. Советские воины, подпустив врага вплотную, открыли огонь. Противник был прижат к земле, атака захлебнулась. Фашисты, неся большие потери, отступили.

После безуспешной атаки пехотинцев на опушке леса появились фашистские танки. Командир дивизии направил начальнику штаба армии шифрованную телеграмму: «В районе Лауксаргяй сосредоточено много танков и мотопехоты. Прошу срочно выслать бомбардировщики». Но самолеты не появились»⁹⁷.

В формуляре 125-й стрелковой дивизии записано, что ее основные силы вступили в бой в 7.40 – 8.00.

«Гитлеровцы снова перешли в наступление. На этот раз впереди двигались танки, за ними броневики, мотоциклисты, пехотинцы. Стальная лавина неумолимо надвигалась на Таураге. Дивизионный инженер майор Б. Т. Вертоградов приказал начальнику инженерной службы старшему лейтенанту Шилову с отрядом саперов взорвать заминированный мост через реку Юра, но заряд не сработал.

- Осколком перебит провод. За мной! К мосту! – скомандовал Шилов саперам.

Отважный лейтенант и почти все саперы погибли, так и не достигнув цели.

Положение стало критическим.

Вражеские танки въехали на мост. Спасти положение бросился сам майор Вертоградов. Когда он на машине сквозь град пуль и осколков прорвался к мосту, четыре танка были уже на стороне города.

Взрыв потряс берега Юры. Мужественный дивизионный инженер преградил путь врагу. Танки он задержал, но сам не вернулся. Товарищи нашли его тяжело контуженного, в луже крови, с оторванной левой рукой.

459-й гаубичный полк полковника Родиона Васильевича Олейникова открыл огонь по прорвавшимся вражеским танкам. Завязался яростный бой»⁹⁸

ны, заполненные людьми в штатском. Это были рабочие команды, строившие пограничные укрепления. Прокудин приказал им оставить машины в полку, выдал расписки и отправил людей далее в Шяуляй. Теперь каждое из 68 орудий было обеспечено автомашиной, и маневренные возможности полка резко возросли. Гражданских шоферов заменили бойцами, имевшими водительские права. Таких в полку оказалось более, чем достаточно» (Хлебников. С. 111)

«Отражая атаки немецких танков, артиллеристы 459 артиллерийского полка выкатывали орудия на открытые позиции и били по танкам прямой наводкой. Батарея лейтенанта Яценко в первые часы боя подбила 7 вражеских танков... Когда орудийный расчет, находясь в полуокружении, был выведен из строя, командир орудия младший сержант Трофимов спрятал в укрытие своих раненых товарищей и один продолжал вести огонь по врагу прямой наводкой...

Командир 657-го стрелкового полка майор Георгиевский и политрук Яковлев находились с 4-й и 5-й стрелковыми ротами в предполье оборонительной полосы. В ходе боя эти роты были окружены, но мужественно пробились из окружения.

Командир 466-го стрелкового полка Соколов, раненный в первые же часы боя, остался в строю и продолжал руководить отражением непрерывных атак врага до конца дня. Когда был ранен и выведен из строя один из командиров батальона этого полка, начальник артиллерии дивизии майор Сенкевич заменил раненого командира батальона и руководил боем до тех пор, пока артиллерия дивизии не переменяла огневые позиции...»⁹⁹.

Рисунок 7. Боевые действия войск Северо-Западного фронта с 22 по 30 июня 1941 года¹⁰⁰.

В трудных условиях части 125-й стрелковой дивизии мужественно отбивали атаки вражеских танков, поддерживаемых авиацией и артиллерией.

Хуже было на левом фланге дивизии, где немцам не нужно было форсировать Юру. Здесь, на стыке с почти не прикрытым войсками участком 48-й стрелковой дивизии, наступали части 6-й танковой дивизии немцев в составе боевых групп Зекендорфа (Seckendorff) и Рауса (Raus). Танковый батальон немцев проскочил лесными дорогами и в 7.30 занял Гауре¹⁰¹. По словам Рауса «Мост через реку Шяшувис в Кангайлае попал в наши руки, и мы быстро разбили изолированное сопротивление на открытой местности вокруг *Мяшкой»¹⁰².

Иринархов сообщает: «Введя в бой танковые части, противник прорвал оборону дивизии. Бои сразу приобрели очаговый характер. Борьба шла за каждую пядь земли. Создать единый фронт обороны П. П. Богайчуку не удалось. Части сражались разрозненно, не имея связи ни со штабом дивизии, ни между собой.

Но даже в этих тяжелейших условиях советские воины проявляли образцы стойкости и героизма... Враг начал обходить фланги стойко удерживающих свои позиции частей дивизии»¹⁰³.

Р. Штовес: «Боевая группа Вестхофен (Westhoven), имея в авангарде 2-й батальон майора Рихтера (Richter) из 1-го стрелкового полка, прорвала 22.6.1941 несколько сильно укрепленных советских позиций, прежде всего, несмотря на мощный обстрел, захватила участок Юры на южной окраине Таураге»¹⁰⁴.

«Двигавшейся на бронетранспортерах группе 1-го батальона 1-го стрелкового полка удалось под командой старшего лейтенанта Крига (Krieg) к 11.00 в отважной рукопашной схватке овладеть несколькими неповрежденными переходами и мостами... Это имело большое значение для дальнейшего успеха операции. Таураге был взят в очень тяжелой борьбе с ожесточенно и упорно сопротивляющимся противником, превратившим почти каждый дом в маленькую крепость. Борьба разгоралась снова и снова также в тылу атакующих. Приходилось повторно создавать ударные группы из стрелков и танков, чтобы побороть особо упорные гнезда сопротивления. Заметного успеха достигла при этом отважная 6-я рота 1-го стрелкового полка. Ее командир, старший лейтенант Ритц (Ritz), был тяжело ранен при захвате шоссе моста через Юру»¹⁰⁵.

Вот один из эпизодов этого сопротивления:

«Взвод младшего лейтенанта Хазина из 4-й роты 657-го полка был вынужден отступить. Его бойцы укрепились в одном из домов. Окружив дом, фашисты потребовали, чтобы они сдались.

- Подготовить гранаты! – скомандовал командир взвода. Немцы подожгли дом, ожидая, что воины попытаются спастись бегством. Но оттуда в гущу врагов полетели гранаты. Воины взвода Хазина погибли в огне, но не сдались в плен»¹⁰⁶.

О событиях в городе ярко пишет Ионин: «В начале девятого, когда передовые вражеские войска, под прикрытием танков, подошли к реке Юра, штаб части переместился на запасной командный пункт. Мост через реку был взорван нашими саперами. Это вынудило фашистов задержаться, чтобы навести переправу.

Некоторое время с группой писарей я оставался в здании штаба. Нам было приказано тщательно осмотреть помещение, собрать оставшиеся бумаги и сжечь их. К девяти часам задание было выполнено: облитый керосином ящик с бумагами догорал. Можно было отходить на запасной командный пункт... Наша артиллерия бьет откуда-то из-за города по скоплению немцев на берегу Юры. Сильная ружейно-пулеметная стрельба слышится на северо-западной и южной окраинах взятого в клещи города. В одиночку и группами бредут по дорогам военные строители...

Минут десять спустя, вместе с бойцами, ожидавшими нас возле штаба, мы торопливо шагаем меж горящих домов на запасной КП. Остовы сожженных автомашин, огромные воронки, груды дымящихся домашних вещей, обрывки проводов, трупы – вот что осталось от города... Миновав разрушенные окраинные домишки, мы вышли в лес. И здесь, калеча деревья, бесновался огонь. На одной из полянок нас остановил окрик из кустов:

- Эй, пограничники, сюда! Помогайте, - попросил старшина-артиллерист, когда мы подошли на его голос. – Потери большие, снаряды подносить некому.

Война застала артиллеристов на марше. Батарея была вынуждена занять случайные позиции и вести бой, не имея укрытий для расчетов. Одно орудие из четырех было уже подбито, остальные, имея в расчетах по два-три человека, продолжали посылать снаряд за снарядом.

В течение получаса наша группа заменяла подносчиков снарядов. Затем фашистам удалось засечь батарею. Началась артиллерийская дуэль. В воздухе появился самолет-корректировщик врага.

Нужно было срочно менять позиции. Кинулись за лошадьми. Но разыскали всего лишь одну, остальные были убиты. Попробовали выкатить пушки на руках – ничего не получилось; колеса вязли в болотистой почве. В довершение всего кончился запас снарядов.

- Спасибо, друзья, - сказал нам старшина артиллерист. – Идите. Фашисты совсем близко. В случае чего замки придется вынуть»¹⁰⁷.

Западнее шоссе, примыкая правым флангом к 1-й танковой дивизии, наступала немецкая 21-я пехотная дивизия, нанося основной удар 24-м полком на Жигайчай и 45-м на *Пришмантай. 3-й пехотный полк дивизии следовал за 24-м полком как резервный. Дивизия должна была прорвать находящиеся примерно в 8 км от границы полевые укрепления при ручье *Эжяруона, пройти через густой лесной массив болота Плиноя, захватить участок Юры и далее овладеть возвышенностью севернее и северо-западнее Упины. Полки дивизии без особых трудностей, в перестрелке лишь с пограничниками, достигли через несколько часов дороги Аукштупай – Жигайчай. Укрепления при Эжяруоне оказались не занятыми красноармейцами, и немцы двинулись дальше¹⁰⁸.

В 8 часов штаб советского 12-го механизированного корпуса получил «приказание о ведении разведки 23-й танковой дивизией на м. *Плунгяны и готовности к выступлению 23-й и 28-й танковых дивизий»¹⁰⁹.

В 8.15 в штаб СЗФ поступила директива № 2 Генерального штаба: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу... наземным войскам границу не переходить»^{xxx}. В ее развитие командующий фронтом Ф. И. Кузнецов в 9.45 направил в войска следующую директиву:

«Противник занял танковыми и мотоциклетными частями Кретинга. В Таураге ворвались его танки и мотопехота. Видимо, противник пытается окружить части 8-й армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

12-му механизированному корпусу, ликвидировав 23-й танковой дивизией танки и мотоциклетные части противника в Кретинга, главные силы корпуса развернуть на фронте Тельшай, *Повентис для удара по флангу и в тыл противнику, прорывающемуся на Таураге.

3-му механизированному корпусу, оставив 5-ю танковую дивизию в распоряжении командующего 11-й армией, 2-й танковой дивизией и 84-й моторизованной дивизией в ночь на 23.6.41 г. выйти, заранее разведав пути движения, в район *Россиены для удара во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны по противнику... Командующему 8-й армией объединить действия 3-го и 12-го механизированных корпусов»¹¹⁰.

Этот важнейший для судьбы жеймельцев приказ устанавливал задачи армии на 23 июня.

К середине дня, нанеся большой урон врагу, но и понеся большие потери, 125-я стрелковая дивизия под угрозой полного окружения оставила Таураге

Страна узнает о войне

Из разведывательной сводки № 03 штаба СЗФ: «В период с 9 часов 8 минут до 9 часов 12 минут 12 [самолетов] Ю-88 пролетели на Шауляй и 9 бомбардировщиков с направления Россиены – также на Шауляй... и в 9 часов 25 минут бомбардировали аэродром Шауляй.

...к 9 часам до полка пехоты заняли Картена»¹¹¹.

Летчик-истребитель В.И. Клименко, арестованный за вылет без приказа с Шяуляйского аэродрома навстречу врагу, продолжает: «Когда в 12 часов выступил Молотов, мы из арестованных превратились в героев. А переживали страшно. Потери были большие, много самолетов сгорело, ангары сгорели. Из полка только мы вдвоем дали хоть какой-то отпор, не дожидаясь приказа»¹¹².

Упомянутая бомбардировка Шяуляя – первое, что запомнил о войне Израиль Якушок: «Когда началась война, я был у брата в Шяуляе. В четырех километрах от города в районе Зокняй был аэродром. 22 июня 1941 года его бомбили. Мы очень напугались. Я спросил брата:

- Ты идешь сегодня на работу?

- Нет, магазин закрыт, бомбят. Что делать?

Я сказал:

^{xxx} До 6.30 Сталин не давал разрешения на ответные действия по отражению нападения Германии. Лишь после сообщения Молотова об объявлении ею войны Советскому Союзу Сталин санкционировал подписание директивы № 2. Она была подписана в 7.15. и в ПриБОВО передана в 8.15 (Горьков. 17-18).

- Иди в магазин, забирай все деньги, и поедem в Жеймялис.

- Что ты, государственные деньги заберем?! Нет!

Один велосипед у нас был. Бузя (Бениамин) Эрлих, он в Шяуляе жил, дал нам свой велосипед. И мы поехали. Дорога - 56 километров, два-три часа езды, и мы в Жеймялисе».

Загорский Ф.: «Началась война, и я в Шяуляй уже не поехал. В Жеймялисе у многих было радио, и о начале войны мы узнали еще до речи Молотова. Конечно, в местечке уже никто не работал. Все собрались на Базарной площади кучками и рассуждали, рассуждали».

Якушок И.: «Литовцы принесли на площадь куски железа от сброшенной немцами где-то бомбы. Начали евреям показывать, как бы угрожая:

- Видите! Видите!»

Берман З.: «Война началась в воскресенье. Я был в Жеймялисе. В субботу было тихо и спокойно. Еще никто ничего не знал. А когда началась война, тогда уже начали нервничать. Переживали. Думали, как же будет, что будет? Потому что мы знали, что немцы убивают евреев. Но про литовцев не думали, что они так будут вести себя, как потом оказалось»¹¹³.

Впрочем, долго ждать не пришлось. Исследователь коллаборационизма в Прибалтике М.Ю. Крысин пишет: «Новые националистические отряды начали формироваться в Литве в тот же день, когда стало известно о нападении Германии на Советский Союз. От 35 000 до 36 000 человек действовали под контролем Фронта литовских активистов, который посылал в Литву своих эмиссаров из Берлина. Еще от 90 000 до 100 000 вооруженных литовских националистов действовали в разрозненных отрядах, которые не контролировались ФЛА)...»¹¹⁴

Автор книги о Жеймялисе Альгимантас Мишкинис сообщает, что в Литве 22 июня 1941 года «после перехода границы Советского Союза германской армией началось антисоветское восстание. Особенно активны восставшие были в Шяуляйском уезде. Об их деятельности в Жеймялисе и окрестностях данных нет, хотя в соседней Линкуве в первый день восстания действовал созданный еще ранее отряд стрелков и гимназистов. Во время стычек с частями Красной Армии там погибло 10 партизан»¹¹⁵.

По данным историка Арунаса Бубниса организаторами этого литовского партизанского отряда были «лейтенант И. Якубайтис и капитан Ионас Тинтярис. Они же взяли на себя командование отрядом, который насчитывал около 50 вооруженных членов»¹¹⁶. По его же данным «В Жеймялисе, подобно тому, как это происходило в других местах Литвы, был организован и приступил к действиям отряд партизан, большинство бойцов которого составили бывшие шаулисты^{xxxI}. Руководство отрядом взяли на себя капитан И. Ясюнас и подполковник Б. Пулкаунинкас»¹¹⁷.

Мы не располагаем, однако, сведениями о действиях этого отряда за первые пять дней войны.

В Литве многие знали немецкий язык и слушали германское радио.

На маленьком хуторе Памушниккай, расположенном рядом с рекой Муша, в 4 км от местечка Линкува жила большая семья Абы Кагана и его жены Фриды, урожденной Плейн. Их сын Лео Каган, переживший Катастрофу, ответил на вопросы автора^{xxxII}. Его воспоминания как очевидца событий представляют большую ценность и также приводятся ниже. Вот что Лео сказал о первом дне войны.

«У нас на хуторе был маленький радиоприемник. Дел особенных в воскресенье не было - накормить животных – вот и все. И вот я услышал, что немцы перешли границу и атаковали Таураге. В этот же день у литовцев должны были быть "гегужине" (танцы). И вдруг мы узнаем, что они отменены. Почему? Война. Но все так спокойно! Невероятно. Отец говорит: "Немцы нам ничего не сделают. У меня хутор. Может быть, евреям-коммунистам и будет плохо. Но не нам. Мы в безопасности"»¹¹⁸.

Жившая в Каунасе доктор Буйвидайте-Куторгене записала в дневнике: «22 июня 1941 года... Сегодня с 4 утра аэропланы не дают спать. Моя жилища, сестра милосердия, прибежала ко мне в одной рубашке, страшно испуганная, и сказала: «Война». Мне это показалось таким диким, что я посмеялась над ней и послала ее спать. Она послушалась. В 6 часов я пошла в парикмахерскую. Улицы были тихи и пустыни. Я с усмешкой подумала, как люди легко поддаются панике. Кое-как,

^{xxxI} Шаулисты – члены литовского националистического «Союза стрелков» («Шяулю саюнга»)

^{xxxII} По просьбе автора вопросы по телефону задавал и записывал Barry Mann. Перевод ответов на русский язык выполнила Евгения Иосифовна Шейнман.

от ворот к воротам, я украдкой добралась до дома. Я все еще не верю. По радио услышала речь Гитлера о вторжении. Обвиняет большевиков в нарушении договора. Большевики-де с англичанами поддерживают сербов и так далее.

Сейчас говорит Молотов.

Теперь я только поверила»¹¹⁹.

В. М. Молотов выступил по радио в 12 часов дня. Он сказал:

«Сегодня в 4 часа... без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие... ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины...

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»¹²⁰.

Молотову верили, и жеймьяльские евреи немного успокоились. Ведь никто в местечке достоверно не знал, что происходит на фронте на самом деле^{xxxiii}. Да и кто из простых людей, прослушав речь Молотова, мог себе тогда представить, что немецкое вторжение будет столь глубоким и длительным? Кто мог подумать, что Гитлер намерен уничтожить все еврейское население?¹²¹ Кто из них знал, что еще во время вторжения немцев в Польшу при СС были созданы эйнзатцгруппы – специальные подразделения для ликвидации противников режима и евреев¹²², что 17 июня 1941 г. Гейдрих отдал устное распоряжение о привлечении местного населения к акциям по истреблению евреев?¹²³

Загорский Ф.: **По радио сказали, что немцы вошли на день, два-три, а потом их отбросят обратно.**

Между тем, за 8 часов, прошедших с начала войны до речи Молотова, обстановка на Северо-Западном фронте значительно осложнилась, о чем выступавший не сказал ни слова.

Что же произошло за это время?

Бои на участке 8-й армии

По побережью Балтийского моря наступала усиленная 291-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Херцога, насчитывавшая 17 000 человек. В 9 часов утра ею была захвачена Паланга. 505-й пехотный полк этой дивизии в первой половине дня прорвал линии советской 67-й стрелковой дивизии и, не заботясь о своих флангах, быстрым маршем продвигался в направлении Лиепая. Уже к полудню полк, заняв Скуодас¹²⁴, выполнил задачу дня.

В полосе 90-й стрелковой дивизии противник наносил основной удар по ее левофланговому 173-му стрелковому полку. Около 8 часов начались кровопролитные бои в предполье, и к 11 часам на ряде участков противнику удалось продвинуться к главной полосе обороны дивизии. Бои здесь в первые часы носили очаговый характер, борьба шла за каждый выгодный рубеж, за каждый дорожный перекресток. «В тылу противника продолжали вести бой в окружении 4-я стрелковая рота и полковая школа 173-го стрелкового полка.

Курсанты школы подпускали пехоту противника на близкое расстояние, а затем поражали сильным огнем всех видов стрелкового оружия. Они удерживали свой рубеж в течение 5 часов и истребили около двух батальонов фашистов. По заявлению пленного солдата 44-го пехотного полка, после первых двух атак от его роты уцелело лишь 6 человек... Умело организовал систему огня командир 1-го стрелкового батальона капитан Кошель: при первой же атаке противник потерял до двух рот»¹²⁵.

По немецким источникам, уже к полудню их правофланговый 22-й пехотный полк 1-й пехотной дивизии форсировал Юру¹²⁶.

На правом фланге 90-й стрелковой дивизии, обороняемом 286-м стрелковым полком, в полосе наступления немецкой 21-й пехотной дивизии от участка Жигайчай – Аукштупай к Юре, дивизи-

^{xxxiii} Так было повсюду. Например, в дислоцировавшемся в Эстонии зенитном артиллерийском дивизионе 22 июня 1941 года отсутствовала всякая информация о ведущихся в пограничных районах военных действиях. К концу дня о происшедших событиях знали лишь то, что содержалось в речи Молотова (Бээкман. С. 31).

зии вначале, по воспоминаниям немецких солдат, препятствовала лишь природа. Гельмут Даме-рау пишет: «Многочасовое непрерывное продвижение через открытые поля при становящемся все ощутимее солнцепеке привело нас к дурной славы болоту Плиноя. Здесь царила удушливая, как в инкубаторе, жара, вызывавшая у нескольких солдат потерю сознания и тепловой удар. С большим трудом пробираемся через эти джунгли; тяжелые орудия не поспевает за нами. Хотя карты для этого сумасшедшего сада даже приблизительно не совпадают с ним, наш 3-й батальон 24 пехотного полка, единственный, достиг в соответствии с приказом к полудню местности перед Юрой, которую русские посыпали отдельными снарядами»¹²⁷.

Остальные батальоны 24-го полка и продвигавшийся правее 45-й полк этой дивизии также застряли среди болот. «Однако, 3-й батальон 24-го пехотного полка, несмотря на определенные сомнения, и без тяжелого оружия, начал наступление через, как казалось, не слишком защищаемый участок реки. В действительности там находились устроенные советами, частично даже бетонированные укрепления, хотя ни в коей мере не законченные. Однако долина реки уже сама представляла значительное препятствие, которое было легко оборонять. Атака батальона потерпела неудачу при болезненных потерях. Среди павших находились командир батальона и старшина 9-й роты»¹²⁸.

С нашей стороны эпизоды, предположительно^{xxxiv}, этого боя описывает старшина А. В. Казарьян, в то время командир пулеметного взвода, состоящего из курсантов школы 286 полка 90-й стрелковой дивизии:

«...пулеметный взвод должен был не допустить форсирования противником реки на фронте в один километр, причем на участке, где враг мог перейти водную преграду вброд... Местность на противоположной стороне реки была равнинной и просматривалась в глубину до десятка километров.

Около пяти часов утра на горизонте появились танки и автомашины с пехотой противника. Не доходя пятисот – шестисот метров до реки, гитлеровские солдаты развернулись в боевой порядок. С наблюдательного пункта хорошо были видны действия врага.

Немецкая пехота подходила к реке неорганизованно... Мы подпустили немцев на минимальное расстояние... Я дал команду открыть огонь по растянувшейся цепи фашистов, и он явился общим сигналом. К нам присоединились также и полковые средства – пулеметы, артиллерия и минометы. Бой продолжался около двух часов. Попытки немцев форсировать реку не имели успеха. Ни один из фашистов не добрался до нашего берега. Противоположный берег реки был усеян вражескими трупами. Наши потери были незначительны^{xxxv}.

В первом бою отличился расчет курсанта Степанченко. Он занял огневую позицию на левом фланге и вел огонь непосредственно вдоль реки. Это сыграло решающую роль в схватке. Степанченко в упор расстрелял до тридцати фашистов... в этот день фашисты не возобновляли атак на нашем участке»¹²⁹.

Поддержку обороняющимся оказал 51-й корпусной артиллерийский полк, ставший на огневые позиции в районе Скаудвиле¹³⁰.

Альмайер-Бек констатирует: «Из-за упорного сопротивления противника при Таураге предполагаемый бросок авангарда дивизии для форсирования Юры южнее Паграмантиса замедлился»¹³¹.

Значительно успешнее действовала 1-я пехотная дивизия. Рихтер пишет, что «наступление невзирая на жару и плохие дороги шло с энтузиазмом и неожиданно быстро. При слабом сопротивлении противника участки *Балеза* (*Baleza*) и Юра были быстро преодолены. Только в области *Камшай (*Kamsciai*) и западнее Дидкемис противник пытался защищаться, но жестким ударом 22-го пехотного полка был отброшен... Соседние дивизии вначале еще отставали»¹³².

Командование 21-й пехотной дивизии, получив сведения об успехе соседнего 22-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии, направило туда для перехода на северный берег Юры свой резерв

^{xxxiv} Автор называет местом боя - пограничную реку Поюра, временем боя - 5 часов утра 22 июня 1941 года. Но в Литве нет такой пограничной реки. 286-й стрелковый полк оборонялся на рубеже реки Юра (Борьба. С. 61). Невероятно, также, чтобы утром 22 июня на германской стороне была пустынная десятикилометровая равнина. Время боя - после полудня, указанное в немецких источниках, представляется более достоверным.

^{xxxv} «У нас - трое убитых и пятеро раненых» - сообщает А. В. Казарьян, значительно но художественнее описывая этот бой в книге «Присяга на всю жизнь». М., 1988. С. 35 - 37.

- 3-й пехотный полк вместе с быстро сформированной артиллерийской группой, чтобы осуществить вниз по реке фланговый удар по противнику перед фронтом 24-го пехотного полка¹³³.

Бои 1-й танковой дивизии западнее шоссе описывает и Р. Штовес: «на Юре части маршала Ворошилова оказали ожесточенное сопротивление артиллерией и противотанковыми орудиями. Вплоть до полудня танки и стрелки 3-й роты 113-го стрелкового полка преодолевали при *Дапкискай (Dapkiskiai) частично заминированные броды на восточный берег Юры. Оттуда части 1-го батальона майора Грампе (Grampe) из 1-го танкового полка вместе с 3-й ротой бронетранспортеров Фейга (Feig) 113-го стрелкового полка пробились к шоссе Таурге – Скаудвиле»¹³⁴.

Для обороняющихся наиболее тяжелая обстановка сложилась на участке, который должна была прикрыть 48-я стрелковая дивизия, так как на передовой находились лишь три ее батальона, не успевшие дооборудовать боевых позиций. По воспоминаниям Манштейна, использовавшего здесь для наступления 8-ю танковую и 290-ю пехотную дивизии, немецкие «войска непосредственно на границе натолкнулись на слабое сопротивление, по-видимому, вражеского боевого охранения»¹³⁵.

Тем временем, 48-я дивизия, не получившая сообщения о начале войны^{xxxvi}, «направлялась походным порядком к государственной границе в районе *Немокшты, куда должна была прибыть к исходу 23 июня. Пехота и артиллерия в походных колоннах, строго соблюдая установленные для марша дистанции, с песнями двигалась по указанному маршруту.»¹³⁶.

Возле поселка Ваджгирис «внезапно над колоннами дивизии появилась немецко-фашистская авиация и обрушила на людей, обозы и артиллерийскую технику град авиационных бомб. У дивизии не было никаких средств противовоздушной обороны, а личный состав не имел при себе боеприпасов, поскольку соединение ориентировалось на обстановку мирного времени. Бомбовый удар авиации противника нанес дивизии значительные потери. Командование 48-й дивизии решило ускорить движение, чтобы под прикрытием лесов возможно быстрее прибыть в район назначения»¹³⁷.

Части 56 танкового корпуса свернули на Арёгалу. Манштейн писал, что немецкие войска «остановились вскоре перед укрепленным районом, который был преодолен только после того, как в полдень 8 тд прорвала вражеские позиции... Общее впечатление от противника было такое, что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но что советское командование не рассчитывало – или еще не рассчитывало - на него и поэтому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы...

Если корпус хотел выполнить поставленную ему задачу овладеть неразрушенными мостами через Двину у Двинска (Даугавпилс), то после прорыва пограничных позиций... в первый день наступления корпус должен был продвинуться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около *Айроголы... »¹³⁸

Прорыв противника на участке 11-й армии

Положение 11-ой армии, прикрывавшей Каунасское и Вильнюсское направления, было более тяжелым, чем левого фланга 8-й армии. На Каунасском направлении наступала немецкая 16 полевая армия, на Вильнюсском – 3-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота. К 9 часам, согласно разведывательной сводки № 03 штаба СЗФ, «на направлении Шаки наступает до пехотного

^{xxxvi} Удаленные от границы части СЗФ действительно долго не были оповещены о нападении немцев. Так в штаб 12 механизированного корпуса директива Главного Военного Совета о переходе противником государственной границы поступила лишь в 11 часов 35 минут по телеграфу (Сборник 33. С. 48). Об этом свидетельствует и такой факт, рассказанный Д.И. Осадчим, командиром 5-й танковой роты 3-го полка 2-й танковой дивизии, находившейся 22 июня 1941 года примерно в 120 км от государственной границы. «После политинформации в 10 ч. 45 мин. ко мне подошел политрук роты Григорий Кобыляцкий. Стоим на просеке, беседуем и вдруг слышим нарастающий шум. Видим, с юго-запада летят 12 двухмоторных бомбардировщиков. Политрук говорит: «Летят наши соколы». Мне, однако, странным показался их боевой порядок. И не случайно. Самолеты начали бомбить городок в районе ст. *Гайжуны, а затем и наш в районе Рукла... Примерно в полдень командир батальона капитан Карлявин объявил нам о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз» (Осадчий. С. 52).

полка; *Наумиестис, *Кибарты, Вирбалис занимают до двух пехотных полков; ... до 500 танков прорвалось в районе *Лоздзее, развивая наступление на Алитус; *Копцево занято пехотой»¹³⁹.

В 9.35 генерал-полковник Ф. И. Кузнецов обратился к наркому обороны с донесением, из которого видна критическая обстановка, сложившаяся на стыке Северо-Западного и Западного фронтов:

«Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на *Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большею частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет.

Ввиду того, что в *Ораны стоит 184-я стрелковая дивизия, которая еще не укомплектована нашим составом полностью и является абсолютно ненадежной, 179-я стрелковая дивизия – в *Сьвенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю [стрелковую дивизию] – *Гулбенэ, 183-я [стрелковая дивизия] на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым создать группировку для ликвидации прорыва не могу. Прошу помочь»¹⁴⁰.

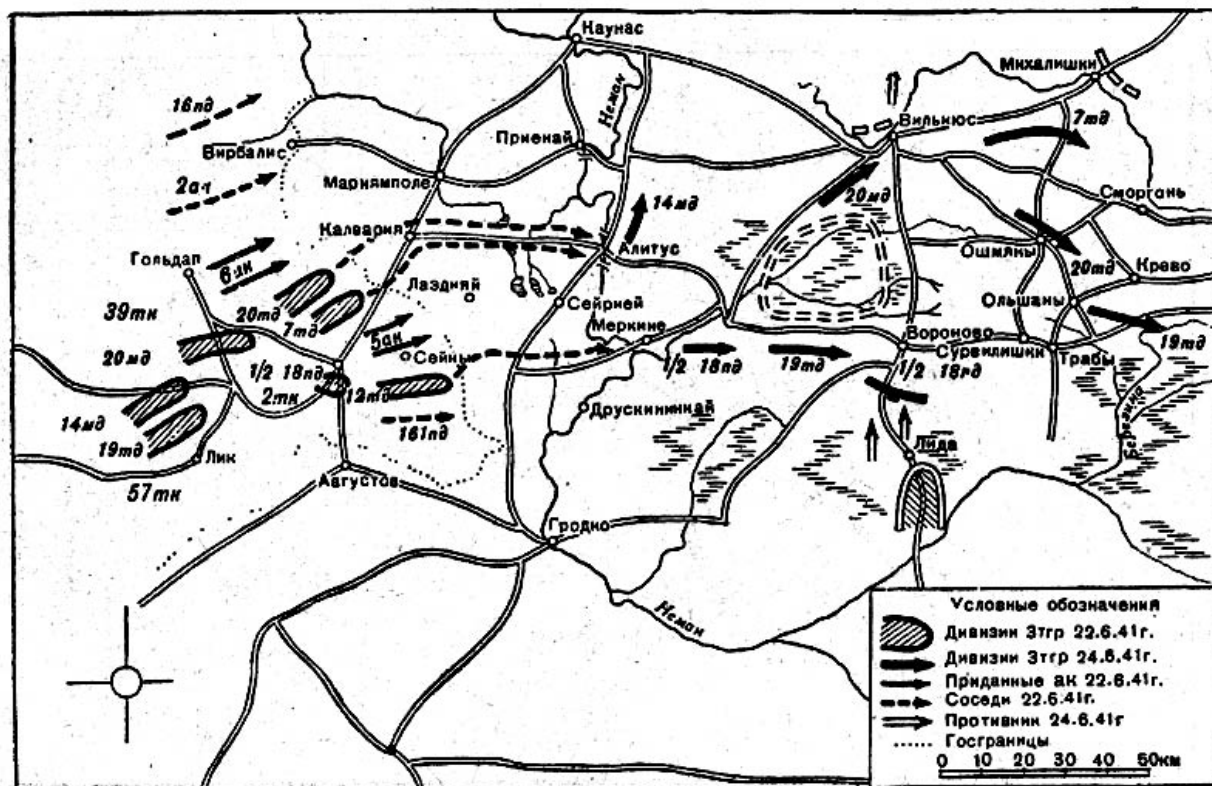

Рисунок 8. Развертывание немецкой 3-й танковой группы 22.06.1941 и ее действия в период до 24.06.1941¹⁴¹

По воспоминаниям Г. Гота «Для 3-ей танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными. Пленный русский офицер-сапер рассказал, что он имел приказ взорвать мосты в Алитусе в 13:00... Уже к полудню танки ворвались в Алитус и захватили мосты неповрежденными»¹⁴².

Маршал П. А. Ротмистров, в то время начальник штаба 3-го механизированного корпуса, так описывает события на этом участке фронта:

«...вражеские дивизии первого эшелона 3-й танковой группы, используя захваченные в районе Алитуса и *Меркиса мосты, переправились через Неман.

Пытаясь задержать продвижение противника на Немане, командование 11-й армии бросило в бой 5-ю танковую дивизию. Командир дивизии полковник Ф. Ф. Федоров успел выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка. Артиллеристы и танкисты, подпустив танки врага на

200-300 метров, открыли огонь прямой наводкой. За 30-40 минут боя они подбили 16 вражеских машин и на время задержали танковую колонну 39-го моторизованного корпуса^{xxxvii} фашистов.

Однако после захвата второго моста через Неман, южнее Алитуса, противник развил стремительное наступление на север и вскоре зажал на восточном берегу Немана главные силы 5-й танковой дивизии с двух сторон. В неравном, крайне ожесточенном бою наше соединение потерпело поражение, потеряв 90 боевых машин, хотя наши воины уничтожили до 170^{xxxviii} танков, броневых автомобилей и бронетранспортеров противника»¹⁴³.

«Капитаны» покидают корабль первыми

Что же делало в это время руководство республики? Что происходило в Каунасе, фактической столице Литвы?

Буйвидайте-Куторгене записала в дневнике: «уже с 10 ч. утра в первый день войны русские стали вывозить свои семьи и учреждения»¹⁴⁴.

Историк С. Чуев, отмечая панику, которая царила среди коммунистической верхушки Литвы, приводит свидетельство очевидца: «Вместо того, чтобы отступать организованно и в порядке вместе с действующей армией, эти руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым были развязаны руки контрреволюционным бандам в Литве и пятой колонне в целом во главе со сброшенными парашютными десантами. К тому же Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находилась без гражданских властей»¹⁴⁵.

Александр Славинас пишет: «После первых выстрелов на границе, Каунас покинули все руководители советской Литвы, аппарат ЦК КП Литвы, все работники НКВД и НКГБ Литвы. Для их эвакуации 22 июня в 12 часов утра на вокзал в Каунасе было подано несколько эшелонов с товарными вагонами»¹⁴⁶.

«Когда в 12 часов дня правительственный и партийный аппарат покинул город, за ним последовали на автобусах и грузовых автомашинах работники наркоматов госбезопасности и внутренних дел. Город практически оказался без власти. Правда, действовали еще отделения милиции и части вооруженной охраны мостов, состоящие из лиц непризывного возраста»¹⁴⁷.

По воспоминаниям наркома пищевой промышленности Литовской ССР Э. Билявичуса, находившегося 22 июня в Каунасе: «В Совнарком приходили горькие вести: гитлеровцы заняли Вилкавишкис, Мариямполь, Алитус, Кретингу и другие пограничные города. Надо эвакуировать семьи для того, чтобы оставшиеся ответственные работники могли спокойно продолжать работать. Так ли?

Часа в два повез семью: двух бабушек, двух детей, жену. Прибыв на вокзал, спохватились, что не взяли с собой даже чайник. Я быстро помчался на машине привезти им пару бутылок лимонада, кружки, чайник, но, когда вернулся, поезд уже ушел. Так и не попрощался.

Мне позвонили из Совнаркома – надо уезжать. Я бросился в ЦК, там почти никого уже нет. На площади – одинокая военная танкетка. Остановил машину у военного музея...

- Поедем на Укмерге,- решил я,- на Вильнюс опасно...

Мы быстро выехали из города по Укмергскому шоссе. Догнали еще несколько машин с партийными и советскими работниками. Не успели отъехать пару десятков километров, как попали под бомбежку – первую и... самую страшную. Машины остановились, люди рассыпались по лесу, залегли в канавы по обеим сторонам шоссе. Углубившись в лес, мы вышли на большую поляну, где пылали наши самолеты.

К вечеру добрались до Утены»¹⁴⁸.

Эти часы хорошо запомнились и Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР, члену бюро ЦК Компартии Литвы Ю. И. Палецкису:

«Поскольку идет подготовка к эвакуации семей, предлагаю моим также собираться. Едва успеваем кое-что уложить, как приходит указание быстро везти семьи на вокзал. Едем. На вокзале толпы людей рвутся к поездам. С большим трудом удается посадить жену и троих детей в битком

^{xxxvii} В русских и английских источниках термин «моторизованный корпус» иногда используется как синоним немецкого термина «танковый корпус» (Panzerkorps).

^{xxxviii} Названные Ротмистровым потери немцев вероятно преувеличены. Г. Гот их не подтверждает.

набитый вагон. Плетеную корзину с одеждой оставляем, семья уезжает только с ручной кладью. Поезд трогается, прощаемся, надеясь, что ненадолго...

Опять телефонный звонок. Вновь спешный вызов в Центральный Комитет... Оказывается речь идет о... спешной эвакуации Центрального Комитета и правительства из Каунаса. Командующий армией генерал-лейтенант Морозов уже третий раз предупреждает о необходимости спешно выехать, ибо он не отвечает за последствия. Положение угрожающее: фашистские войска наступают от Алитуса в направлении Вильнюса, и Каунас может быть отрезан. Пробую высказывать сомнения... предлагая... попытаться еще связаться с Москвой, согласовать вопрос об отъезде. Однако комиссар госбезопасности П. А. Гладков с картой в руках настаивает на немедленном отъезде. Он уверяет, что самое безопасное направление Укмерге-Утена-Зарасай-Даугавпилс, ибо другие пути могут быть отрезаны. Решено отправляться немедленно. Предполагается уехать только на одну ночь и, если позволит ситуация, к утру вернуться обратно.

Забегая домой, захожу в кабинет, оглядываюсь, что взять из письменных материалов. Входит заведующая Приемной Президиума Александра Булотене и с волнением спрашивает, каково положение.

- Готовлюсь временно уехать, - отвечаю, - но прошу не поднимать паники, не распространять слухов об этом. Завтра собираемся вернуться обратно.

Спешу к машине, едем в ЦК. У здания ЦК нет ни одного автомобиля. Вся правительственная колонна уже уехала из Каунаса. Нагоняем ее примерно в десяти километрах от города... Но вскоре начинаются воздушные налеты, где-то падают бомбы, виднеются горящие деревенские дома. Услышав приближение самолетов, мы выскакиваем из машин и ложимся на обочины, в канавы. Иногда пролетающие немецкие самолеты поливают шоссе из пулемета.

Перед отъездом из дома я успел предупредить секретаря Президиума С. Пупейкиса, он вскоре присоединился к нам, и наши обе машины держались вместе.

Приехав в ближайший город Укмерге, наскоро совещаемся и решаем ехать дальше, в Утену. Вот уже последний пункт Литвы – Зарасай, у самой латвийской границы. Останавливаемся в лесу за городом»¹⁴⁹.

Таким образом к середине дня все высшее партийное и советское руководство республики тайно бежало из Каунаса, бросив народ на произвол судьбы. При этом руководителей огорчило не их позорное бегство, а что забыли захватить чайники, кружки или корзину с одеждой.

Вторая половина дня

Во второй половине дня немецкие части, прорвав нашу оборону на пяти важнейших направлениях (Лиепайском, Шяуляйском, Укмергском, Каунасском и Вильнюсском), продолжали двигаться вперед.

На **Лиепайском** направлении в 17 часов^{xxxix} фашистская моторизованная колонна, численностью до полка, заняла Скуодас¹⁵⁰. 3-й батальон 204-й полка 10-й стрелковой дивизии под командованием старшего лейтенанта Варшавского в течение дня трижды поднимался в контратаку и удерживал свои позиции до получения приказа на отход, но к этому времени уже был окружен и нуждался в помощи извне¹⁵¹.

Командующий 8-й армией П. П. Собенников, получив приведенную выше директиву командующего фронтом Ф. И. Кузнецова, отдал в 14.00 боевой приказ № 01 на контрудар в направлении Таураге. В нем констатировалось, что противник, нанося главный удар из Тильзита на Шяуляй, пытается окружить части 8-й армии, и определялись ее задачи на 23.06.41 г.:

«12-му механизированному корпусу во взаимодействии с 3-м механизированным и стрелковыми корпусами в 4.00 23.6.41 г. нанести удар в направлениях:

а) силами 23-й танковой дивизии – на Плунге, *Кулей немедленно^{xl};

б) [главными] силами всего корпуса – в направлении Таураге с задачей полного уничтожения противника. Удар нанести с фронта Варняй, Ужвентис...

3-му механизированному корпусу... 2-й танковой и 84-й моторизованной дивизиями выйти к утру 23.6.41 г. в район Россиены для удара по противнику во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны.

^{xxxix} По немецким данным Скуодас зант был до полудня (Хаупт. С. 28).

^{xl} В последующем приказе пояснялось: «для восстановления положения 204-го стрелкового полка» (Сборник 34. С. 196).

К исходу 22.6.41 г. обеспечить за собой переправы через р. Дубисса»¹⁵².

На время атаки 23-я танковая дивизия была подчинена 10-му стрелковому корпусу¹⁵³

Приказ поступил в 23 дивизию с часовым запозданием. Ее части, двигаясь из района дислокации (Тиркшляй-Седа) в направлении Плунге, натолкнулись вечером на противника и вступили в бой. В это время 3-й батальон 204 полка, понеся небольшие потери, в районе Куляй вырвался из окружения.

На участке 90-й стрелковой дивизии к 18 часам часть сил 173-го полка вместе со штабом дивизии оказались в окружении. В ожесточенном бою погибли командир дивизии полковник М. И. Голубев, несколько офицеров штаба и красноармейцев охраны. Часть воинов 173-го и 286 стрелковых полков с помощью подоспевших резервов 19-го стрелкового полка сумели вырваться из окружения и отойти к населенному пункту Шилале. Здесь дивизия несколько часов вела упорный бой. Шилале дважды переходил из рук в руки¹⁵⁴.

На **Шяуляйском** направлении, захватив Таураге, 1-я танковая дивизия устремилась вдоль шоссе на Скаудвиле.

Продолжим цитировать Ионина о действиях пограничников¹⁵⁵:

«Часам к двум дня нам удалось, наконец, разыскать запасной КП части. Он находился километрах в десяти от Таураге, близ дороги на Скаудвиле. Сдав под охрану деньги, идем к военному Иванову. Он подробно расспрашивает о положении в городе, после чего отправляет нас к повара...

Настроение людей на командном пункте было скверное. Потери были большие. Многих беспокоила судьба матерей, жен, детей, оставшихся, по-видимому, где-то в городе....

Около 16 часов из штаба [125-й] дивизии Красной Армии приехал на мотоцикле связной. Он передал подполковнику Головкину устный приказ организовать на дорогах заградительные пункты с целью ликвидировать мелкие группы противника, задержать неорганизованно отступающие подразделения и военнослужащих-одиночек, решительно пресечь панику.

Задача оказалась нелегкой. По дорогам двигались толпы беженцев, сновали автомашины, передвигались обозы. Часто создавались пробки, мешавшие движению боевых частей. Этим незамедлительно пользовалась гитлеровская авиация, бомбившая без разбора и беженцев, и военных.

Последние часы первых суток войны писаря, связисты, хозяйственники – все, кто остался в живых, наводили порядок на дорогах^{XLI}. Поздно вечером был отдан приказ об отходе на новые позиции»^{XLII}.

Р. Штовес подробно описывает действия боевых групп 1 танковой дивизии на Шяуляйском направлении:

«После того как ударная группа 1-й роты 37-го саперного батальона обнаружила и уничтожила на восточном берегу Юры широко развернутые полевые позиции, боевая группа Крюгера продолжила после полудня наступление в направлении Скаудвиле. Около 19.30 голова колонны в составе 1-го батальона майора Экингера (Eckinger) 113 стрелкового полка и 2-го батальона капитана Гроткарста (Grothkarst) 1-го танкового полка натолкнулись южнее Бингдинки (Bingdinki) на более сильного противника. Вместе они сломали его сопротивление. Наступающая ночь остановила продвижение группы Крюгера в двух километрах северо-западнее Бингдинки. Здесь окопались...

Взорванный шоссейный мост через Юру был во второй половине дня исправлен саперами. Колесный транспорт подтянулся, наступление продолжено. Когда солнце опустилось..., воинам дивизии не был объявлен привал. К 21.00 передовые части группы Вестхофена находились около *Лапурвиса (10 км северо-восточнее Таураге) на шоссе на Шяуляй. Необходимо было, несмотря на истощение сил, наступать на пятки медленно слабеющему противнику. Об этом заботились боееспособные ударные группы. Они вынуждены были снова и снова преодолевать вражеское сопротивление. Значительную роль в успехе дня для группы Вестхофена играл выдвинутый далеко вперед и всегда готовый стрелять 1-й батальон майора Борна (Dr. Born) из 73 артиллерийского полка. В полночь в Батакяй - цели первого дня наступления, группа Вестхофена остановилась на отдых»¹⁵⁶.

^{XLI} Эти действия пограничников отражены также в оперативной сводке № 02: «Из отошедших подразделений пограничного отряда организованы отряды по задержанию самовольно уходящих с фронта» (Сборник 34. С. 51).

^{XLII} См. ниже приказ Ф.И. Кузнецова, отданный в 24.00.

Форсирование Юры 1-й пехотной дивизией немцев и продвижение их танков по шоссе оголило фланги 466-го стрелкового полка 125-й пехотной дивизии, что вынудило полк отступить от Юры.

Рассказывает Хлебников о событиях на участке 636-го артиллерийского полка 9-й противотанковой артиллерийской бригады: «Уже за полдень из боевого охранения поступило донесение: «К району обороны 2-го дивизиона движется большая колонна пехоты. Через четверть часа - новое донесение: «Пехота – наша». Прокудин выслал навстречу офицера связи. Выяснилось, что это отходящие от границы два полка 125-й стрелковой дивизии. Связь со своим командованием они потеряли.

Прокудин доложил об этом по телефону командиру бригады полковнику Полянскому и попросил разрешения поставить отходившие части в оборону, поскольку 636-й полк не имел пехотного прикрытия. Полковник Полянский в свою очередь связался с командиром стрелкового корпуса, в состав которого входила 125-я стрелковая дивизия. Спустя десять минут Прокудин получил разрешение, вызвал командиров полков и сообщил им, что по приказу комкора они переходят в его подчинение.

Было уже темно, когда стрелковые подразделения заняли указанные им участки и начали окапываться»¹⁵⁷.

Альмайер-Бек, описывает форсирование Юры 21-й пехотной дивизией: «Саперный взвод 45-го пехотного полка, обследуя около 17 часов участок реки, не обнаружил противника. Только за Паграмантисом полк, после беглой подготовки двумя батальонами полосы для наступления, столкнулся с вероятно уже отступающим противником, которого смог оттеснить до его артиллерийских позиций. Затем наступление приостановилось из-за наступившей темноты и, не в последнюю очередь, из-за стрелявших прямой наводкой неприятельских орудий.

Перед фронтом 24-го пехотного полка противник также вышел из боя, и здесь 3-й пехотный полк, не дожидаясь артиллерийской подготовки, до наступления темноты образовал при *Дидкемис плацдарм шириной около 2 км»¹⁵⁸.

Ввиду отставания 11-й и 21-й немецких пехотных дивизий приказ о выдвижении 1-й пехотной дивизии до Варседжя был отменен. Дивизия остановилась на ночь на линии примерно в 4 км севернее Юры¹⁵⁹.

С советской стороны эти сведения конкретизирует «Оперсводка № 02 к 10.00 23.6.41», представленная Генеральному штабу:

«б) на фронте 90-й стрелковой дивизии с 18 часов нажим противника усилился. В результате непрерывающихся атак противник силой не менее пехотного полка вышел на северный берег р. Юра у Дидкиемис и к 21 часу передовыми частями достиг *Геделишкяй.

Командир корпуса разрешил, опираясь на леса, оттянуть части 90-й стрелковой дивизии и прочно закрепиться на рубеже Паюрис, р. *Бемила, *Юцайчай и далее на юг вдоль р. Акмене на Паграмантис...

в) 11-й стрелковый корпус: 125-я стрелковая дивизия – 749-й стрелковый полк удерживает *Рудукшикяй, Репедлубе, лес севернее Лапсурвас; 657-й стрелковый полк, потеряв почти полностью 3-й батальон, удерживает район Лапсурвас, Юднерты, *Бальчишки; 466-й^{XLIII} стрелковый полк, потеряв до 40 процентов своего состава, приводится в порядок в районе Скаудвиле, после чего будет выведен в оборонительный участок Ломяй, *Поеглоне. Приданный дивизии 1-й батальон 286-го стрелкового полка занимает оборонительный район в лесу севернее Батакяй.

Штаб 125-й стрелковой дивизии – в лесу южнее Скаудвиле.

На фронте дивизии к 22 часам ружейно-пулеметная перестрелка. По донесению начальника штаба армии, танки противника в 23.30 22.6.41 г. прорвали фронт 125-й стрелковой дивизии на Келме, Скаудвиле...»¹⁶⁰.

Последнее сообщение, впрочем, не было точным, так как Скаудвиле танки боевой группы Крюгера захватили лишь через несколько часов, то есть уже 23-го июня, а в Кельме спустя сутки вошел 45-й пехотный полк 21-й пехотной дивизии, а не танки (см. ниже).

Командир 125-й дивизии докладывал в штаб корпуса: «Первоначальный успех противника на фронте дивизии (противник продвинулся за день на 12 км) объясняется его численным превосходством и тем, что дивизия вела бой на 40-километровом фронте. У нас не было танков, не хватало

^{XLIII} В источнике опечатка - 766-й стрелковый полк.

средств противотанковой обороны и транспорта для подвоза боеприпасов. Было мало ручных гранат»¹⁶¹.

На соседнем с шоссе участке фронта наша 48-я стрелковая дивизия во второй половине дня в районе Эржвилкаса «была внезапно атакована моторизованной пехотой и танками противника, прорывавшимися с направления Таураге. Частям пришлось вступить в бой с ходу, не имея достаточного количества патронов даже для личного оружия. Атаку танков стали отражать ручными гранатами. За несколько часов боя было подбито до 20 немецких танков. Но и наша дивизия понесла большие потери. Она потеряла почти весь состав полковых школ, несколько командиров батальонов и командиров рот, многих командиров взводов. К исходу дня под давлением противника отошла к Расейняй»¹⁶².

Сказанное о 48-й дивизии дополняет та же оперативная сводка № 02: «48-я стрелковая дивизия – о двух батальонах 328-го стрелкового полка сведений нет. Отдельные люди и обозы задерживаются *Колнун, Россиены. В 19 часов подошедшие батальоны 268-го стрелкового полка, батальон 328-го стрелкового полка, 10-й артиллерийский полк, 14-й гаубичный артиллерийский полк занимают оборону на рубеже *Миняны, Россиены. 2-й стрелковый батальон 268-го стрелкового полка под давлением двух батальонов пехоты и батальона танков отходит в подготовленный батальонный район *Либешкяй. 301-й стрелковый полк предположительно отходит в район Рейстрай южнее ст. Эржвилки. Командиром 48-й стрелковой дивизии организована разведка вдоль дороги Россиены – *Скирстымони.

Штаб 48-й стрелковой дивизии – в лесу юго-восточнее Видукле»¹⁶³.

Вспоминает генерал Раус: «Боевая группа фон Зекендорфа, атакуя через деревню Шилини, относительно быстро очистила дорогу к Кангайлай, хотя в лесах к востоку от этого города две роты русских оказали сопротивление, которое было более упорным, чем то, с каким мы сталкивались в прошлом. Только к 16.00 наша пехота, после тяжелой борьбы в лесах, смогла преодолеть остатки этого сопротивления... Ожидание контратак русских со стороны северного берега Шяшувис не оправдалось, и мои передовые части уже к вечеру достигли Эржвилкаса. К ночи наши силы оказались сильно рассредоточенными вдоль дороги Шилини – Мяшкой – Гауре – Эржвилкас»¹⁶⁴.

Вольфганг Пауль, историк 6-й немецкой танковой дивизии, подводит следующие итоги первого дня боев: «После краткого, но трудного приграничного сражения, которое не вполне соответствовало немецким представлениям о противнике (пограничные части защищались ожесточенно, частично пропустив авангард наступающих, сдерживали затем главные силы), дивизия, в условиях 36-ти градусов по Цельсию в тени, создала плацдарм по Шяшувис. Первый клин образовала боевая группа Зекендорфа (114-й стрелковый полк и 6-й мотоциклетный батальон) - боевая группа Рауса (4-й стрелковый полк) оставалась в дивизионном резерве – уже к вечеру 22 июня достигла Эржвилкаса. Таким образом, была преодолена болотистая местность. 114-й стрелковый батальон потерял за день новой кампании 25 человек убитыми (3 офицера) и столько же ранеными»¹⁶⁵.

22 июня в районе Радвилишкис, Шедува продолжала выгружаться из эшелонов 11-я стрелковая дивизия 65^{XLIV} стрелкового корпуса¹⁶⁶.

На **Укмергском** направлении стремительно продвигался Манштейн. Он пишет: «В первый день наступления корпус должен был продвигаться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубису около Айроголы... Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8 тд (командир - генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы»¹⁶⁷.

^{XLIV} Перед войной 65-й стрелковый корпус дислоцировался на территории Эстонии. Кроме 11-й стрелковой дивизии в корпус входила 16-я стрелковая дивизия имени В. И. Киквидзе и ряд других подразделений. Командовал корпусом генерал-майор Комиссаров (Иринархов. С. 22).

11-я Ленинградская (Петроградская) Краснознаменная стрелковая дивизия, сформирована в мае 1918 г., имела богатый боевой опыт, участвовала в войне с Финляндией. С июня 1940 года дивизия дислоцировалась в районе Нарвы. С 17 июня дивизия начала передвижение в район Шедувы. В состав дивизии входили 163-й, 219-й и 320-й стрелковые полки, 72-й легкий артиллерийский полк, 539-й гаубичный артиллерийский полк, 11-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и другие части. Командовал дивизией генерал-майор Н. А. Соколов (Иринархов. С. 25).

О движении 2-й танковой дивизии рассказывает Д. И. Осадчий: «Около 16 часов командир 3-го танкового полка майор И. П. Рагочий вызвал командиров батальонов и рот и поставил нам боевую задачу. Из его устного приказа я уяснил, что враг перешел государственную границу и двигается в направлении Расейняй. Полку предстоит совершить марш в предвидении встречного боя. Командир полка указал маршрут движения и вероятные рубежи развертывания. Все это мы записали в блокноты. Топографических карт никто из нас не имел...

Район дислокации полка располагался примерно в 120 км от государственной границы. В 17 ч. 30 мин 22 июня колонна прошла исходный пункт и направилась на запад. В голове колонны двигался 1-й танковый батальон, вооруженный тяжелыми танками КВ. Остальные подразделения имели лишь учебно-боевые машины устаревших марок – БТ и Т-26.

Подшли к Ионаве, когда уже смеркалось... Навстречу по шоссе из Каунаса сплошным потоком текли беженцы: ехали на автомашинах, повозках, везли узлы на тачках, шли пешком, неся за спиной немудреный скарб. Оказавшийся впереди 4-й танковый батальон был остановлен их встречным движением. Наш полк получил распоряжение изменить маршрут: перейти мост через реку Нярис, а затем следовать в направлении Ионава – Расейняй – государственная граница. Двигались извилистыми проселочными дорогами»¹⁶⁸.

На **Каунасском** и **Вильнюсском** направлениях сложилась исключительно тяжелая обстановка. По воспоминаниям П. М. Курочкина: «Передовые части 4-ой танковой группы к вечеру прорвались к реке Дубиссе в 35 км от Каунаса, а дивизии 1-го эшелона 3-й танковой группы переправились через Неман в 60 км южнее Каунаса в районе Алитуса и *Мерчи.

В результате ударов противника войска 11-й армии оказались рассеченными на части и были вынуждены с большими потерями поспешно отходить на Каунас и Вильнюс. Фланги нашей 8-й армии и 3-й армии Западного фронта стали открытыми. На Каунасском и Вильнюсском направлениях не оказалось сил, способных противостоять огромной силе танковых и моторизованных немецко-фашистских войск»¹⁶⁹.

Фактически «Вечером в тыл 5-й дивизии был сброшен вражеский десант, захвативший аэродром Ораны. Это вызвало панику в тыловых подразделениях, которые начали в беспорядке отступать в сторону Вильнюса, что нарушило обеспечение дивизии боеприпасами и горючим... 5-я танковая дивизия полковника Ф.Ф. Федорова, зажата с двух сторон частями 7-ой и 20-й танковых дивизий вермахта, понесла большие потери из-за нехватки боеприпасов и горючего, стала отходить на Молодечно»¹⁷⁰.

Славинас добавляет: «В Каунасе, из которого ушли части Красной армии, не было ни одного соединения РККА, перед которым была бы поставлена задача, охранять какие бы то ни было объекты, за исключением мостов через Неман и туннеля у железнодорожного вокзала. Оставшиеся в городе литовские милиционеры пытались 22 июня не допустить вооруженных людей на радиостанцию^{XLVI}, которая очень скоро была захвачена агентами 2-го отдела абвера»¹⁷¹.

Новая директива Генерального штаба

Описывая происходящее в Кремле, историк В.Г. Краснов пишет:

«...Сталин нервничал. За весь день выпил лишь стакан чая. Ему казалось – военные медлят, проявляют нерешительность, не поняли смысла директивы, направленной утром в приграничные округа. Неясная обстановка действовала на него угнетающе. Ждать больше он не хотел... К исходу дня по требованию Сталина генерал Н. Ф. Ватутин^{XLVII} подготовил еще одну директиву, известную в истории, как директива № 3...»¹⁷².

В ее констатирующей части о Северо-Западном фронте сообщалось, что «Противник, нанеся главные удары из Сувалкского выступа на *Олита... вспомогательные удары в направлениях

^{XLV} Г. Гот относит эти события к 23 июня (Танковые операции. С. 62).

^{XLVI} Задание захватить железнодорожный туннель и мосты близ Вильнюса получил один из отрядов литовских националистов, сформированных немецкой разведкой и одетых в советскую форму (Крысин. С. 130).

^{XLVII} В. Суворов доказывает, что начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, чья подпись стоит под директивой, «22 июня находился в Москве и потому несет полную ответственность за безумный поток директив, который извергался из московских кабинетов на генералов, офицеров и солдат Красной Армии» (Виктор Суворов. беру свои слова обратно. Донецк, 2005. С. 243).

Тильзит, Шяуляй... в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией... атаки противника отбиты с большими для него потерями»¹⁷³

Армиям Северо-Западного фронта было приказано «нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировке противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»¹⁷⁴

Директива была отправлена в войска в 21.15.

Военные историки оценивают ее крайне негативно. По мнению В.Г. Краснова авторы директивы «исходили скорее не из анализа реальной ситуации на фронте и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы»¹⁷⁵.

Б. Шапталов: «...директива № 3 настаивала на разгроме в двухдневный срок основных сил агрессора и переносе военных действий на территорию противника. Столь абсурдное требование в условиях неотмобилизованности советских войск можно объяснить только шоковым состоянием верхов в этот день... Нет нужды доказывать, что преступно планировать столь крупномасштабные операции, не имея ни устойчивой связи с фронтами, ни сведений о противнике... Руководство страны и Вооруженных Сил явно оказалось не на высоте, не сумев в экстремальной ситуации найти верное решение»¹⁷⁶.

А. Михайлов: «...из всего возможного спектра решений высшим советским руководством в начале войны было выбрано самое неудачное - плохо обученные войска со слабо подготовленными штабами были брошены практически в самую невыгодную для них форму боевых действий - в гигантское встречное сражение, в котором в итоге одержали верх далеко не превосходящие численно, а лучше управляемые и обученные германские войска...»¹⁷⁷.

В 22.20 командующий фронтом Ф. И. Кузнецов доложил наркому обороны обстановку, сложившуюся к 22.00¹⁷⁸. Считая, что главный удар наносится немцами в направлении шоссе Тильзит – Шяуляй, Кузнецов сообщил, что «поражение противника на этом направлении [в] ближайшее время... решает судьбу операций фронта». При этом он не только отстаивал более реалистичное направление контрудара, отличное от указанного в директиве № 3 Сувалкского направления, но и доложил: «Подготовку удара по тильзитской группе противника провожу: по принятому решению». Для многих жеймальцев, решившихся бежать в Россию, это решение Кузнецова, на три дня задержавшее вступление фашистов в местечко, стало судьбоносным.

В своем донесении Кузнецов сообщил, что не имеет сил закрыть разрыв с Западным фронтом «ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное – ненадежны (опасаюсь измены)». Командующий просил помочь ему закрыть этот разрыв и усилить фронт военно-воздушными силами, так как он потерял до 100 самолетов.

Хаупт констатирует: «Литовцы кричали нам свое приветствие "Sweiks gyos", протягивали цветы. Перед домами – столы с молоком, кофе яйца, хлеб с маслом и пирожные; предлагали перекусить. И солдат угощался, тут же учился начаткам местного языка, благодарил: "Sweiks gyos, Marijana!"

Военная кампания, как поначалу думалось многим немецким солдатам, снова будет "прогулкой среди цветов". Русский солдат вскоре показал им нечто другое»¹⁷⁹.

Израиль Якушок едет в Шяуляй

Если Генеральный штаб не представлял реального положения дел на фронте, разве могли о нем знать жеймельцы?

Моше и Израиль Якушков заботило брошенное в Шяуляе добро.

Якушок И.: «Вечером брат говорит:

- Костюмы оставили, все оставили в Шяуляе, что будем делать?

Я говорю:

- Я поеду на велосипеде в Шяуляй, заберу все костюмы и привезу домой.

Мать сказала:

- Нет, нечего ехать.

Я не послушался, поехал поздно вечером, уже темно было. Дорогу хорошо знал. Подъезжая, уже издали слышу - впереди бомбежка. Мне стало страшно. Думаю: «Шяуляй большой город. Опасно ехать. Вернусь обратно».

Еду назад. Смотрю, идет рейсовый автобус на Жеймялис. Я поднял руку. Он остановился. Зашел в автобус. Он почти пустой: кондуктор и несколько литовцев. Они говорят:

- Как дали евреям! Всех надо убивать евреев! Что они с нами делали. Они с русскими идут.

Велосипед у меня отняли. Я боялся уже литовцев. Первая остановка автобуса. Кондуктор, знавший меня, удивленно спрашивает:

- Что ты выходишь?

- Мне здесь надо, в деревне.

Вышел за 32 км от Жеймялиса».

23 июня 1941 года

Якушок И. продолжает: «Иду пешком. Уже утро на понедельник. Светло стало. Шел, шел. Тут едет литовец на лошади. Я поднимаю руку:

- Подвези меня!

- Zhidus? Евреев я не беру.

Потом, когда оставалось 17 километров до Жеймялиса, тот же автобус следующим рейсом подъезжает. Полон людьми. Одни евреи! Кто с Таураге бежал, кто с Юрбаракаса, кто с Шяуляя, кто с Радвилишкис, кто с Расейняя! И я зашел в автобус, как домой. Приехал в Жеймялис. Там уже было много евреев-беженцев».

Каган Л. о хуторе под Линкувой: «В понедельник утром - телеги с лошадьми. Масса людей. Моя сестра с мужем, его брат и сестра, его мать. Все бегут в Россию. В тот же день, спустя несколько часов - еще одна группа людей: родственники со стороны отца. Тогда же у нас на хуторе появилась семья Леонида Шлоссберга, активного коммуниста. Его сын, Авром-Лейбке Шлосберг, ставший судьей, его жена, тетя с мужем. Телега набита битком. Едут в Жеймель, затем в Латвию, а оттуда - в Россию. Всего на ферме оказывалось 25 человек. Мать сбилась с ног - варит, парит, жарит цыплят...»¹⁸⁰

Фантазии Советского информбюро

В местечке уже знали официальное сообщение, составленное, по-видимому, на основе директивы № 3:

"Сводка главного командования Красной Армии за 22.VI - 1941 года

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. Во второй половине дня германские войска встретились с передовыми частями полковых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. Только в **Гродненском** и **Крыстынопольском** направлениях противнику удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки *Кальвария, Стоянув и Цехановец (первые два в 15 км и последнее в 10 км от границы).

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встретила решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника¹⁸¹.

В действительности, на Северо-Западном фронте, кроме Кальварии, немцы 22 июня захватили: Палангу, Кретингу, Таураге, Юрбаркас, Науместис, Вилкавишкис, Кибартай, Вирбалис, Марьямполье, Алитус, Лаздияй¹⁸² и ряд других мест. Танковые корпуса противника глубоко вклинились в нашу территорию, на Укмергском направлении - на 80 км.

Жеймяльцы, пообщавшись с беженцами, прибывшими тем же автобусом, что Израиль Якушок, едва ли поверили переданной по радио сводке. Но всей полноты приграничной катастрофы они представить себе, конечно, не могли.

Власть переходит к литовским националистам

В 11.30 по каунасскому радио, захваченному литовскими националистами^{XLVIII}, было передано сообщение, что Советская власть в республике свергнута и создано новое правительство во главе с бывшим послом в Берлине полковником Казисом Шкирпой. От имени «Фронта литовских активистов» выступил один из его лидеров, Леемас Прапуолянис. Он выразил благодарность Гитлеру «за освобождение Литвы» и объявил состав «Временного правительства Литвы». Список кабинета возглавил К. Шкирпа, провозглашенный премьер-министром. Министром обороны был назначен бывший генерал литовской армии С. Раштикис (оба в тот момент находились в Германии, куда эмигрировали в 1940 году). Исполняющим обязанности премьер-министра... стал клерикальный деятель Амбразявичус, а министром внутренних дел – Шлепетис. Не дожидаясь, пока остальные члены «кабинета министров» придут в Литву, они взяли на себя все руководство... Сообщение вызвало переполох во всей Литве. Подняли голову притаившиеся антисоветские элементы, с оружием в руках начали действовать диверсанты. В помощь им в ряде мест гитлеровцы сбросили воздушные десанты¹⁸³. Буйвидайте-Куторгене: «Образовано Литовское временное правительство, приказавшее вывесить национальные флаги, поют литовский гимн, обещают независимую Литву с присоединением к «Новой Европе» под руководством «великого» Гитлера; назначены уже министры, радио все время непрерывно играет литовские песни»¹⁸⁴.

Нет сомнения, что эти сообщения дошли до Жеймялиса. Однако евреи им, по-видимому, не поверили. Файвл Загорский так охарактеризовал настроение жеймяльских евреев: «**Очень подавлены, очень подавлены мы были. Первые дни еще, вроде, спокойно отнеслись, поскольку по радио сказали, что немцы вошли на день, два-три, а потом их отобьют. Хвастались, что их отбросят обратно. Мы, вроде, будем жить. Очень подавлены, но все-таки были спокойны**»

Между тем, по данным Арунаса Бубниса, 23 июня^{XLIX} линкувский отряд под руководством И. Якубайтиса прибыл в деревню Плянтас и арестовал Леонида Шлосберга, его сына комсомольца Абрама Шлосберга и комсомольца Повиласа Аткачюнаса. Арестованных заперли в подвале одного из домов и в тот же день расстреляли»¹⁸⁵.

Подробности сообщил Лео Каган: «**На пути в Жеймель, в двух километрах от Линкувы, Шлосберги были остановлены. Там у дороги находился небольшой хутор, принадлежавший аптекарю^L. Три брата Ясукайтисы, с ними их двоюродный брат, остановили повозку Шлосбергов, загнали их в амбар и убили: Леонида Шлосберга, его сына и одного литовца, который работал в сапожной мастерской у моего дяди Иегуды Плейна и даже немного говорил на идиш. Эти Ясукайтисы, которых мы все знали, а кое-кто из наших даже учился с ними в школе, убили всех троих. Они уже хотели приняться за женщин, но тут прибежал священник Антонас Треска, живший неподалеку. Он был очень дружен с моим отцом. Священник сказал убийцам: "Эй, постойте, ведь еще русские могут прийти". И бандиты дали женщинам уйти. Он спас их**»¹⁸⁶.

Танкисты готовятся к контрудару

Вернемся к действиям войск.

В 0.30 командующий 8-й армии генерал-майор П. П. Собенников отдал два распоряжения, координирующие действия войск на предстоящий контрудар и, учитывая реальные условия, смещающие его начало до особого указания:

«12-му механизированному корпусу:

1. 23-й танковой дивизии выйти из подчинения 10-го стрелкового корпуса и поступить в подчинение 12-го механизированного корпуса. К 5 часам сосредоточиться в районе м. *Жораны, м. *Тверы, передав в мое подчинение мотострелковый полк в районе м. *Ужвенты; быть в готовности нанести удар – м. *Лавково, м. *Шилели, м. *Скавдили.

2. 28-й танковой дивизии к 5 часам сосредоточиться в прежнем районе в готовности к переходу в наступление в направлении м. *Колтыняны, м. Скавдили.

^{XLVIII} Ныне в Литве их именуют партизанами.

^{XLIX} Лео Каган датирует это событие вторником 24 июня (см. ниже).

^L Лео Каган предполагает, что этот хутор вошел ныне в состав поселка Дварюкай.

3. 202-й мотострелковой дивизии^{LI} занимать прежний район в готовности к переходу в атаку в направлении м. Скавдвили

4. Переход в наступление – по моему особому указанию»¹⁸⁷.

«Командиру 11-го стрелкового корпуса продолжать упорно удерживать занимаемый рубеж. Не допустить прорыва противника [на] Шауляйском направлении, обеспечить удержание за собой западного берега р. Дубисса и с утра 23.6.41 г. быть готовым во взаимодействии с 12-м и 3-м механизированными корпусами к переходу в наступление в общем направлении на Таураге, *Виджигиры»¹⁸⁸.

В 5:50 начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник П. П. Полубояров доложил командующему фронтом:

«Принял решение и поставил задачу Куркину^{LI} наступать из района Россиены в западном направлении до дороги Таураге - Шауляй. Дальше резкий поворот в юго-западном направлении на Таураге - Тильзит, имея границу справа шоссе Таураге – Шауляй.

Шестопалову ставлю задачу наступать в юго-западном направлении, имея границу слева шоссе Таураге-Шауляй.

Куркину приказал начать наступление в 12 часов, от Шестопалова потребую выступления на час раньше для одновременного выдвижения совместно с Куркиным. Время до начала наступления – на разведку сильными танковыми отрядами»¹⁸⁹.

В подписанных генерал-лейтенантом Кленовым оперативных сводках штаба Северо-Западного фронта Генеральному штабу от 23.6.41 No 02 к 10.00, сказано, что «2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса с утра 23.6.41 г. во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом наносит удар по противнику с направления Россиены на Таураге»¹⁹⁰.

Дивизии выдвигались на рубежи развертывания в трудных условиях. Все фронтовые дороги были забиты войсками и беженцами. У немцев была хорошо налажена авиаразведка. Уже в первой половине дня начальник штаба 4-й танковой группы сообщил дивизиям: "Между 9 и 9:30 на шоссе Ионава – Кейдайняй в направлении Кейдайняй замечены 200 танков; также в направлении Кедайняй с востока колонна около 180 танков". Фельдмаршал фон Лееб затребовал в связи с этим авиацию 1-го воздушного флота, на что получил согласие»¹⁹¹.

Раус вспоминает: «Авиаразведка обнаружила советские части (свыше 200 танков) прибывающие из района Ионава - Кедайняй и сосредотачивающиеся западнее Кракес. Это могло быть направлено, очевидно, только против передовых частей 6-ой танковой дивизии, которые наиболее продвинулись на решающем Шауляйском направлении ... Авиаразведка сообщила также об общем отходе войск из приграничных областей на северо-восток. Следовало предположить, что задача русских танков - задержать наступление 41-го танкового корпуса и способствовать этим беспрепятственному отводу своих основных сил. Штаб дивизии получал непрерывную информацию от авиаразведки об относительно быстром продвижении русских танков»¹⁹².

Как только советские танковые колонны начинали движение, они сразу же попадали под сильные удары вражеской авиации»¹⁹³.

28-я танковая дивизия, совершив ночью 50-километровый марш, к 10 часам заняла исходное положение для атаки с линии *Жвирзде - *Бомбалы. В пути дивизия, после четырех налетов вражеской авиации, потеряла 27 танков¹⁹⁴. К концу пути она оказалась без горючего¹⁹⁵. Его обязан был подвезти армейский автотранспорт, но он вместо потребных 16 автоцистерн доставил 16 бочек, которых хватило на заправку семи танков¹⁹⁶. Поэтому дивизия не смогла включиться в контрудар вовремя. 23-й танковой дивизии командир 10-го стрелкового корпуса приказал «нанести удар в направлении м. *Жлюбины, м. Лавково, м. Скавдвили. Приказ штаба корпуса No 01 был вручен начальнику штаба 23-й танковой дивизии в момент вытягивания дивизии из м. Плунгяны. Время выступления дивизии два раза менялось»¹⁹⁷.

На правом фланге 8-й армии 10-я стрелковая дивизия не выдержала натиска врага и с боем отошла за реку Минья. К 10 часам немцы заняли Куляй, Ретавас и Твярай, их пехотные колонны продвигались в направлении Лиепай»¹⁹⁸.

^{LI} В ряде источников моторизованную дивизию называют мотострелковой.

^{LI} А. В. Куркин, генерал-майор, командир 3-го механизированного корпуса.

Утренние бои на шяуляйском шоссе

1-я пехотная дивизия, по словам Рихтера «выступив в 2.15, продвигалась далее на северо-восток. Противник, за исключением слабых частей, отступал, так что серьезных боев не было. Несмотря на большое напряжение, пехота двигалась с удивительной быстротой, хотя должна была все время держать оружие наготове»¹⁹⁹.

Немецкая 21-я пехотная дивизия с 6.00 утра продолжила наступление с линии Дидкиемис – Паграмантис на северо-восток, имея задачей к вечеру достичь южного края возвышенности, находящейся около Упины. На левом фланге по-прежнему двигался 24-й полк, на правом – 45-й полк. 3-й пехотный полк следовал как резерв теперь уже за 45-м полком. Судя по немецким источникам, основным препятствием на пути дивизии стало не противодействие неприятеля, а бесчисленные ручьи, болотца и густой лес²⁰⁰.

А вот как описывает события на этом участке А.В. Казарьян: «23 июня в полдень на наших позициях вновь начали разрываться вражеские снаряды... Пикирующие бомбардировщики с отвратительным визгом то вертикально падали вниз, то с ревом поднимались вверх. Разрывы вражеских снарядов и бомб сотрясали землю. В воздух взлетали бревна, обломки досок от укреплений, рушились убежища, рвались телефонные провода.

Еще не окончилась артиллерийская подготовка, как тут же послышался рокот двигателей. Лавина немецких танков в сопровождении пехоты устремилась на наши позиции. Ряды 286-го стрелкового полка, как и соседних частей, заметно поредели. Наш курсантский взвод, прикрывавший вынужденный отход полка, был отсечен от основных сил, и нам пришлось отходить самостоятельно... на Шяуляй...»²⁰¹

Действительно, соседняя немецкая 1-я танковая дивизия возобновила движение боевой группы Крюгера около 1.30 ночи. «Приказ командира дивизии ставил целью наступления Кельме на шоссе к Шяуляю. Сопротивление противника при Скаудвиле сломили идущие вместе в голове колонны бронетранспортеры 1-й роты 113-го стрелкового полка и танки 1-го батальона 1-го танкового полка»²⁰².

Захватив Скаудвиле, немцы двинулись далее по шоссе на Пакражантис. Здесь встретили артиллеристы 9-й

Тем временем два полка 125-й пехотной дивизии, расположившиеся среди позиций 9-й противотанковой бригады закончили окапываться. «К четырем утра 23 июня командиры полков доложили Прокудину о готовности частей к бою. Через два часа к расположению 2-го дивизиона, батареи которого стояли по обе стороны главной дороги на Шяуляй, приблизилась колонна фашистских мотоциклистов. Командир дивизиона капитан Штокалов приказал открывать огонь только по сигналу – красной ракете.

Батареи стояли на лесной опушке, на высоте. Внизу был поселок, за ним – равнина, хорошо просматриваемая на 2 – 2,5 километра. Колонна немецких мотоциклистов с шумом, стреляя на ходу, катилась прямо в заготовленный ей огневой мешок. Это были тяжелые машины с колясками, с установленными на них пулеметами. Шли по дороге строем, по три машины в ряд, всего около пятидесяти мотоциклов.

Подпустив колонну на 300 метров, артиллеристы открыли огонь. Стреляли прямой наводкой только те орудия, что стояли ближе к дороге. Колонна перемешалась, полетели в воздух обломки мотоциклов. Уйти никому не удалось – хвост колонны расстреляло из пулеметов наше боевое охранение. Все было кончено за 15 – 20 минут.

Через некоторое время показались фашистские танки. Их было три, и двигались они целеной, ведя огонь из пулеметов. Ясно: это разведка. Ее цель – вскрыть нашу систему обороны. Прокудин, находившийся на наблюдательном пункте командира дивизиона Штокалова, приказал ему отвести боевое охранение в тыл по овражку. Чтобы не раскрывать противнику всю систему огня, по танкам ударили только три пушки. Один танк был подбит, два других отползли в укрытие.

Не прошло и часа, как по расположению дивизиона открыла огонь вражеская артиллерия и минометы. Артналет продолжался минут тридцать. Он еще не кончился, а фашисты уже двинули вперед танки. Они шли полем – около сорока машин. С 300 – 400 метров открыли огонь батареи 2-го дивизиона, ударили пушки стрелковых полков. Загорелся один танк, другой, третий... Над пшеничными полями потянулся густой черный дым.

Весь этот день фашистские танки в сопровождении автоматчиков пытались прорваться вдоль шоссе на Шяуляй. После очередной неудачи следовали артиллерийско-минометный налет и

новая атака. К вечеру по всему полю чернели подбитые танки. Артиллеристы и пехотинцы поработали на славу.

На участках других дивизионов день прошел сравнительно спокойно. Попытки гитлеровских автоматчиков и отдельных танков приблизиться к нашей обороне легко пресекались. Поскольку главные усилия гитлеровцев сосредоточились вдоль шоссе на Шяуляй, Прокудин, как только совсем стемнело, подбросил Штокалову подкрепление – батарею из 3-го дивизиона»²⁰³.

Об участии в этом бою 202-й моторизованной дивизии рассказывает ее замполит С. Ф. Хвалей: «Дивизия встретила врага... в районе Кельме – Кражай. Бой, который вела дивизия в этот день, был тяжелый, кровопролитный... Бойцы стояли насмерть, часто наносили ответные удары, переходили в контратаки. Враг не ожидал такого сопротивления, откатывался назад. Но, подтянув свежие силы, он снова и снова рвался вперед.

Особенно тяжелый бой вел второй батальон 645-го мотострелкового полка. Четыре раза при поддержке танков и самолетов гитлеровцы атаковали батальон капитана Н. И. Бубелева. Но бойцы батальона, поддерживаемые первым батальоном 125-го танкового полка под командованием старшего лейтенанта Халко, отбрасывали фашистов. За день наши бойцы разгромили более двух батальонов противника, на поле боя враг оставил свыше 600 солдат и офицеров убитыми, 9 танков, много мотоциклов и бронетранспортеров.

...артиллеристы в упор расстреливали мотоциклистов, жгли танки^{LIII}. Командир 189-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона капитан Г. Ф. Журавлев выдвинул пушки для стрельбы прямой наводкой. К концу дня артиллеристы подбили и сожгли более 20 танков. Мужество и отвагу в этом бою проявил комиссар 625-го гаубичного артиллерийского полка старший политрук Белгородский. Находясь непосредственно на огневых позициях, он своим примером воодушевлял воинов на подвиги. Бесстрашно вели огонь по самолетам зенитчики. Два фашистских стервятника, объятые пламенем, рухнули на землю»²⁰⁴.

«Не сумев сломить оборону наших частей, гитлеровцы начали с флангов обходить позиции 9-й артиллерийской бригады и 202-й моторизованной дивизии, положение которых ухудшалось с каждым часом в связи с тем, что полки прикрытия 125-й стрелковой дивизии снялись по приказу с позиций и начали отход к Шяуляю. Тогда командир бригады приказал собрать весь личный состав хозяйственной и тыловой частей и посадить их в окопы перед орудиями. К концу дня артбригада израсходовала почти весь запас боеприпасов, а своевременный их подвоз обеспечен не был»²⁰⁵.

Оперативная сводка № 03 к 22.00 констатировала: «125-я стрелковая дивизия, понесшая тяжелые потери, остатки своих сил отвела на *Немакшчай. Убит командир полка, два заместителя командира полка, два командира батальона. Потери в личном составе – 40%. В образовавшийся разрыв между 90-й и 125-й стрелковыми дивизиями противник ввел не менее одной танковой дивизии и наступает в направлении Шяуляй. Здесь он был встречен и остановлен системой нашего противотанкового рубежа Вайгува, Келме, потеряв 7 танков»²⁰⁶.

Официальные документы подтверждают, что «202-я мотострелковая дивизия в течение дня занимала оборону на прежнем рубеже»²⁰⁷.

6-я танковая дивизия немцев наступает на Расейняй

Из воспоминаний Рауса: «На второй день боев, после глубокого прорыва на границе, обе боевые группы^{LIV} быстро продвигались на восток, чтобы помешать противнику занять позиции вдоль расейняйских высот. 6-ая танковая дивизия получила приказ захватить литовский город Расейняй, после чего прорываться на восток, чтобы овладеть двумя автомобильными мостами через реку Дубиса у местечек Бятигала и *Кибартеляй.

Наши части двинулись по всем имеющимся дорогам с большой скоростью в направлении Расейняй... Передовые отряды радировали, что обнаружены крупные силы русских, занимающие высоты к югу от города. Они находились рядом с маршрутом боевой группы фон Зекендорфа, обрывавшая перед Расейняем защитный вал.

^{LIII} Автор, явно ошибочно, относит этот бой к 22 июня и противником называет 3-ю моторизованную и 8-ю танковую дивизии. Названные дивизии в районе Кельме - Кражай не действовали, причем немцы, как следует из предыдущего сообщения Р. Штовеса, двинулись на Кражай лишь 23-го июня. Возможно, что число уничтоженных артиллеристами немецких танков также несколько преувеличено.

^{LIV} Группы фон Зекендорфа и Рауса из 6-й танковой дивизии.

57-й разведывательный батальон майора Линбрунна (Linbrunn), из 6-го мотоциклетного батальона майора Шликмана (Schlikmann), быстро разведал обстановку. Вскоре основные силы боевой группы фон Зекендорфа, шедшей впереди группы Рауса, вступила в бой. Под прикрытием артиллерийского огня, 114-й мотострелковый полк и приданный ему танковый батальон бросились в атаку по местности, уже тщательно перепаханной нашими снарядами.

После ожесточенной борьбы части полковника фон Зекендорфа, несмотря на сильное сопротивление, захватили передовой рубеж. Но русские, построив основную линию обороны на противоположном склоне, не стремились сдать ключевую позицию своей обороны. Борьба за нее длилась более двух часов, так как атаки осложнял совершенно открытый характер местности. Кроме того, нашей артиллерии не хватало боеприпасов, а танкам, чтобы атаковать противника с флангов и тыла, приходилось продираться через леса, болота и трясины.

Растянутость битвы пошла на пользу моей группе, которая двигалась по тому же маршруту, что и группа фон Зекендорфа, но свернула с дороги в Эржвилкасе, чтобы для захвата города скоординированной атакой обеих групп своевременно достичь Расейня кратчайшим путем. Последний участок этого пути проходил вдоль ручья *Шлина по узкой грязной тропе через отчасти заболоченную лесную местность с ограниченной видимостью. К востоку от *Пайшлиниса местность превратилась в лужайки, покрытые большими фруктовыми садами.

До этого момента боевая группа Рауса не встретила никакого сопротивления, но не успели передовые роты выйти на открытое пространство, как их левый фланг оказался под винтовочным и пулеметным огнем. Он велся с очень близкого расстояния. Первой жертвой засады стал командир роты, ехавший во главе своей колонны. Прежде чем он успел отдать какой-либо приказ, русский снайпер поразил его в лоб с расстояния около 100 метров. Рота спешила и молниеносно ответила огнем, а приписанные к ней танки мчались вперед, паля в заросли и сдерживая врага.

К несчастью, скоро головной танк выбыл из строя от прямого попадания снаряда противотанковой пушки. После этого две роты авангарда проникли в лес и атаковали русских с флангов и тыла. Разгром неприятеля казался очевидным, но штурмующие войска лишь немного углубились в чащу молодого леса и не могли отрезать русским путь отступления на север.

Хотя рота, преграждавшая дорогу противнику, превосходила его втрое, ему удалось скрыться. Более того, так как советы действовали из надежного укрытия, они несли минимальные потери...

Хотя положение наших передовых частей, попавших в засаду на открытой местности, сначала казалось критическим, потери были очень небольшими: несколько раненых и убитый очень способный командир роты. Огонь из чащи был нестабильным. Пули свистели у нас над головами, не вызывая серьезных потерь. Они почти исключительно зависели от снайперов, засевших в вершинах фруктовых деревьев и целившихся с близкого расстояния. Эти снайперы остались на своих местах даже после того, как основная масса противника отступила; и высматривали в качестве достойной жертвы преимущественно офицеров. Некоторые из снайперов остались на своих местах даже тогда, когда наши танки остановились под их деревьями и открыли огонь по опушке леса.

В разгаре боя снайперы оставались незамеченными, но все изменилось после того, как стих основной грохот битвы, а они продолжали стрелять. Их обнаружили и заставили спуститься пулеметным огнем. Последние из них напрасно пытались сбежать. На открытом месте их немедленно расстреливали из ближайшего пулемета, прежде чем те успевали скрыться в лесу. «Кукушки» на лесных деревьях не были в новинку для наших частей, но здесь снайперы впервые расположились на деревьях на открытом месте, где их никто не ожидал. Обреченные на смерть, они выполнили свою миссию, жертвуя жизнью. Такая готовность к смерти стала одним из открытий в Пайшлинисе для наших солдат...»²⁰⁸

Захват Расейня

Раус продолжает «Засада в Пайшлинисе, затронувшая небольшое подразделение, не оказала психологического влияния на войска. Все взгляды были устремлены на Расейня, выглядевший при ярком полуденном солнце как крепость, возвышающаяся на холмистой гряде над окрестностями.

В ней и в предместье, русские окопались, чтобы сдержать наши приближающиеся танки и следующий недалеко позади. 114-й моторизованный пехотный полк, эшелонированный в глубину. Батареи 76-го бронетанкового артиллерийского полка полковника Грундгера (Grundherr) начали обстреливать обнаруженные разведчиками неприятельские позиции...

Одновременно боевая группа фон Зекендорфа, вовлеченная в тяжелое сражение на высотах к югу от города, готовилась к решающему удару. Ее танки прорвали русские позиции и у Расейня присоединились к танкам боевой группы Рауса. Вскоре наши объединенные силы зачищали от противника город и близлежащую гряду холмов. Сопротивление неприятеля очень быстро развалилось под давлением концентрических атак всех сил 6-ой танковой дивизии. Некоторые отважные батальоны красноармейцев все еще оказывали сопротивление боевой группе Рауса, безостановочно рвавшейся к мосту на дороге в Шилуве. Их выдавили наши танки, после чего рассеяла пехота, штурмующая отдельные очаги сопротивления. Ликвидации их уже не потребовала больших усилий»²⁰⁹.

Остатки 48-й стрелковой дивизии после тяжелых боев в районе Расейня отступили на рубеж *Лидуvenай – Арегала²¹⁰

Немецкие танки сворачивают к мостам через Дубису

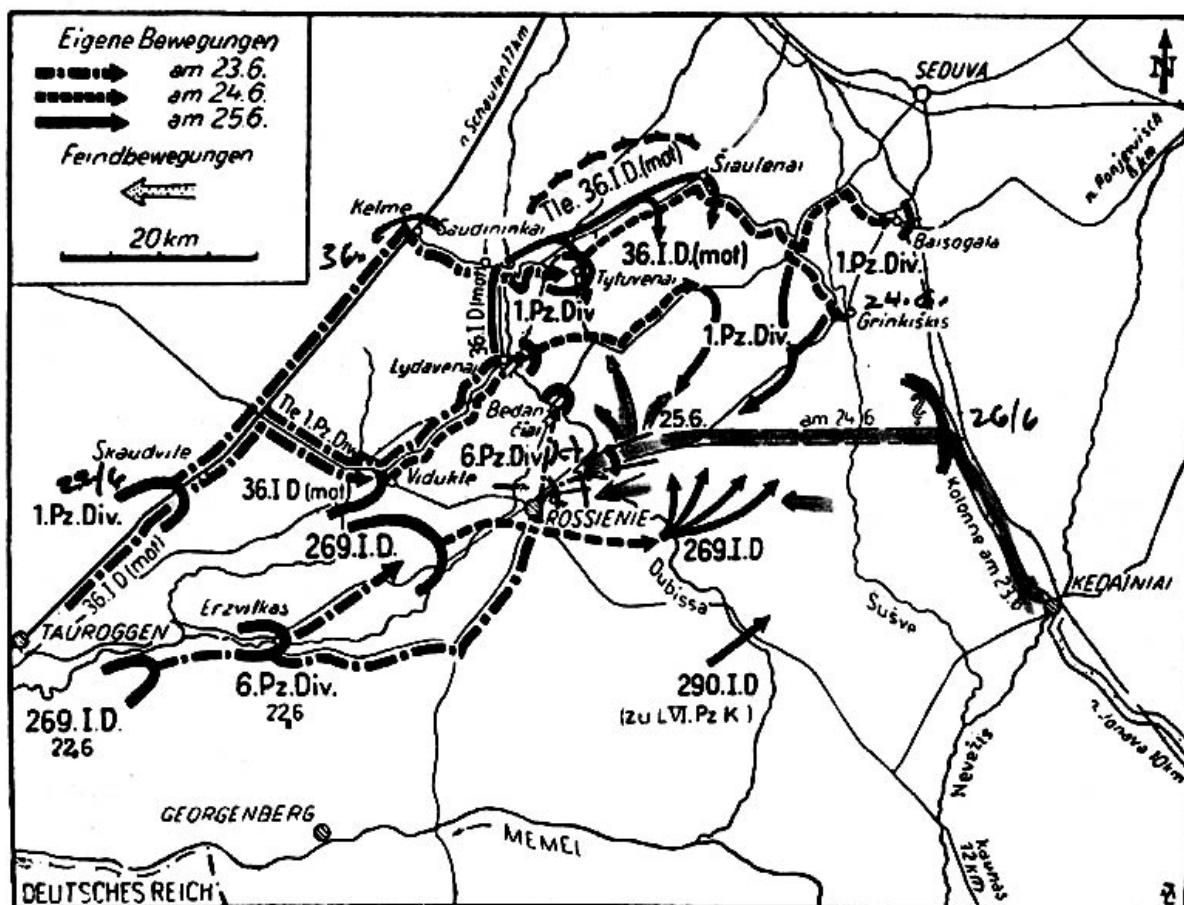
Во второй половине дня немцы продолжали упорно атаковать. В разведывательной сводке штаба Северо-Западного фронта констатируется, что на Шяуляйском направлении противник, введя в действие крупные танковые части, к 15 часам занял Скаудвиле и Расейняй, и развивают наступление на Кельме²¹¹.

Относительно Кельме эта сводка, однако, уже не отражала реальную обстановку. Немцы, натолкнувшись в первой половине дня на прочную оборону шоссе силами 9-й противотанковой артиллерийской бригады и 202-й моторизованной дивизии, получили приказ изменить от Пакражантиса направление атак. Не исключено, что это решение немцев было также связано с полученными ими от авиаразведки сведениями о движении к Дубисе советской 2-й танковой дивизии.

«Около полудня боевая группа Крюгера из 1-й танковой дивизии, ранее направленная на север вдоль шоссе на Шяуляй, свернула, чтобы захватить участок Дубисы, на северо-восток, двигаясь через Пакражантис и Лёляй на *Саудининкай (Saudininkai). Там 1-му батальону 1-го танкового полка около 22.00 удалось овладеть неповрежденным мостом. 1-й танковый полк подполковника Коппа (Корп) окопался восточнее этого перехода. Стрелки боевой группы создали здесь ночью предмостное укрепление. Вечером дивизии по радио была передано: «Цель на 24.6: *Поневеж».

1-й мотоциклетный батальон, находившийся в дивизионном резерве, к 13.00 выдвинулся вперед. Усиленный 1-й ротой 37-го противотанкового дивизиона, он был введен для обороны левого фланга дивизии, повернувшей на восток. Охрану у Пакражантиса нес 4-й артиллерийский дивизион.

Для снабжения боевой группы Вестхофена и всего 41-го танкового корпуса решающее значение имел железнодорожный мост при Лидуvenай. Сразу по получении дивизией приказа «вернуть на восток» полковник Вестхофен, чтобы захватить при Лидуvenай переправу через Дубису, распорядился образовать усиленную диверсионную группу под командой старшего лейтенанта Вихмана (Wichmann). Ей ставилась задача - внезапно захватить мосты у Лидуvenай и удерживать их до подхода остальных частей. Группу составили 2 броневика, 4 бронетранспортера и при них подразделение Вернера (Werner) из полка особого назначения 800 («Бранденбург»). О железнодорожной переправе имелся лишь один плохой аэрофотоснимок. Он показывал наличие с обеих сторон моста укрепленных полевых позиций. Сам мост был около 45 метров высотой и 270 метров длиной. К 18.00 группа Вихмана прибыла на место и расположилась неподалеку от моста, охранявшегося слабым противником. В то время как здесь броневики и бронетранспортеры под командой Вернера обеспечивали огневую защиту стрелков и саперов, Вихман, подавшись севернее, перешел с небольшим числом людей Дубису вброд выше по течению. В 18.20 обе группы встретились на железнодорожном мосту, защитники которого в панике бежали, не взорвав его, так как все запальные провода удалось своевременно перерезать. В неповрежденном состоянии мост удерживался до подхода 3-й роты 1-го стрелкового полка»²¹².

Übersichtsskizze zur Panzerschlacht bei Rossienie.

Рисунок 9. Схема сражения под Расейняй²¹³

36-я моторизованная дивизия, следовавшая по шоссе во втором эшелоне, также свернула на дорогу, ведущую на Расейняй и, пройдя Нямакшчай, к концу дня оказалась в Видукле²¹⁴.

Южнее наступала 6-я танковая дивизия. Рассказывает генерал Паус: «Вскоре после полудня обе боевые группы достигли назначенной на день цели: двух мостов через Дубису, которые мы заняли, преодолев незначительное сопротивление. Находящиеся неподалеку от Расейняй, эти мосты расположены на пятьдесят метров ниже окружающей местности. Наши танки первыми по брошенному мосту пересекли реку и очистили окрестности Кибартеляя. Я послал через северный мост подразделение 4-го моторизованного полка сформировать по ту сторону реки на высотах предмостное укрепление. Оно поддерживалось несколькими танками, оставленными на восточном берегу как резерв. Спустя несколько часов, полковник фон Зекендорф вместе с 6-м мотоциклетным батальоном у Бятигалы также вытеснил советские тыловые части и захватил восточный берег Дубисы.

Покрыв пятьдесят пять километров... 6-ая танковая дивизия к вечеру выполнила задачи дня. Заходящее солнце отбрасывало розовые лучи, и тишина наступила даже раньше, чем сумерки. Дымились полевые кухни, вокруг них собирались все свободные от несения вахты, чтобы получить заслуженную горячую пищу, счастливо завершающую успешный день.

Офицеры обсуждали события дня и готовились к следующему утру. Но мы также размышляли над достижениями русских. Многие вслух выражали свое изумление, что та самая пехота, с которой они столкнулись накануне южнее Таураге, и которую к полудню разгромили и оставили да-

леко позади, смогла за 24 часа пройти пешком семьдесят пять километров. Эти красноармейцы не только провели изнурительный форсированный марш по бездорожью, но немедленно снова подготовили укрепленные позиции и упорно сопротивлялись в течение нескольких часов без какого-либо отдыха. Этот факт набрасывал тень на идею победить в несколько дней. Он сразу обнаруживал, что Германия получила упорного противника, который скорее потеряет земли, чем сдастся. Следующий день только подтвердил точность этих наблюдений»²¹⁵.

Достигнув к вечеру южного края возвышенности около Упины, правое крыло 21-й пехотной дивизии «вступило в непосредственный тесный контакт с левым крылом 4-й танковой группы, которая, правда, теперь со своей стороны свернула на восток, чтобы вступить в танковое сражение под Расейняем, в то время как дивизии предстояло наступать дальше на Кельме»²¹⁶.

Хаотичное начало советского контрудара

23-я танковая дивизия из района Плунге выступила в соответствии с приказом в 13 часов в направлении Лаукува, Скаудвиле. Продвигаясь побатальонно, дивизия уже в самом начале марша подверглась ожесточенной бомбардировке, которая продолжалась весь день. В результате дивизия потеряла 17 танков и заметно снизила темп движения. В 16 часов в районе *Жвирздаляй противник отрезал от ее главных сил автотранспорт 45-го танкового полка, а также управление и часть тыловых подразделений^{LV}. Лишенные своих тылов боевые части дивизии к исходу дня сосредоточились в лесах северо-восточнее Лаукувы, не имея перед собой противника²¹⁷. Таким образом, дивизия участия в контрударе практически не приняла.

Задачей дня 1-й немецкой пехотной дивизии было достичь шоссе, ведущего от Калтинена на юго-восток. Шоссе уже в сумерках достиг 22-й пехотный полк. За ним шел 1-й пехотный полк, который остановился на отдых северо-западнее Варседжая, в то время как подчиненный дивизии 43 пехотный полк - в Обелинас-Сенояс (Obelynas-Senojas)²¹⁸.

Описание боевых действий 28-й танковой дивизии во второй половине дня 23 июня в советских источниках весьма противоречиво.

В оперативной сводке № 03 к 22.00 сообщается, что: «только в 18 часов 28-я танковая дивизия развернулась для атаки танков, но танки противника после неудачной атаки отошли на Скаудвиле»²¹⁹.

В итоговом донесении штаба 12-го механизированного корпуса от 1 августа 1941 об этом бое сказано, что «28-я танковая дивизия из-за необеспеченности горючим была вынуждена с 10 до 15 часов простоять в районе Жвирзде... К 22 часам авангардный 55-й танковый полк атаковал противника в районе м. Колтыняны, уничтожил артиллерийскую батарею и до 7 противотанковых пушек противника и, потеряв во время атаки 13 танков, отошел на север. С наступлением темноты дивизия сосредоточилась в лесу 1 км севернее *Пошиле. В этом бою погиб заместитель командира полка майор Попов, которому впоследствии присвоено звание Героя Советского Союза»²²⁰.

Исследователи и мемуаристы, описывавшие этот бой через 25 лет и более, особенно разноречивы.

В наиболее ранней монографии 1966 года, сказано лишь, что «дивизия развернулась для атаки на Скаудвиле только к 18 часам»²²¹. О самом бое – ни слова.

В опубликованных в 1969 году воспоминаниях начальника автобронетанкового управления фронта полковника П. П. Полубоярова общего описания боя нет, но сказано: «Пример исключительной храбрости и боевого мастерства проявил в этом бою заместитель командира 55-го танкового полка 28-й танковой дивизии майор Б. П. Попов. Командуя авангардом полка в составе 17 танков, он атаковал батарею и семь противотанковых пушек врага. Метким огнем танка им было уничтожено четыре орудия и несколько десятков гитлеровцев. Но и его танк оказался подбитым. Несмотря на это, герой продолжал вести огонь по фашистам и ему удалось уничтожить еще одно вражеское орудие. Уже вечером в районе Калтинена, когда его танк уже был охвачен пламенем,

^{LV} Отрезанные подразделения стали отходить кружными дорогами и позже присоединились к главным силам дивизии в Риге (Борьба. С. 69). Указание в этом источнике вместо Жвирздаляй на деревню Жаренай, по нашему мнению, ошибочно. *Жвирздели (ныне Жвирздаляй) названы в Сборнике 33, археографическом источнике, воспроизводящем донесение штаба 12-го механизированного корпуса от 1.08.1941, а Жаренай в – коллективной монографии издания 1966 года без ссылки на первоисточник. Кроме того, Жаренай расположен несколько в стороне от маршрута 23-й танковой дивизии.

Б. П. Попов пытался выскочить из машины, но в схватке с вражескими автоматчиками был сражен»²²².

В воспоминаниях начальника войск связи фронта полковника П. М. Курочкина говорится, что «Танковые дивизии 12-го механизированного корпуса в районе *Калжиненай и Немакшчай подверглись сильной бомбардировке противника и вступили в бой с превосходящими силами. Они успеха не имели и, потеряв значительную часть танков, вынуждены были в ночь на 24 июня выйти из боя и сосредоточиться в лесах в 15 - 20 км северо-западнее Шяуляя. В двух танковых дивизиях осталось лишь 35 танков»²²³.

Генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов, воевавший на Северо-Западном фронте с сентября 1941 года²²⁴, так описывает бой 28-й танковой дивизии:

«В 14 часов [командира 28-й танковой дивизии полковника] Черняховского вызвал к себе на командный пункт [в Шаукенай] командир [12 механизированного] корпуса генерал[майор Н. М.] Шестопалов. Уточняя задачу, генерал сказал:

- Двести вторая мотострелковая дивизия совместно с девятой артиллерийской противотанковой бригадой заняли оборону на южных подступах к Шяуляю с центром в *Кельме. По донесению полковника Горбачева до батальона танков противника с мотопехотой заняли Кражай и потеснили наши подразделения к северу. Имеются непроверенные сведения, что и в направлении Варняя, на стыке десятого и одиннадцатого корпусов также прорвались фашистские танки»^{LVI}.

28-й танковой дивизии было приказано сначала уничтожить гитлеровцев в районе Кражая, после чего наносить удар на *Пашиле, Калтиненай, Скаудвиле»²²⁵.

Направленный в Ригу автотранспорт 28 танковой дивизии, совершив за эти часы рейс в оба конца около 500 километров, доставил ей необходимое горючее, и, выслав в направлении Варняя и Кражая разведку, дивизия в 15 часов приступила к выполнению боевой задачи.

«На марше выяснилось, что ни в Варняе, ни в Кражае противника нет. Дивизия продолжала движение на Пашиле, Калтиненай, Скаудвиле»²²⁶.

Между тем, противник на правом фланге 8-й армии к 17 часам вышел на фронт: Скуодас, Салантай, Картяна, Куляй, *Риетава, Кведарна, Шилале»²²⁷.

28-я танковая дивизия продолжала марш. «Впереди и на флангах – юркие дозоры боевого охранения из бронемашин и легких танков. За ними по основному маршруту - головной отряд под командованием заместителя командира 55-го танкового полка майора Б.П. Попова. За головным отрядом – остальной полк с майором Онищуком и его штабом. Замыкал дивизионную колонну 56-й танковый полк майора Герко...

При подходе к местечку Калтиненай, когда вечернее солнце висело уже низко над лесом, головной отряд майора Попова подвергся артиллерийскому обстрелу. Населенный пункт только что заняли немцы. Оборонявшиеся на этом рубеже подразделения 125-й стрелковой дивизии отошли в северо-восточном направлении на Кражай...

Надвигались сумерки. Оценив обстановку, Черняховский принял смелое решение - развернуть авангардный 55-й танковый полк, с ходу выбить противника из Калтиненай и отбросить его к югу...

В 22.00 55-й танковый полк атаковал. Первая группа из 17 танков во главе с майором Поповым двигалась вдоль дороги на Калтиненай, обходя населенный пункт с востока. Вторая группа в составе 23 танков под командованием майора Онищука развернулась восточнее первой.

На ближних подступах к Калтиненай группа майора Попова попала под организованный противотанковый огонь. Стремительным броском вперед Борис Петрович Попов расстрелял в упор и раздавил гусеницами своего танка несколько вражеских орудий и до взвода пехоты.

Бесстрашно действовали и другие командиры машин и механики-водители. Группа Попова в этом скоростном бою уничтожила до двух рот пехоты, около десятка орудий и отбросила врага к югу. Но силы были неравные. Фашисты занимали населенный пункт и прилегающий к нему лес, находились в укрытии и поражали огнем из засад.

Один за другим выходили из строя наши танки. Замер на месте и танк майора Попова. Погибли механик-водитель и башенный стрелок. Борис Петрович был ранен. Напрягая последние силы, он продолжал разить врага и метким огнем уничтожил еще одно противотанковое орудие. И

^{LVI} Донесение Горбачева, не соответствовало реальной обстановке, поскольку немецкие танки свернули с шоссе на восток – А.Х.

только когда танк был полностью объят пламенем, майор оставил свою боевую машину. Но тут же его настигла смерть от фашистской пули.

Из всей группы Попова возвратились на сборный пункт только четыре танка.

Атака майора Онищука развивалась успешно. Танкисты овладели дорогой Калтиненай – Расейняй, уничтожив до роты мотоциклистов и рассеяв по лесам вражескую пехоту. По выполнении задачи танки возвратились в район сбора без потерь

Землю окутал ночной мрак. На заболоченном лугу к юго-востоку от местечка Калтиненай догорали наши танки. Первая небольшая победа обошлась дорогой ценой. Безвозвратно были потеряны 13 боевых машин и свыше 20 танкистов...

Под покровом ночи Черняховский оттянул авангардный полк назад и сосредоточил дивизию в лесах в районе Каркленай»²²⁸.

Рихтер описывает следующий эпизод боя: «В сумерках появились первые неприятельские танки. Примерно от 12 до 15, двигавшиеся по шоссе, идущем от Калтиненай на юго-восток. Ефрейтор Хассе (Hasse) из 14-й роты 22-го пехотного полка немедленно установил свое орудие на развилке дорог, примерно километром севернее имения Буткайчай^{LVII} (Butkaiciai). На минимальной дистанции командир орудия расстрелял шесть танков, приближающихся на большой скорости, хотя его орудие спустя мгновение могло бы быть раздавлено»²²⁹.

Видимо, после этого эпизода «на заболоченном лугу к юго-востоку от местечка Калтиненай догорали советские танки»²³⁰. Правда, в этом районе нет заболоченных лугов.

Участие в этом бою с немецкой стороны 1-й танковой дивизии Крюгера, упоминаемое В. Бешановым²³¹, нам представляется недостоверным, так как дивизия Крюгера днем 23 июня свернула к Дубисе. В ее истории нет упоминаний о столкновении с танками Черняховского.

В бой вступает авангард 2-й танковой дивизии

Сведения источников о времени вступления в бой советской 2-й танковой дивизии нечетки.

Раус, описав идиллическую картину вечернего отдыха своей боевой группы после овладения ею «вскоре после полудня» Кибартеляем, и «спустя несколько часов» Бятиголы - группой Зекендорфа, продолжает: «В течение ночи наши войска беспрепятственно расширили и улучшили оба предмостных укрепления, чтобы способствовать последующему наступлению»^{LVIII}. Прибытие основной части дивизии сильно задержалось, так как 269-я пехотная дивизия, которую 41 танковый корпус направил на север от Эржвилкаса, постоянно пересекала маршрут 6-й танковой дивизии, пролежавший по болотистой местности»²³².

Руководство 6-й танковой дивизии, располагая сведениями о приближении к Дубисе наших танковых колонн, было озабочено подготовкой к их встрече. По словам Рауса «Генерал Ландграф пытался как можно быстрее подтянуть от основной части дивизии к Расейнаю значительное пополнение, чтобы... препятствовать советам пересечь Дубису. Этот план не удалось выполнить из-за продолжающей свалки в Эржвилкасе. Там авангард 6-ой танковой дивизии был теперь перепутан не только с 269-ой пехотной дивизией, но и с подразделениями 1-ой танковой.

Это означало, что полковник фон Зекендорф и я не получим немедленно подкреплений, а также не будем своевременно иметь поддержки на флангах. Генерала особенно беспокоил правый фланг, где от нападения противника на Бятигалу могла бы защитить 269-ая пехотная дивизия»²³³.

Раус не отмечает здесь столкновения со 2-й танковой дивизией ни вечером 23-го июня, ни в начале ночи 24-го.

Несколько иначе и подробнее излагает обстановку начальник штаба 6-й танковой дивизии граф Кильманзегг (Kielmansegg). По его записям, дозор старшего лейтенанта Бокхова (Bockhoff) из 1-й роты 57-го танкового разведывательного батальона находился в зоне развертывания советской 2-й танковой дивизии. Бокхов докладывал о ее движении по радио в свой штаб. Кильманзегг пишет, что «не удалось вовремя сориентировать об этом передовую колонну». Поэтому боевая группа Зекендорфа была атакована на предмостном укреплении у Дубисы превосходящими танковыми силами противника и опять имела потери. Многие ее стрелковые отделения были отрезаны от моста. Позднее стрелки были найдены изуродованными»²³⁴.

^{LVII} Имение Буткайчай на картах обнаружить не удалось.

^{LVIII} По утверждению Д.И. Осадчего «На рубеже Дубисы в течение ночи наши части сдерживали яростный натиск фашистов» (Осадчий. С. 54)

Кильманзег продолжает: «Дивизия стремилась теперь как можно быстрее получить мощное подкрепление, прежде всего танки в район Россиен, чтобы не дать противнику переправиться через Дубиссу. Но это вызвало лишь более заметные пробки на марше, так что эти планы не вполне удались. Русские смогли захватить переправу через Дубиссу у Кибартеляй^{LIX}. Дальнейшее их продвижение разбилось, однако, о наше быстро организованное сопротивление на высотах восточнее Россиен.

Особую озабоченность вызывал правый фланг у Бетигалы. Там не было теперь 269-й пехотной дивизии, ранее располагавшейся на фланге. Она застряла северо-восточном Эржвилкаса, тогда как 1-я танковая дивизия наступала по большому шоссе в направлении Кельме. Руководство 6-й танковой дивизии чувствовало усиление врага и намеривалось на рассвете 24 июня атаковать его общими силами из района Россиен, отбросить назад через Дубиссу и далее в восточном направлении. Корпус был согласен с этим планом. Предлагалось снова оттянуть 269-ю пехотную дивизию на правый фланг, 1-ю танковую дивизию направить через Лидувену и 36-ю пехотную моторизованную дивизию, находившуюся до сих пор в резерве, повернуть через Кельме на восток. Однако было неясно, когда эти передвижения окончатся. Так что 6-й танковой дивизии предстояло также с утра 24 июня бороться в одиночку. Начало атаки назначено было на 6:00»²³⁵.

Судя по Кильманзегу, авангард 2-й танковой дивизии вступила в бой заметно ранее, чем утверждает Раус, то есть либо поздно вечером 23 июня, либо после полуночи. В пользу этого предположения говорит упоминание осветительных ракет в описании первого боя 5-й роты 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии, которое приводит его участник Д. И. Осадчий:

«В нескольких километрах от нас на западном берегу реки Дубиса сражался с противником 2-й мотострелковый полк нашей дивизии. В предвоенные дни нам, танкистам, не раз приходилось взаимодействовать на тактических учениях с этим полком, обладавшим высокой полевой выучкой. Командовал им смелый и решительный офицер – майор Чинчинадзе. Сейчас всюду рвались вражеские снаряды, небо освещали сигнальные и осветительные ракеты и требовалось доказать ратное умение в настоящем бою. Командир полка майор И. П. Рагочий остановил мой танк и в считанные минуты поставил задачу немедленно развернуться и отразить атаку прорвавшихся на левом фланге 2-го мотострелкового полка фашистских танков. Подав экипажам шести машин команду «К бою», мы стремительно двинулись в заданном направлении. Шли некоторое время в предбоевом порядке, но противника не обнаружили и свернули танки в колонну. Прошли еще несколько километров, однако врага не встретили. Затем направились туда, где были видны вспышки рвавшихся снарядов. На пути встретился крутой спуск к реке Дубисе, на противоположном берегу которой разгорелся бой. С большим трудом мы спустились вниз. Пока я ориентировался в обстановке и переговаривался с подчиненными командирами, вплотную к нам подъехал вражеский мотоциклист, приняв, видимо, наши машины за свои. За ним двигалось несколько танков и бронемашин. Наконец, противник оказался рядом. Важно было не упустить благоприятный момент, захватить инициативу. Скомандовал: «Огонь». Завязалась огневая дуэль. Первым уничтожили удиравшего мотоциклиста, головной и замыкающий танки, а потом и остальные машины, всего семь танков, две бронемашины и мотоцикл.

В этом первом для нас бою мы отделались лишь несколькими вмятинами на машинах»²³⁶.

Итак, 23-го июня в контрударе 3-го и 12-го механизированных корпусов участвовали, да и то лишь в самом конце, дня два танковых полка (55-й и 56-й из 28-й танковой дивизии) и один мотострелковый (2-й из 2-й танковой дивизии), которые, естественно, не могли остановить натиск трех танковых дивизий врага.

Командующий фронтом Ф. И. Кузнецов, подводя итоги дня в очередном боевом распоряжении, констатировал: «Действия главной группировки армии с целью окружения до трех пехотных и одной танковой дивизии противника в районе Шилале, Скаудвиле, Видукле, Келме не получили никакого развития. Эту задачу требую решить на рассвете 24.6.41 г. короткими сильными ударами 23-й танковой дивизии; ось движения – Шилале, Упинас, *Воджгире, Россиены, где войти в связь с 48-й стрелковой дивизией.

23-й танковой дивизии прикрыть себя прочно справа, не попадая в ловушки. 28-й танковой дивизии во взаимодействии с 23-й танковой дивизией уничтожить танки, конницу и пехоту противника, выдвигающегося к северу от Скаудвиле»²³⁷.

^{LIX} Ссылка на Кибартеляй здесь сомнительна, так как этот плацдарм занимала группа Рауса, а не Зекендорфа, действовавшего у Бетигалы.

Иначе выглядели итоги, глядя с немецкой стороны: «41-й танковый корпус после двух первых дней наступления мог констатировать: дивизии с боями преодолели около 100 км. При этом, наряду с другими соединениями, противостоящая 1-й танковой дивизии 125-я^{LX} стрелковая дивизия измотана беспощадными контратаками. Ее осколки отступили, бросив свое тяжелое оружие»²³⁸. Заметим, что здесь нет ни слова о противостоянии 23 июня немцам со стороны советских танков.

К вечеру 23 июня немецкая 21-я пехотная дивизия достигла назначенной цели — южного края возвышенностей около Упины. При этом дивизия, вступив правым флангом на шоссе, вошла в тесный контакт с левым флангом 4-й танковой группы. Последняя, со своей стороны, свернула теперь на восток, чтобы вступить в танковое сражение под Расейняем, в то время как 21-я пехотная дивизия наступала дальше на Кельме²³⁹.

Бои на остальных направлениях

Весьма неблагоприятно развивалась в этот день обстановка на **Даугавпилсском** направлении. Немецкие танки шли вперед. Между 8-й и 11-й армиями образовался разрыв, чем воспользовалось командование 56-го танкового корпуса Манштейна. Обойдя оборону советских войск, его передовые отряды начали быстро продвигаться в район Укмерге.

«Попытки командования Северо-Западного фронта ликвидировать прорыв у Каунаса и в направлении Укмерге силами 1-го и 3-го мотострелковых полков войск НКВД успеха не принесли. Беспрецедентное мужество проявили советские воины, сражаясь за каждую пядь родной земли, но слишком неравны были силы»²⁴⁰.

В самом Даугавпилсе к этому времени уже появляются беженцы из Литвы. По воспоминаниям И. Ионана «23 июня 1941 года он вел поезд из Даугавпилса в Резекне. В эшелоне было много евреев, в том числе из Литвы, а также жен советских офицеров. Ночью состав в Резекне был обстрелян немецкими самолетами. Неожиданно утром машинист получил приказ повернуть поезд назад. В Малте всех выгрузили, а пустые вагоны вновь перегнали в Резекне»²⁴¹. Едва ли многим, среди высаженных из поезда, удалось спастись^{LXI}.

На **Вильнюсском** направлении 5-я танковая дивизия, понеся тяжелые потери, отошла к городу²⁴². Сломив ее сопротивление, соединения 3-й танковой группы Гота к исходу дня, продвинувшись вперед, также как и накануне, до 70 км, вышли в район Вильнюса²⁴³.

О том, что происходило в городе, свидетельствует очевидец событий Григорий Шур: «На вокзале была уже настоящая суматоха. Множество людей, вчера еще не веривших в серьезность положения, теперь толпились здесь с наспех захваченными вещами, стараясь проникнуть на перрон и попасть в какой-нибудь поезд. Литовские железнодорожники почему-то заперли решетчатую железную дверь, ведущую прямо на перрон; люди, помогая друг другу, бросились перелезать через забор. Увидев это, советские железнодорожники распорядились снова отворить дверь, и толпа повалила прямо на железнодорожные пути, где на пятой линии находился состав более чем из 50 вагонов, без паровоза, а на первой линии маленький состав всего из 6 пассажирских вагонов, одного товарного и паровоза под паром. В большой поезд пускали всех, желающих уехать, и он был битком набит, в маленький могли попасть только начальствующие лица по специальным пропускам... По перрону расхаживали литовские и советские железнодорожники, а также группа членов городского исполнительного комитета. Литовские железнодорожники всячески задерживали отправление поездов. Наконец подали паровоз под большой состав, и поезд был отправлен. Следом отошел и маленький состав с последними советскими властями.

К вечеру небо над городом осветилось сброшенными на парашютах ракетами, немецкие самолеты бомбили жилые дома в центре города и на окраинах. Советских войск в городе почти не было... Отдельные советские военные грузовики мчались через город, удирая без оглядки. В некоторых местах литовцы устроили засады и ночью обстреливали проезжающие советские автомашины. Значительная группа литовских солдат вместе с литовскими добровольцами укрылась в садике францисканской церкви на Троцкой улице, где находились небольшие литовские казармы, ночью они обстреливали каждый следовавший мимо советский грузовик. Такую же засаду литов-

^{LX} В источнике указана 123-я стрелковая дивизия, что ошибочно.

^{LXI} Не был ли этот эпизод отголоском приказа Жукова вернуть семьи военнослужащих, о котором выше рассказал генерал-полковник Н. М. Хлебников?

ские добровольцы и солдаты устроили на Замковой горе еще днем, но легкий советский танк поднялся туда и расстрелял засевшую группу»²⁴⁴.

Заметно ухудшилась обстановка в тылу Северо-Западного фронта. После бегства руководства и милиции вся Литва в течение нескольких дней находилась без гражданских властей. Заброшенные в тыл наших войск диверсионные группы и антисоветски настроенные жители Прибалтики, осмелевшие после неудачных приграничных боев Красной армии, пытались дезорганизовать работу военкоматов, призывных пунктов, посеять панику среди местного населения²⁴⁵.

Буйвидайте-Куторгене в этот день записывает в дневнике: «23/VI. Всю ночь [через Каунас] шли войска. Утром улицы пусты. Люди бегут с чемоданами. Куда? *Никакой власти, никаких приказаний и разъяснений. Все растеряны...* Положение евреев ужасное... в соседней еврейской семье – сын, прелестный юноша, ушел с рюкзаком. Отец собирается тоже уйти. Зашел и просит меня поддержать семью. Говорит, что немцы женщин и детей, наверное, убивать не будут... *Видела целые толпы русских солдат с ружьями и без, бредущих по берегу... Бесчисленные повозки... Отступают точно в беспорядке, неорганизованно...* Улицы пустынные, точно вымерли...

Часов в одиннадцать утра около нашего углового дома послышалась сильная перестрелка – пулеметная и ружейная. В окно мы увидели воинскую часть (человек сто), поспешно, но в полном порядке, перебегающую с ружьями наперевес через Канто улицу. Слышна была команда командиров.

Сзади ехали две небольшие пушки; очевидно, эта отступающая в порядке часть спешила... ее преследовали, должно быть, литовские добровольцы, следуя приказу убивать русских солдат. Девочка рассказывает, что видела мертвого убитого русского солдата, убитого, должно быть, из-за угла... Отдельные красноармейцы, проходя по улицам, отстреливаются, так как в них стреляют из окон и крыш «литовские патриоты». Ужасно это патриотическое одичание»²⁴⁶.

К исходу 23-го июня 1941 года войска группы армий «Север» с боями вышли на рубеж река Миния – Риетавас – Кведарна – Шилале – Расейняй, а передовые отряды 4-й танковой группы – в район Укмерге. Соединения 3-й танковой группы прорвались к южной окраине Вильнюса и завязали бои за город.

В 20.00 командование фронта, потерявшее связь с боевыми частями, отдавало 11 армии нереалистичные приказы:

«Перед Вами равные силы противника, возможно меньшие. Приказываю ликвидировать прорыв противника в районе Каунас, уничтожив его, не дав уйти за р. Неман.

Возьмите управление в руки. Где 5-я танковая дивизия? Установите, какое положение в Вильнюс. Требую навести порядок, призвать и заставить каждого выполнить свой долг перед Родиной. Ликвидировать десанты»²⁴⁷.

В тот же день Ф. И. Кузнецов приказал начальнику инженерных войск В. Ф. Зотову ускорить строительство командного пункта в районе Даугавпилса²⁴⁸.

24 июня 1941 года

Немцы выдвигаются на фланг 2-й танковой дивизии

Р. Штовес: «Командование 41-го танкового корпуса, получившее сведения о подходе к фронту советской 2-й танковой дивизии, в 0.30 приказало перенести разграничительную линию между 6-й и 1-й танковыми дивизиями дальше на юг. Для этого следовало изменить назначенные маршруты. В 1.30 боевые группы получили по радио приказ выступить в 4.30: боевая группа Вестхофена через Шилуву – Шаукотас – Бейсаголу на Поневеж, боевая группа Крюгера через Шяуленай – Шедуву – Смилгай.

Группа Крюгера выступила около 4.30, имея в голове колонны 1-й батальон 113 стрелкового полка и 2-й батальон 1-го танкового полка. В 6.30 около имения *Мурай (Muraj)* она натолкнулась на хорошо окопавшегося противника, поддерживаемого танками. Преодолев его сопротивление в жесткой схватке, группа Крюгера далее продвигалась на Шяуленай. Группа Вестхофена почти без сопротивления захватила Бейсаголу. Подразделения группы далеко растянулись из-за плохих до-
рог²⁴⁹.

Сражение у Расейня: первая половина дня

24 июня контрудар наших танковых дивизий, поддержанный частями 125-й и 48-й стрелковых дивизий, достиг большого размаха²⁵⁰. К сожалению, сведения отечественных источников о нем отрывочны и не вполне достоверны. Обратимся к воспоминаниям участников боев.

Д. И. Осадчий: «На рассвете мы переправились на западный берег реки. Для уточнения боевой задачи комбат^{LXII} вывел командиров рот на передний край, непосредственно в боевые порядки 2-го мотострелкового полка. Местность^{LXIII} запомнилась ровной, в основном открытой с черешневыми вдали рощами. Изредка рвались снаряды и мины, со свистом проносились пули, трещали пулеметные очереди. Рекогносцировку прервал мощный огневой налет артиллерии противника, после которой в атаку поднялась вражеская пехота. Она шла плотными рядами, ведя беспорядочный огонь из автоматов. Мотострелки, подпустив атакующих на близкое расстояние, по команде своих командиров открыли прицельный огонь, а затем с криками «Ура!» бросились на врага. На солнце засверкали штыки, примкнутые к винтовкам и карабинам. Мне впервые удалось увидеть настоящий штыковой бой. Наша рекогносцировочная группа перебежками, а где по-пластунски добрались до своих танков. По условному сигналу машины развернулись в боевой порядок и устремились вперед. Обогнав мотопехоту, ведя интенсивный огонь с ходу, мы шли навстречу противнику. Наводчик сержант Черныш меткими выстрелами из пушки поражал вражеские танки и бронемашину.

Когда боевые порядки смешались, пришлось вести огонь с коротких остановок. Противник отвечал тем же, горели БТ и Т-26. Неуязвимыми оказались КВ с их мощной броневой защитой, от снарядов на их броне оставались лишь вмятины. А ведь плотность танков была так велика, что практически любой выпущенный снаряд достигал цели.

После полутора-двухчасового поединка враг, оставив на поле битвы немало горящей техники, отступил. Продвинувшись на 3 - 4 км и дав возможность пехоте закрепиться на достигнутом рубеже, мы вернулись в исходный район²⁵¹.

Немецкие источники содержат ряд описаний этого важнейшего боя.

В. Пауль: «Раннее утро 24 июня принесло неблагоприятные вести. В тылу дивизии в лесах все еще шли бои с мелкими частями русских. Из-за этого армейский транспорт не смог прибыть на предусмотренный для него полевой аэродром возле Эржвилкаса. 2-я рота 6-го мотоциклетного батальона из боевой группы Зекендорфа, вновь взявшая мост по шоссе на Гринкишкис^{LXIV}, стала жертвой ответного удара противника. Его тяжелые танки оказались неуязвимыми для наших 3,7-см противотанковых пушек. Срочно были подвезены 5-см противотанковые пушки, но к 6:00 выяснилось, что и они не могут пробить броню неприятельских танков. В 7:00 генерал Ландграф прибыл лично ознакомиться с боевой обстановкой. От Рауса не поступало никаких известий, и ему через офицера связи было приказано не вступать в бой до выяснения положения в группе Зекендорфа»²⁵².

«Около 9 часов генерал Ландграф сообщил следующие сведения. Неуязвимость тяжелых неприятельских танков подтвердилась. Примерно 7 или 8 их разъезжает по эту сторону Дубиссы в зоне боевой группы Зекендорфа, порождая замешательство и круша немецкие орудия. 15-см гаубица при стрельбе прямой наводкой не пробивает броню танка и спустя несколько мгновений им раздавливается, хотя прислуга может спастись. 6-й мотоциклетный батальон стал небоеспособен. 6-я рота 114 стрелкового полка по-прежнему удерживает брод через Дубиссу.

Начальник штаба дивизии граф Кильманзег записал: "До начала нашей собственной атаки, русские со своего предмостного укрепления атаковали тяжелыми танками и силами пехоты через Дубису в направлении Россиен. Несмотря на внезапность, им не удалось вклиниться пехотой при многократных повторных атаках. Однако день привел к кризису значительного масштаба. Причина - выступление некоторого числа совершенно неизвестных сверхтяжелых танков, так называемых 52-тонных". Речь идет о типах КВ-1 и 2 (Климент Ворошилов) с 7,6-см соответственно 15-см пушкой и 85 мм крепкой лобовой броней и 80 мм всесторонним бронированием»²⁵³.

^{LXII} Командир батальона капитан Карлявин (Осадчий. С. 52).

^{LXIII} Место боев Осадчий не указывает. Судя по описанию окрестностей, это западный берег Дубисы, предположительно в районе дороги из Бятигалы в Расейняй.

^{LXIV} Привязка к шоссе на Гринкишкис, видимо, ошибочна, так как боевая группа Зекендорфа находилась южнее, у Бятигалы, а не на этом шоссе.

Наиболее ярко бой описал Раус. Он не был его очевидцем 24 июня, но находился в непосредственной близости к Бятигигале и, конечно, после боя общался с его участниками:

«Едва солнце начало посылать первые лучи, как внезапно с юга послышался рев артиллерии. Разрывы снарядов, залп за залпом слышались со стороны южного предмостного укрепления, удерживаемого боевой группой фон Зекендорфа... Шум этой пальбы продолжался примерно 20 минут, затем тяжелые удары пушек и пулеметный огонь перешли в крещендо. Тренированное ухо опытного танкиста сразу различило начало танкового сражения...

Медленно перемещающийся на запад шум битвы явно не был добрым знаком. Штаб дивизии подтвердил, что боевая группа Зекендорфа подверглась мощному нападению. Позже мы узнали: наши части на южном предмостном укреплении столкнулись со 2-й танковой дивизией 3-го механизированного корпуса, чьей задачей было вернуть Расейняй и вытеснить 6-ю танковую дивизию с плато. Тем, что взбудоражило полковника Зекендорфа и его людей в этой сомнительной ситуации, было не столько численное превосходство врага, сколько совершенно неожиданное появление колоссальных танков, против которых немецкие танки и противотанковые орудия оказались совершенно неэффективными. Это были сверхтяжелые русские танки KB-1...

Вскоре после начала перестрелки тяжелой артиллерии, эти танки перешли в атаку, прорвали позиции 6-го мотоциклетного батальона на расширенном им предмостном укреплении и вынудили батальон отступить на западный берег Дубисы.

Под прикрытием главных сил боевой группы фон Зекендорфа, мотоциклетный батальон тотчас развернулся и приготовился оказать упорное сопротивление. В этот момент полковник фон Зекендорф все еще надеялся удержать западный берег, пока тяжелые танки без труда реку не пересекли и не загрохотали по берегу. Даже интенсивный огонь артиллерии и остального тяжелого оружия не сдержал стальных толстокожих. Окутанные огнем и дымом, они тяжело и неуклюже двигались вперед, сокрушая все на своем пути. Не обращая внимания на ливень гаубичных снарядов и дождь скатывающиеся осколки, они атаковали дорожное заграждение, игнорируя фланговый огонь из леса наших противотанковых пушек, затем развернулись и, раздавив их позиции, ворвались в расположение артиллеристов.

Около сотни танков 11-го танкового полка^{LXV} полковника Ричарда Коля (Koll), треть которого составляли средние танки PZ-IV, теперь подготовились к контратаке. Некоторые из них оказались перед российскими бегемотами с фронта, но большая часть нападала с флангов. С трех сторон их снаряды молотили по стальным гигантам, но стремление поразить их было напрасным. Кроме того, наши танки очень скоро стали нести потери, и после долгой бесполезной борьбы с русскими гигантами, подвижные части полковника Коля вынуждены были, чтобы избежать уничтожения, ретироваться в укрытия местности...

Положение ухудшало то, что 2-ой батальон 114-го моторизованного пехотного полка, который рядом западнее Дубисы оборонял лес от советской пехоты, следующей в кильватере танков KB, нес тяжелые потери, особенно от артиллерийского огня. Поскольку стало ясно, что никакое оружие боевой группы Зекендорфа, ни даже наши танковые части не равня русскому монстру, нависла опасность всеобщей паники. Командир батальона капитан Квентин (Quentin) добился экстраординарного решения: организовано отвести основную массу его колеблющихся войск. Вместе с командирами рот и старшим сержантским составом капитан Квентин стал к пулеметам и удерживал линию обороны батальона при повторных атаках русской пехоты. Несмотря на неожиданность появления тяжелых танков и отвод большей части батальона, вражеская пехота оказалась неспособной прорваться вслед за танками к Расейняю»²⁵⁴.

Одинокий KB останавливает боевую группу Рауса

Тем же утром 24 июня у Кибартеляй, севернее Бятигигалы, находилась боевая группа Рауса.

В. Пауль: «Боевая группа Рауса была блокирована одним отдельным сверхтяжелым танком, который из-за неисправности привода застрял на пути главных сил дивизии. Боевая группа сначала считала, что это атака с тыла на занимаемое ею предмостное укрепление на Дубиссе, так как не догадывалась о повреждении танка. Группа установила на позиции противотанковые пушки и подготовила для контрудара 2-й батальон 11-го танкового полка. Однако нападения не произошло. Вместо этого танк поджог 12 грузовиков снабжения и воспрепятствовал вывозу раненых с предмостного укрепления. Многие тяжелораненые, в их числе граф Плетценберг (Pletzenberg), сконча-

^{LXV} Полк состоял в боевой группе Рауса.

лись, так как не могли быть вовремя прооперированы. Попытки объехать танк провалились. Автомашины застревали в окружающих болотах или попадали при более дальнем объезде в руки противника, который появлялся еще всюду в лесах»²⁵⁵.

Подробнее события излагает Раус:

«Почему мы не пришли на помощь войскам полковника Зекендорфа, подвергшимся сильному нажиму?

На нашем участке не произошло ничего серьезного. Войска улучшили свои позиции, разведанные в направлении Шилуве и в обоих направлениях на восточном берегу Дубисы, в основном пытались узнать, что происходит к югу от моста. Мы столкнулись только с рассеянными вражескими подразделениями и отставшими бойцами. В ходе этих попыток мы вступали в контакт как с отдаленными подразделениями боевой группы фон Зекендорфа, так и 1-ой танковой дивизии у Лиду-венай. После зачистки лесистой местности к западу от дружественного предмостного укрепления, часть нашей пехоты столкнулась с более значительными силами русской пехоты, все еще удерживающейся в двух местах на западном берегу Дубисы...

На полпути к Расейню, наш водитель внезапно увидел на дороге вражеский танк и остановился... Машина... развернулась и благополучно достигла предмостного укрепления, несмотря на стрельбу танка... Это небольшой эпизод первым указал мне, что единственный маршрут снабжения нашего предмостного укрепления блокирован тяжелым KB-1, который также сумел прервать нашу телефонную связь со штабом дивизии. Хотя вражеские намерения были еще не ясны, следовало ожидать нападение с тыла на наши позиции.

Я немедленно приказал установить вблизи плоской вершины холма... 3-ю батарею лейтенанта Венгенрота (Wengenroth) из 41-го противотанкового батальона... Лейтенант Гебхард (Gebhardt) из 3-й роты 57-го саперного батальона был послан блокировать дорогу и, если это необходимо, немедленно минировать окружающую сельскую местность. Приданным нам танкам - половине 65-го танкового батальона майора Шенка (Schenk), располагавшимся в лесу, было приказано быть готовым в нужный момент начать контратаку.

Проходили часы, а вражеский танк, блокируя дорогу, едва ли двигался, хотя и стрелял время от времени в направлении Расейня. В полдень 24 июня разведчики, которых я отправил обследовать окрестности танка, доложили, что не могли обнаружить сосредоточения по соседству никаких частей Красной Армии или подвижных средств, наводящих на мысль о грозящей атаке. Офицер, командовавший этим отрядом, предположил, что подразделение, которому принадлежит одинокий танк, вероятно, сражается с боевой группой фон Зекендорфа.

Хотя, казалось, нет опасности немедленной атаки, следовало сразу принять меры, чтобы уничтожить докучливый танк или, по крайней мере, прогнать его. Его стрельба подожгла 12 грузовиков, следовавших к нам из Расейня с необходимейшими запасами. Невозможно было эвакуировать солдат, раненых в бою за предмостное укрепление. В результате нескольких тяжелейших раненых умерли.... Все попытки объехать танк оказывались бесполезными: грузовики или вязли в болотной грязи, или, избирая более далекий околный путь, натывались на рассеянные русские части, оставшиеся в лесах незамеченными.

Поэтому я приказал батарее лейтенанта Венгенрота, недавно снабженной новыми противотанковыми пушками, пробраться через лес, приблизиться к танку и уничтожить его. Командир батареи и его brave солдаты просияли от радости при такой почетной задаче и отправились в лес полные уверенности, что быстро с ней справятся.

С командного пункта на вершине холма мы наблюдали, как они быстро скользили по лесу от лощины к лощине. Десятки солдат карабкались на крыши, забирались на вершины деревьев или усаживались на ветвях, увлеченно ожидая, чем кончится это рискованное предприятие. Все видели, как пушки приблизились на расстояние менее 1000 метров от танка. Он спокойно стоял посреди дороги, казалось, не замечая приближающуюся угрозу. Вторая пушка, которая какое-то время находилась вне поля зрения, вдруг появилось перед танком из ближайшей лощины и заняла рядом с ней хорошо замаскированную огневую позицию. В последующие полчаса оставшиеся два орудия было вручную передвинуты в схожие позиции.

Пока мы с гребня холма следили за танком, кто-то предположил, что он, возможно, поврежден и покинут экипажем, так как иначе трудно было объяснить, почему он неподвижно стоит посреди дороги, образуя прекрасную цель... Внезапно сверкнул первый выстрел одной из противотанковых пушек. В мгновение ока броневой снаряд преодолел 600 метров. Яркий огонь, каза-

лось, сопровождался звуком сильного взрыва. Прямое попадание! Последовали второй и затем третий удары.

Офицеры и солдаты, подобно зрителям на стадионе, приветствовали криками состязающихся в стрельбе. "Удар! Браво! С танком покончено!" Он не двигался, пока в него не попало, по крайней мере, восемь снарядов. Затем его башня повернулась, внимательно выбрала цель, и несколькими 80 мм снарядами методично заставила замолчать нашу противотанковую батарею. Два из наших 50 мм орудий были разнесены в клочья, два оставшихся серьезно повреждены. Батарея замерла. Лейтенанту Венгенроту пришлось отвести остатки персонала в безопасное укрытие, чтобы избежать дальнейших потерь. Только с наступлением темноты он смог вызволить оставшиеся пушки. Неповрежденной русский танк все еще командовал дорогой, гибельно срывая нашу операцию. Глубоко подавленный лейтенант Венгенрот со своими солдатами возвратился к предместному укреплению. Его новейшее оружие, в котором он был так уверен, оказалось совершенно бес-
сильным против чудовищного танка. Общее чувство разочарования охватило всю боевую группу»²⁵⁶.

Утренняя обстановка к западу от шоссе на Шяуляй

Рихтер сообщает, что 1-я пехотная дивизия выступила в направлении на Кражай в 6 утра. Ее задачей было не дать противнику закрепиться на этом рубеже и далее наступать в северо-восточном направлении. Однако атака авангарда дивизии, состоявшего из разведывательного и саперного батальонов, части противотанкового батальона и велосипедных рот 1-го и 22-го полков, захлебнулась перед Кражаем. Опушки лесов были плотно заняты; противником, здесь впервые проявился его сильный артиллерийский обстрел. Допрос пленных показал, что впереди находятся главным образом механизированные и танковые неприятельские части²⁵⁷.

Речь здесь явно идет о противодействии фашистам со стороны 9-й артиллерийской бригады и 202-й моторизованной дивизии, уже отличившихся накануне стойкостью на этом рубеже.

В 8.55 командующий 8-й армией генерал-майор Собенников в боевом распоряжении командир 11-й стрелковой дивизии из своего штаба в Куртувенай так описал сложившуюся обстановку:

«1. Противник развивает удар значительными силами пехоты с танками и артиллерией в направлениях: Россиены, *Цитовяны; Калтиненай, Варняй, Шяуляй, угрожая обходом главных сил армии в районе Варняй, Келме^{LXVI}.

2. Наши части 10-го и 11-го стрелковых корпусов упорно обороняют фронт на линии р. Минья, р. Юра, Кведарна, Лаукува, Варняй, *Кряжай, Келме.

12-й механизированный корпус с 7.40 24.6.41 г. атакует [противника в] общем направлении Калтиненай, Россиены с задачей окружить и уничтожить главные силы немцев»²⁵⁸.

Этим же распоряжением Собенников приказал:

«3. 11-й стрелковой дивизии прочно обеспечить левый фланг армии, выдвинувшись в район Цитовяны, обеспечивая от проникновения противника направления на Радвилишкис и Шяуляй.

Установить влево по западному берегу р. Дубисса связь с частями 48-й стрелковой дивизии и 3-го механизированного корпуса. Держите со мной тесную связь. Подробно через каждые два часа сообщайте обстановку»²⁵⁹.

В «Оперативной сводке № 04 к 10.00 24.6.41. Штаб СЗФ. Паневежис», направленной в Генеральный штаб, читаем:

«На всем фронте продолжается наступление противника. Оказывая сопротивление, войска фронта завершают контрудар по тыльной группировке противника.

В течение ночи связь постоянно^{LXVII} нарушалась действиями диверсантов и бомбами. К 6 часам проволочную связь удалось сохранить с Москвой и 8-й армией, по всем остальным направлениям – прервана.

2. 8-я армия ночью [вела] ружейно-пулеметную перестрелку. С рассветом противник, закончив перегруппировку, продолжает наступление, нанося главный удар в направлении Цитовяны и вспомогательный – Шилале, Калтиненай. Основная группировка противника к утру 24.6.41 г. – южнее Пакражантис.

^{LXVI} По шоссе на Шяуляй и западнее на Калтиненай и Варняй немецкая пехота наступала без танков.

^{LXVII} В источнике «постепенно».

3. 10-й стрелковый корпус – штаб корпуса – Варняй.

10-я стрелковая дивизия удерживает прежнее положение. Риетава занят противником... Потери уточняются.

90-я стрелковая дивизия, атакованная противником, понесла большие потери, отошла в район Тверай, Кведарна, Лаукува, Кальтиненай. На ее участке наступают крупные силы пехоты и кавалерии.

Потери значительные, уточняются. Орудий потеряно 46.

11-й стрелковый корпус – штаб корпуса – Келме.

Остатки 125-й стрелковой дивизии отошли в район Кражай, Кельме, приводятся в порядок...

12-й механизированный корпус к 7 часов 45 минут перешел в контратаку: 23-я танковая дивизия – в Лаукува, Упинас; 28-я танковая дивизия во взаимодействии с 23-й танковой дивизией уничтожает танками конницу и пехоту противника, выдвигающегося к северу от Скаудвиле. Данных о результатах контратаки корпуса еще нет ...»²⁶⁰.

Об успешной атаке 2-й танковой дивизии здесь ни слова. Штаб фронта о ней не знает, поскольку связь с дивизией прервана.

Неведение в Жеймялисе

Знали ли жеймяльские евреи во вторник о положении на фронте? Видимо, очень смутно. Что они могли знать, если штаб фронта и Генеральный штаб плохо представляли себе, что происходит?

Советские газеты и радио бесстыдно лгали:

«Сводка главного командования Красной Армии за 23. VI – 1941 года

В течение дня противник стремился развить наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря, направляя главные свои усилия на Шауляйском, Каунаасском, Гродненско-Волковысском... направлениях, но успеха не имел.

...На Шауляйском и Рава-Русском направлениях противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу; при этом на Шауляйском направлении нашим артогнем уничтожено до 300 танков противника.

...Наша авиация вела успешные бои, прикрывая войска, аэродромы, населенные пункты и военные объекты... сбит 51 самолет противника»²⁶¹.

Иное можно было услышать по германскому радио, где одна за другой зачитывались сводки о победоносном продвижении доблестных солдат рейха²⁶².

Молодежь в Жеймялисе утром 24 июня еще не чувствовала надвигающейся опасности.

Израиль Якушок вспоминает: **«Мы ждали [что будет], ждали. Во вторник пришли знакомые девушки, мы ходили, смеялись».**

Что же происходило в это время на фронте?

Сражение у Расейня: вторая половина дня

Осадчий: «В течение дня батальон шесть раз переходил в атаку, причиняя значительный ущерб фашистам. За два дня наша рота потеряла один танк. Без преувеличения можно сказать, что на долю каждого КВ приходилось по десятку и более уничтоженных вражеских машин. В условиях скоротечного боя и быстро меняющейся обстановки самыми эффективными являлись КВ с 76-мм пушкой и большим запасом снарядов. Танки КВ с пушкой калибра 152 мм и 30 бетонобойными и осколочно-фугасными снарядами были громоздкими, и это лишало их главного преимущества - маневра и огня»²⁶³.

Раус «Все новые советские танки вступали с востока в сражение, тогда как большая часть тяжелых танков двигалась неуклонно вперед, несмотря на устойчивый огонь немецкой артиллерии и танков. Единственным выходом для капитана Квентина было позволить второй группе русских танков проехать его оборонительную линию. После чего его отряд офицеров и сержантов мог при необходимости бежать на фланги и присоединиться к главным силами 114 моторизованного пехотного полка, если тот все еще там находился.

Сидя на корточках в мелких траншеях, под дорожными мостами, в перепускных трубах и пшеничных полях, немецкие солдаты ждали прохода второй волны тяжелых танков. Ожидание

превращалось в лотерею, поскольку наша дальнобойная артиллерия, целившаяся в эти танки, не создавала, что поражает также наши собственные части.

С начала этой операции полковник фон Зекендорф умолял штаб дивизии о помощи, но генерал Ландграф... не имел больше никаких средств помочь ему. Тогда фон Зекендорф поднял вопрос, надолго ли хватит моральных сил у его офицеров и людей, и не породит ли панику это неудержимое нападения танков. Проблема состояла в том, что в штабах 41-го танкового корпуса боевые донесения 6-ой танковой дивизии встретили первоначально со значительным скептицизмом. Там казалось, преобладало впечатление, что генерал Ландграф и майор Иоахим фон Килмансегг (Joachim von Kielmansegg) занервничали. Но после посещения фронта генералом Георгом-Хансом Рейнхардтом (Georg-Hans Reinhardt), тот быстро пришел к заключению, что возник подлинный кризис и обещал немедленно прикрепить к дивизии несколько батарей 88 мм зениток, которые были в то время заняты в обороне Таураге. Все предполагали, что только 88 мм зенитки окажут ровней вызову этих 52-тонных танков.

Российские танки вряд ли понесли ущерб от краткой контратаки 11 танкового полка, но они были вынуждены остановиться и рассеяться, чтобы отразить ее, теряя, таким образом, инерцию атаки. Некоторым танкам KB-1 показался опасным их отрыв от поддерживающей пехоты, и они начали отступать. Эта краткая отсрочка позволила полковнику фон Зекендорфу оттащить собственные войска, включая отряд капитана Квентина, назад на новую оборонительную позицию во круг *высоты 106 и начать реорганизацию его потрясенных батальонов. Полковник нажал на службы всех родов войск, чтобы обеспечить противотанковую оборону.

К этому времени неуязвимость KB-1 была опровергнута огнем 100 мм батареи, которая, наконец, уничтожила несколько чудовищ, стреляя прямой наводкой. Приблизительно в то же самое время лейтенант Экхардт (Eckhardt) из 6-ой роты батальона капитана Квентина обездвигил другой KB-1 мощным зарядом из пяти противотанковых мин... Наши войска набирались храбрости, но и русские танки стали более осторожными и соответственно менее опасными, что очень помогло нашей защите»²⁶⁴.

За прошедшие часы к фронту подошли пехотные части немцев. Раус пишет, что 24 июня во второй половине дня «269-ая пехотная дивизия прибыла, чтобы занять положение на правом фланге полковника фон Зекендорфа. Придвинулась также соседняя с ней 290-ая пехотная дивизия 56 танкового корпуса... 36-ая моторизованная дивизия также приближалась с основного направления на Кельме»²⁶⁵.

Быстро разобравшись в кризисе на участке 6-й танковой дивизии, генерал Рейнхардт в 13.30 прибыл на командный пункт 1-й танковой дивизии в Нямакшчай. Ознакомившись с обстановкой, он приказал сгруппировать силы дивизии в районе Василишкис – Гринкишкис и быть готовыми двинуться либо на запад для уничтожения танков противника вклинившегося в ряды 6-й танковой дивизией, либо пробиваться на восток. В 13.50 по радио поступил боевой приказ: «Группе Вестхофена занять Гринкишкис и далее охранять Бейсаголу, группе Крюгера нанести удар на юг через Шаукотас на Василишкис и перекрыть шоссе Расейняй – Шедува»²⁶⁶.

Штаб 8-й армии несомненно получил сведения, о захвате немецкими танками Шяулена и Бейсаголы. В 14.10 генерал Собенников сообщил командирам 3-го и 12-го механизированных корпусов: «С Цитовяны в направлении Шауляй прорвались танки противника» и приказал «3-му механизированному корпусу атаковать частью сил танки [противника] в тыл»²⁶⁷. Таким образом, 1-й немецкой и 2-й советской танковым дивизиям было приказано атаковать друг друга в тыл.

Раус продолжает: «Приблизительно в 15.00 командир передовой 88 мм зенитной батареи доложил о ее прибытии в штаб дивизии. Генерал Ландграф лично проводил эту часть на передовую, чтобы ввести в дело против советских танков.

Русские, собрав все свои силы в лесной местности и пшеничных полях, начали решительную атаку высоты 106, используя ударную группу тяжелых танков. Едва стальные гиганты оставили укрытие, как наша 88 мм зенитная артиллерия и 100 мм батарея встретили их залпами бронебойных снарядов. Расположенные ступенчато и хорошо замаскированные эти орудия быстро уничтожили множество советских танков и прервали их атаку...

Позже та же судьба постигла разрозненные попытки оставшихся русских прорвать позиции полковника фон Зекендорфа или охватывать их с флангов. Местные атаки сопровождающей советской пехоты не могли повернуть ход событий. Русская пехота, совершенно истощенная тремя днями боев и вынужденных маршей, не обладала больше силами для серьезного прорыва. Это была, и это следует помнить, та же самая пехота, что противостояла 6-ой танковой дивизией в

первый день войны, которая не получила никакой специальной подготовки для взаимодействия с танковыми частями»²⁶⁸.

В. Пауль «Только после полудня 24 июня появилась 21-я зенитная часть. Вопреки предупреждению об осторожности, одно орудие пало жертвой танкового снаряда. Однако затем был подбит первый «великан». Почти одновременно лейтенанту Экхардту (Eckhardt) из 6-й роты 114-й стрелкового полка удалось обездвигнуть следующий 52-тонный танк связкой противотанковых мин. Генерал-полковник Гёпнер (Hoerner) лично вручил ему Железный Крест 1-й степени.

Граф Кильмансегг: «Со скоростью ветра по дивизии разнеслись толки, что этот танк был уничтожен одним ударом. Паническое настроение в последний, правда, момент, было ликвидировано, моральный кризис преодолен. Преодолен также и тактический кризис, поскольку теперь справа встала 269-я пехотная дивизия и рядом с ней по обе стороны Бятигалы - 290-я пехотная дивизия, прибывшая от 56-го корпуса. Между Шидлово и Гринкишкис в готовности к атаке находилась 1-я танковая дивизия 36-я пехотная (моторизованная) дивизия приближалась через Кельме. Начало вырисовываться окружение русских. Их атаки против фронта дивизии восточнее Россиен к вечеру прекратились»²⁶⁹.

Некоторые дополнительные подробности дня, приводит Д. Гланц. Относясь крайне скептически к советским танкистам, он, не будучи очевидцем боя, не всегда точен:

«2-я танковая дивизия генерал-майора Е.Н. Солянкина слепо маршировала в зубы наступающих танков 41-го моторизованного корпуса. Поздно 24-го июня^{LXVIII} передовые части достигли Дубисы в 9,7 км (6 миль) восточнее Расейня, где они столкнулись с разведывательным батальоном 6-й танковой дивизии, занимавшим небольшой плацдарм на восточном берегу...

Танковая дивизия Солянкина, которая имела примерно 300 танков, включая несколько батальонов с примерно 50 новыми тяжелого типа KB-1 достигла предмостного плацдарма... и немедленно атаковала. За 20 минут свирепой битвы более чем 100 советских танков сокрушили защитников плацдарма и, буквально раздавливая их, покатали через реку. Немецкий батальон не мог противостоять чудовищным танкам, чьи 27,3 дюймовые гусеницы сравнивали с землей все на своем пути – пушки, мотоциклы и людей. На плацдарме не было оружия, которое могло их остановить. После бойни, танки вброд преодолели Дубису, с легкостью вползая на берег 45-ти градусной крутизны. В это время на них обрушился огонь всей артиллерии 6-й танковой дивизии и фланговый удар ее противотанковых пушек. В вихре огня, окутанные дымом тяжелые танки катили вперед. С растущим опасением, иногда близким к панике, артиллеристы начали осознавать, что их пушки бесполезны против этих гигантов. Скоро некоторые танки отделились от основной массы атакующих, открыли огонь по противотанковым пушкам и проутюжили их укрытия, расположенные на флангах атакующей, колонны

Основные силы тем временем неслись прямо к Расейню, достигнув артиллерийских позиций, расположенных на высотах сразу восточнее города²⁷⁰...

Люфтваффе не могла помочь, так как сражающиеся танки были безнадежно перемешаны. Новый советский штурм оттеснил обороняющихся к восточным окраинам Расейня, где немецкие части наконец сдержали атаку используя стрельбу прямой наводкой из 88 мм зениток, повредили несколько танков. На окраине Расейня советские танки остановились и неожиданно для немцев услужливо остались неподвижными. Как оказалось, они истощили топливо и боеприпасы... Немецкие саперы затем подорвали танки-монстры один за другим взрывными зарядами»²⁷¹.

По оперативной сводке штаба Северо-Западного фронта Генеральному штабу от 24.6.41 № 05 к 22.00 «2-я танковая дивизии (3-го механизированного корпуса) 23.6.41 г. разгромила 100-й моторизованный полк – до 40 танков и 40 орудий противника. 2-я танковая дивизия к 16.00 24.6.41 г. – в районе Россиены (без горючего). Противник подтянул резервы и в 16.00 24.6.41 г. перешел в наступление»²⁷². Правда, в составе 6 танковой дивизии противника, с которой сражалась наша 2-я танковая дивизия, не было 100-го моторизованного полка^{LXIX}, да и сражение дивизий развернулось не 23, а 24 июня. Но в условиях почти полной дезорганизации управления нашими войсками такие накладки в сводке не удивительны.

^{LXVIII} Так в источнике. Эта датировка неточна. Первая стычка 2-й танковой дивизии с немцами произошла или вечером 23-го июня или ночью 24 июня.

^{LXIX} Возможно, имеется в виду 114 моторизованный пехотный полк боевой группы фон Зекендорфа из состава 6-й танковой дивизии вермахта, но в этом полку не было танков.

Отрезанная от соседей 2-я танковая дивизия, у которой кончилось топливо и боеприпасы, потеряла связь со штабом фронта, понесла большие потери и начала отход к северо-востоку от Расейня²⁷³.

Группа Рауса по-прежнему блокирована

Касаясь обстановки на предмостном укреплении у Кибартеля Раус продолжает:

«Стало ясно, что из орудий, которыми мы располагали, только 88 мм зенитка с ее тяжелым бронебойным снарядом, способна разрушить бегемота. После полудня одно 88 мм орудие было изъято из боев у Расейня и предусмотрительно продвинуто южнее. KB-1 все еще стоял, развернувшись в северном направлении, откуда ранее был атакован. Длинноствольная зенитка приблизилась к танку примерно на расстояние 2 000 метров, с которого можно было гарантировать удовлетворительные результаты. К сожалению, некоторые сожженные грузовики и прежние жертвы танка, все еще лежали на дороге, затрудняя обзор прислуге орудия. В то же время их дымящиеся остовы обеспечивали маскировку, и зенитка могла быть выведена ближе к цели. Прикрытое многочисленными ветвями деревьев, закрепленными на нем снаружи, орудие было осторожно выдвинуто вперед вручную, чтобы не насторожить неподвижный танк. Наконец, зенитчики достигли опушки леса, откуда обеспечивалась лучшая видимость для обстрела. Расстояние до танка уменьшилось до 800 метров. Первый выстрел, как мы думали, будет прямым попаданием, и, наверняка, прикончит танк. Прислуга начала готовить орудие к стрельбе.

Хотя после столкновения с батареей танк не двинулся с места, его экипаж был настороже, а командир имел крепкие нервы. Он следил за приближением пушки, не препятствуя ему, так как пока зенитка находилась в движении, она была не опасна. Чем ближе она подходила, тем больше шансов было ее уничтожить. Критический момент для обеих сторон в этом поединке наступил, когда зенитчики начали завершающие приготовления к стрельбе. Немедленная реакция экипажа танка стала обязательной. Пока стрелки в сильнейшем нервном напряжении торопливо готовили орудие, танк развернул башню и открыл огонь первым. Каждый выстрел поражал цель. Тяжело поврежденная зенитка было отброшена в канаву, где ее пришлось бросить. Среди зенитчиков также были жертвы, причем огонь танкового пулемета не давал вытащить ни зенитку, ни трупы.

Неудача второй попытки, на которую возлагались такие надежды, была плохой новостью. С потерей 88 мм орудия был утрачен и оптимизм войск. Солдаты уныло провели день, потребляя консервы, так как к нам не могли поставяться никакие припасы.

Однако, причина для более серьезного беспокойства, была, по крайней мере временно, устранена. Атака русских на Расейня была к этому времени отражена боевой группой фон Зекендорфа, который успешно отстоял высоту 106. Таким образом, была предотвращена опасность, что большая часть советской 2-й танковой дивизии может, окружая нас, зайти в тыл. Оставался только меньший, но очень раздражающий факт - необходимости изгнать танк-чудовище с нашего пути снабжения»²⁷⁴.

Раус добавляет: «Поскольку атаки русских восточнее Расейня на участке фронта полковника фон Зекендорфа к вечеру прекратились, генералу Рейнхардту удалось так расположить части 41-го танкового корпуса, чтобы в дальнейшем окружить и уничтожить советский 3-й механизированный корпус»²⁷⁵.

2-я танковая дивизия окружена

К этой цели, очевидно, были направлены действия 1-й танковой дивизии. О них сообщает Р. Штовес:

«Боевая группа Вестхофена, которая 24 июня при Бейсаголе боролась с наступающими моторизованными частями 3-го советского механизированного корпуса, выступила около 15.30 и, двигаясь на юго-запад, захватила около 23.00 Гринкишкис.

Боевая группа Крюгера перемещалась с 15.00 на юг через Шаукотас – *Баргаляй в район севернее Василишкис. Действовавший в авангарде 1-й батальон 1-го танкового полка смог овладеть Шаукотасом лишь к 19.00. Усиленный 1-й танковый полк вступил около 22.30 в борьбу за Василишкис при слабом сопротивлении противника. Так как экипажи танков через их оптику едва что-то видели, борьбу вели главным образом стрелки 1-го батальона 113 стрелкового полка.

Все передвижения в этот день были бесконечно осложнены из-за дорог, проходящих через глубокие пески или болота. Чтобы направить 1-й танковый полк как можно быстрее на западное

крыло дивизии к Василишкис, где корпус и дивизия ожидали сильнейший удар названной танковой группы противника, при Шаукотасе потребовалось сложное пересечение маршрутов обеих боевых групп. Авангардный взвод 1-го танкового полка около 18.30 перенес свой командный пункт в Шаукотас. Здесь ему пришлось отбить с юга неожиданное нападение противника силою около батальона, поддерживаемого тремя танками. На северном фланге дивизии, по сообщению 2-й разведывательной авиа эскадрильи, происходила выгрузка противника у Радвилишкис^{LXX}. Против него дивизия откомандировала в район севернее Титувенай 4-й разведывательный батальон и для защиты железнодорожного моста через Дубису при Лидувенай 1-й мотоциклетный батальон»²⁷⁶.

Оборону рубежа *Сидеряй, Шиауленай, Гринкишкис организовывали в это время два стрелковых полка и один артиллерийский полк советской 11-й стрелковой дивизии. Остальной состав дивизии из Нарвы еще не прибыл, так как она начала прибывать эшелонами в Литву лишь 22 июня²⁷⁷. Возможно, поэтому, части этой дивизии не смогли в Гринкишкисе оказать серьезного сопротивления боевой группы Вестхофена.

Об окружении 2-й танковой дивизии пишет Осадчий, чья рота отступила за Дубису: «На восточном берегу нас встретил заместитель командира роты по технической части техник-лейтенант Кротович и немедленно организовал заправку прибывших танков горючим и боеприпасами. Меня вызвали к комдиву, у которого были собраны командиры частей и боевых подразделений. Генерал-майор танковых войск Е. Н. Солянкин довел до нас, что противник, не добившись успеха на этом направлении и понеся значительные потери, главными силами обошел дивизию с северо-запада и вышел в тыл. Нам предстояло совершить маневр и нанести удар по врагу с целью обеспечения отвода соединения на новый рубеж. К этому времени в последнем насчитывалось около 30 танков, в том числе 21 танк КВ.

Моя рота двигалась в голове колонны боевых подразделений вслед за дивизионной разведкой... Пройдя около 30 км по лесным дорогам, разведчики вышли на восточную опушку, где столкнулись с прикрытием противника и завязали с ним бой. В нескольких сотнях метров от опушки танковую колонну остановил комдив. Высадил из танков КВ штабных офицеров^{LXXI}. Руководство боем возложил на майора И.П. Рагочего. Своим наблюдательным пунктом командир полка выбрал мой танк, для чего мне пришлось высадить наводчика сержанта Чернышева, а самому занять его место»²⁷⁸. Сам прорыв из окружения, судя по рассказу Осадчего, был отложен до следующего утра.

Бои западнее шоссе на Шяуляй

В 15.40 от генерал-майора Собенникова последовало боевое распоряжение командирам 12-го и 3-го механизированных корпусов:

«[В] *Лиоляй^{LXXII} сто танков противника стоят, по-видимому, без горючего.

[На] фронте Кряжай, Келме – наступление пехоты, конницы, танков [противника]. Частью сил ликвидируйте»²⁷⁹.

Хотя наши части за прошедшие дни уже понесли невосполнимые потери, отдельные отряды 23-й танковой дивизии, ранее передавшей в подчинение 10-й стрелковой дивизии два батальона 144-го танкового полка, контратаковали вместе с подразделениями 90-й стрелковой дивизии, противника в районе Лаукувы. В этом бою отличилась рота 45-го танкового полка старшего лейтенанта Надежкина. Ее пять танков уничтожили 10 бронемашин, 4 противотанковых орудия, 5 мотоциклов и много живой силы врага, не потеряв ни одного своего танка²⁸⁰.

Мотострелковым полком (без первого батальона) и с ротой танков 23-я танковая дивизия атаковала противника в районе м. Кальтиненай. Атака была неудачной, и полк отошел на рубеж *Жиляй, *Радишке, где перешел к обороне²⁸¹.

В районе м. Жаренай от танковых полков 23-й танковой дивизии противник отрезал 23-й гаубичный артиллерийский полк, 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и 2-й батальон 23-го мотострелкового полка, которые ранее распоряжением командира 10-го стрелкового корпуса также были подчинены командиру 10-й стрелковой дивизии.

^{LXX} Здесь выгружалась 11 стрелковая дивизия 65-го стрелкового корпуса.

^{LXXI} Штаб 3-го механизированного корпуса все эти дни находился в расположении 2-й танковой дивизии для руководства ее боевыми действиями, так как остальные части корпуса были переданы 11-й армии (Ротмистров... С. 52).

^{LXXII} Сюда накануне от Пакражантиса свернули части 1-ой танковой дивизии немцев. Поэтому в районе Кряжай, Кельме немецких танков не могло быть.

По немецким источникам «Наступающая на левом фланге 1-го армейского корпуса 11-я пехотная дивизия отбила 24-го и 25-го июня фланговые удары 12-го механизированного корпуса, уничтожив более 70 советских танков, с незначительными собственными потерями»²⁸².

К исходу дня остатки 23-й танковой дивизии сосредоточились в лесах в 10 км севернее местечка Варняй²⁸³.

28-я танковая дивизия, заняв в своем районе круговую оборону, перейти в наступление в этот день вообще не смогла. Она снова оказалась без горючего. Лишь с 19 часов стали подходить бензовозы. В 22 часа Черняховский прибыл в Каркленай к генералу Шестопалову, чтобы лично доложить о готовности дивизии. Командир корпуса перенес начало ее атаки на утро 25 июня²⁸⁴.

Фашисты захватили Плунге

Упомянутая выше оперативная сводка 24.6.41 № 05 к 22.00 констатировала:

«10-й и 11-й стрелковые корпуса с 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны в течение дня удерживали ранее занимаемый рубеж, отражая атаки противника...

Вследствие нерешительности и неактивности командира корпуса [генерал-майора] Шестопалова результатов действий 12-го механизированного корпуса не ощущается... в период 19.00 – 20.00 24.6.41 г. на участке Кражай, Келме фронт прорван. Моторизованная колонна движется на Шауляй»²⁸⁵.

Сведения о прорыве фронта и движении на Шауляй здесь неточны.

По немецким источникам во второй половине дня 21-я пехотная дивизия, наступая примерно в 13 км от Кельме, в труднообозримой из-за кустарника местности, заболоченной притоками Кражанты, снова натолкнулась на противника. Был ли это арьергард 125 стрелковой дивизии или части 202 моторизованной дивизии немцам установить не удалось. Во всяком случае, дивизия намеревалась продвинуться в вечерние часы до высот около Кельме. Ее авангард должен был наступать на Кельме с юга, в то время как западнее должны были атаковать 45-й и 24-й пехотные полки, усиленные артиллерией и саперами²⁸⁶.

Однако, сведения авиаразведки о сосредоточении неподалеку советской 28-й танковой дивизии и, вероятно, о танковом сражении под Расейняем, побудили командование дивизии быть осторожнее:

«Труднообозримая местность, позднее время, усталость частей, а также слухи о предстоящем русском нападении с танками не позволили осуществить этот план. Начало наступления было отложено на 6.00 утра 25 июня. К тому же дивизионные резервы (3-й пехотный полк, 1-й дивизион 21 артиллерийского полка и 1-й дивизион 57 артиллерийского полка) были выведены на шоссе южнее Пакражантиса, чтобы так же, как на участке Юры, благодаря охватывающей атаке с востока разрушить оборону Кражанты»²⁸⁷.

1-я пехотная дивизия немцев, потерпев неудачу в утренней атаке ее авангарда, по словам Рихтера, «вынуждена была организовать общее наступление на противника под Кражаем и юго-восточнее. Атака началась к вечеру. 22-й пехотный полк натолкнулся на очень упорную оборону. Перед 1-м пехотным полком противник также сначала оборонялся, затем частично отступил, оставя лишь в отдельные гнезда сопротивления. Они были подавлены к наступлению темноты, примерно к 21 часу, и атаки дивизии прекратились.

Дальнейшее продвижение было дивизии запрещено также и потому, что положение ее левого фланга оставалось неясным. Недопустимо было оставить его открытым. Поступали многочисленные сообщения о противнике и неприятельских танках. Продвижения 11-й пехотной дивизии не было заметно. Фланг прикрыл 43-й пехотный полк, широко растянувшимся на линии Кражай – южнее Пашиле»²⁸⁸.

Итоги дня на Шауляйско-Расейняйском направлении

Прорывать нашу оборону на рубеже Кражанты немецкой 21-й пехотной дивизии не потребовалось. Оценив реальную обстановку, командующий 8-армии генерал-майор П.П. Собенников в 21.15 отдал приказ № 03 на отход армии на новые позиции. Приказ констатировал, что:

«1. Противник – пехота и мотомеханизированные части при поддержке артиллерии и авиации – в течение 24.6.41 г. развивал наступление на Шауляйском направлении, с особой активностью на фронте Келме, Кражай.

2. Армия, используя систему противотанковых рубежей и широкую сеть заграждений, отходит на рубеж р. Вента, р. *Вентос-Каналас, Радвилишкис и упорной обороной на этом рубеже

обеспечивает сосредоточение 65-го стрелкового корпуса, не допускает дальнейшего продвижения противника на Шяуляйском направлении. Отход закончить к утру 27.6.41 г.»²⁸⁹.

Следуют приказы отдельным воинским частям, в том числе:

«4. 11-му стрелковому корпусу с 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны под прикрытием темноты с боем начать отход на северный берег р. Вентос-Каналас, Радвилишкис, где и закрепиться, имея задачей упорной обороной не допустить прорыва танков противника на северный берег р. Вентос-Каналас. Промежуточный рубеж отхода: оз. *Бержулис, м. Ужвентис, Сидерай...

5. 12-му механизированному корпусу (без 10-го мотоциклетного полка и 202-й моторизованной дивизии) после выполнения ранее поставленной задачи по разгрому наступающей пехоты, танков и мотомеханизированных частей противника (действующих на участке Кряжай, Келме) к утру 26.6.41 г. сосредоточиться в районе *Груджай, (иск.) *Мешкуйчай, *Боричай.

6. 11-й стрелковой дивизии оставить прикрытия на участке фл. *Сулинки, *Давеочай, *Даргужай, Байджемонай; организовав разведку в направлении м. Шавкоты, Пошушве, Байсагола, к 8.00 26.6.41 г. занять оборону по линии *Пошашис, ст. *Линкайчай, оз. Рыли, г. дв. Раубе с задачей не допустить прорыва противника на Радвилишкис.

С занятием обороны перейти в подчинение командира 11-го стрелкового корпуса.

7. 202-й моторизованной дивизии после отхода за р. Вента, оставаясь в резерве командира 11-го стрелкового корпуса, сосредоточиться в районе Покорники, Бриды, Дымши. Быть готовой к действиям в направлениях Куршенай, Бубай, Радвилишкис.

11. Командный пункт штаба 8-й армии с 6.00 25.6.41 г. – Толюоци (10 км северо-западнее Ионишкис)»²⁹⁰.

Рисунок 10. Часть географической карты «Литовская ССР

Бегство жеймяльских коммунистов

Если об отступлении Красной Армии в Жеймялисе не знали, то в Шяуляе партийные работники лучше ориентировались в обстановке. Буйвидайте-Куторгене записывает в этот день: «По литовскому радио непрерывно льются литовские песни, марши и обращения... Снова по радио слышны речи о «всемирном еврействе, теперь объединяющем английскую плутократию с красными бандитами Кремля»»²⁹¹

Что ждет коммунистов, когда в Шяуляй ворвутся немцы, местным активистам компартии было совершенно ясно. Имея связь с Каунасом и слушая радио, они знали, что советская власть там свергнута. Артиллерийская канонада слышалась в Шяуляе все отчетливее. Некоторые из руководителей были родом из Жеймялиса.

Якушок И.: «Примерно в 1932 году Мендель Боярский приобрел автобус и получил разрешение возить пассажиров от Жеймялиса через Крукай до Ионишкиса»²⁹².

Загорский Ф.: «Этот автобус был конфискован за полгода или больше до войны, поскольку у нас установилась советская власть. Начальство: Хаим Глезер, Багинский, он был секретарем. Они имели все время связь с Шяуляем. Они боялись - были активисты. Они

поэтому забрали автобус и удрали на нем. Несколько литовских комсомольцев и еще некоторые уехали этим автобусом».

Якушок И.: «Во вторник вечером они убежали все (Таблица 2). Там был гараж у Багинского деревянный. Въехали в гараж. Там было несколько из Шяуляя: Авремке Багинский, еще несколько шяуляйцев. Потом Меер Якушок, секретарь партии в Жеймялисе, Хаим Глезер, председатель сельсовета. Они сели в автобус. Шофер у них был. И поехали. Для нас это был удар. Партийная организация уже убежала. Значит немцы здесь. И уже не было власти в Жеймялисе. Литовцы начали сразу агитировать против нас. Правда, не убивали никого».

Таблица 2

Евреи-беженцы Жеймялиса 24 июня 1941 года

Глава семьи (фамилия, имя, отчество, возраст)	Сведения об остальных членах семьи	Число лиц
Багинский Авремл Иосифович, 23 лет ²⁹³	Тувье – брат, Эта – сестра, 17 лет ²⁹⁴	3
Глезер Хаим, 47 лет ²⁹⁵	Жена, сын	3
Якушок Меер Файве-Гиршевич, 26 лет ²⁹⁶		1

Остальные участки Северо-Западного фронта

Мы описали события в Жеймялисе и бои на Шяуляйском и Расейняйском направлениях за 24 июня. Так как действия воинских частей связаны с успехами и неудачами соседей, кратко изложим, что произошло там за этот день.

На правом крыле фронта немцы, окружив **Лиепая** вышли к побережью Балтийского моря. Руководил обороной города командир 67-й стрелковой дивизии генерал-майор Н.А. Дедаев, который ставил перед войсками задачу отвлечь на себя как можно больше сил противника. Защитники Лиепая оказали врагу героическое сопротивление, ворваться в город фашистам не удалось. Вечером 24-го июня штаб 18-й немецкой армии сообщил, что несколько частей, наступающих на Елгаву и Ригу, повернуты на Лиепая.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записал 24 июня в дневнике: «Войска группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, наступающей на Либаву), отражали танковые контратаки противника... Несмотря на это, усиленному правому крылу группы армий удалось продвинуться до *Вилкомира. На этом участке русские также сражаются упорно и ожесточенно»²⁹⁷.

Поясним эту запись воспоминания В. С. Антонова, в то время - начальника штаба отдельного мотострелкового полка войск НКВД: «Из всех боев в первые дни войны на территории Литвы мне особенно запомнился бой под Укмерге. Полк занял очередной рубеж обороны на высотах. Местность и боевые порядки полка хорошо просматривались с командного пункта. 24 июня на рассвете начала мотоциклисты, а затем пехота с танками пытались прорваться вдоль шоссе Укмерге – Двинск. закипел бой, продолжавшийся целый день. В этом бою отличились 2-й стрелковый батальон и полковая артиллерийская батарея под командованием Семена Галдина²⁹⁸. Я видел, как артиллеристы прямой наводкой били по танкам. Капитан Галдин переходил от орудия к орудию и, воодушевляя орудийные расчеты, заменял выбывших командиров орудий, сам вел огонь. К вечеру на поле догорало более 20 машин.

С наступлением темноты артиллерийские разведчики пробрались к подбитым фашистским танкам, забрали мундиры и документы с целью опознания действующих частей противника. Они принесли большую схему, на ней боевой путь танковой дивизии был обозначен широкой чертой через всю Европу, с последним походом в Грецию»²⁹⁹.

Обходя узлы сопротивления, передовые отряды немцев на **Укмергском** направлении продвинулись до Утены³⁰⁰

Манштейн писал, что «56 тк уже 24 июня овладел в районе *Вилкомерз большой дорогой, ведущей на Двинск (Даугавпилс). Вклинившись на 170 км в глубину вражеской территории, корпус оставил далеко позади себя не только своих соседей, но и вражеские части, располагавшиеся в пограничной области. Только 130 км отделяли нас от желаемой цели – от мостов через Двину... Наша 290 пд не могла, конечно, выдержать такого темпа. Но так как она следовала за корпусом, это придавало нам некоторую уверенность, и она отвлекала уже на себя большие силы, которые могли напасть на нас с тыла. Но корпус наступал на заветную цель – Двинск (Даугавпилс) обеими

дивизиями, 8 танковой, действовавшей на большом шоссе, и продвигавшейся медленнее по обходным путям южнее шоссе 3-й мотопехотной дивизией.

Обе дивизии в упорных боях частично разбили бросаемые в бой вражеские резервы. 70 вражеских танков (примерно половина всей численности наших танков) и много вражеских батарей остались на дорогах. На сбор пленных у нас оставалось мало времени и сил»³⁰¹.

В этот же день на участке 11-й армии немцы вошли в Каунас, где их встретили цветами «литовские активисты». Части танковой группы Гота вступили в **Вильнюс**.

Свидетельствует Григорий Шур: «Во вторник, 24 июня, на рассвете в город вошли первые немецкие части. За ними следовали мотоциклы, вооруженные пулеметами, по три солдата на каждом. А затем несколько дней и ночей безостановочно, как стальная лавина, катилась через город немецкая армия. Пехота почти вся на автомашинах, большое количество моторизованной артиллерии на гусеничных лентах, с каждой частью следовало значительное число зенитных орудий, приготовленных к стрельбе с ходу. Кавалерии и больших танков было сравнительно мало»³⁰².

Авиация Северо-Западного фронта за три дня боев потеряла 921 самолет³⁰³.

На фоне этих поражений сопротивление защитников Шяуляя представляется героическим.

Приказ об отступлении по всему Северо-Западному фронту

В 22.30 командующий СЗФ Ф.И. Кузнецов отдал приказ об отходе на новые рубежи:

«2. В связи с прорывом противником центра 8-й армии на Шяуляйском направлении и отходом частей 11 армии решил: отвести войска 8-й и 11-й армий на новый рубеж для упорной обороны его, приведения частей в порядок и выделения резервов. Время отхода на новый рубеж – ночь на 25.6.11.

4. 8-й армии (штаб армии – Паневежис) отойти и занять для обороны, организовав противотанковые районы, рубеж *Плателяй, *Телшяй, Шаунаенай, Шиауленай, р. Шушва. Основные направления обороны – Шяуляй, Рига и Паневежис, Двинск. Резервы, помимо выделяемых непосредственно армией, иметь: 23-ю танковую дивизию – в районе Шанимай, 28-ю танковую дивизию и 202-ю моторизованную дивизию – в районе Паневежис»³⁰⁴.

Приказы Собенникова и Кузнецова устанавливали новый рубеж южнее Шяуляя и Радвилишкиса для их «упорной обороны».

Начальник отдела связи штаба Северо-Западного фронта: П. М. Курочкин вспоминал: «Штаб фронта, находясь в районе Паневежиса, оказывался на опасном направлении, почти не прикрытом нашими войсками.

Поздно вечером 24 июня^{LXXIII} начальник штаба фронта приказал мне доложить о состоянии связи в запасных районах. Докладываю, что в районе Рокишкис узел связи и соединительные линии почти готовы, а во втором запасном районе, что восточнее Даугавпилса, практически ничего не сделано...

- Готовьте связь в новом районе, завтра с раннего утра штаб перемещается в район Даугавпилса, - указал генерал Кленов...

Скажу откровенно, такое распоряжение меня ошеломило. Положение создалось крайне тяжелое. Не было ни средств, ни времени для подготовки связи штаба фронта из нового района...»³⁰⁵.

25 июня 1941 года

Ночные передвижения

Начальник инженерных войск В.Ф. Зотов вместе с начальником штаба инженерного управления полковником А. П. Петровым ночью срочно выехали в Даугавпилс. Зотов вспоминает: «Дорога была забита автомашинами, и мы в целях ускорения движения решили проехать через Крустпилс, что в 25 км севернее Даугавпилса, и одновременно осмотреть мост через р. Даугаву у Крустпилса. Мост оказался в хорошем состоянии и охранялся командой саперов. Старший команды саперов лейтенант доложил, что мост заминирован и подготовлен к взрыву. На вопрос, по чьему приказанию будет взрываться мост, он ответил, что мост будет взорван по приказанию командира последней отходящей части или при появлении противника.

В этой сложной обстановке иного решения, видимо, придумать было невозможно»³⁰⁶.

^{LXXIII} В источнике 25 июня, дата явно ошибочная (см. ниже).

В центре фронта 8-й армии советские части, выполняя приказ командующего, покинули рубеж Кражанты и отошли севернее. Продвинувшаяся вперед разведка немецкого 45-го пехотного полка 21-й пехотной дивизии обнаружила их опустевшие позиции. Командир 45-го полка, получив в 4.00 утра это сообщение, немедленно поднял по тревоге свои части и приступил по собственному решению к преследованию в направлении Кельме³⁰⁷.

Чуть позже, 6 утра в северо-восточном направлении выступили 1-й и 22-й полки 1-й пехотной дивизии, которой приказом по корпусу было предписано пробиваться к Шяуляю. В бою предыдущего дня авангардные части дивизии были истощены и поэтому не могли быть поставлены перед пехотными полками. 43-й пехотный полк этой дивизии вообще остался западнее Кражая, прикрывая ее левый фланг³⁰⁸.

Советские войска проходят ночью через Жеймялис

Загорский Ф.: В среду через местечко начали отходить войсковые части. Проезжали с длинными такими стволами орудия. И солдаты. Немного, поскольку у нас не самый главный маршрут. Я не знаю, где они растерялись, что уже через наше местечко тянулись. Все уже упавшие духом.

Якушок И.: «Наши части отступали. Прошли несколько пушек 76 мм и несколько [красноармейцев] с противотанковыми ружьями. Они пришли в Жеймялис ночью, в три часа, шли со стороны Йонишкис, от Линкувы. В Шяуляе уже были немцы^{LXXIV}. Нацменов было много. Малорослые такие солдаты. Они велели открыть кооперативный магазин. Заведующим был Берка Лакунишок. Он дал им продукты. Они скупили все консервы. Очистили весь магазин. И платили, платили. Берка еще хвастался: «Я все продал!». Они ушли в Ригу.

Мы только пошли в магазин и шпроты закупили там^{LXXV}».

Берман Р.: «Да, наши части прошли! С Бауской улица на Линковскую улицу^{LXXVI}. И были, танки. Был шум большой»³⁰⁹.

Танк KB продолжает блокировать боевую группу Рауса

Ночью боевая группа Рауса снова попыталась справиться с нашим танком KB-1, блокировавшим ее путь снабжения. Вот как это описывает Раус:

«Третье решение наших саперов было – взорвать танк ночью с 24 на 25 июня. В своем кругу они радовались, что зенитчики были не в состоянии его уничтожить, это давало шанс отодвинуть

^{LXXIV} Это утверждение ошибочно, так как немцы овладели городом 26 июня. Возможно, 25-го они достигли окраин Шяуляя.

^{LXXV} В воспоминаниях И. Якушка о направлении проходивших частей есть некоторая нестабильность. 30 апреля 1999 г. он говорил, что «они ушли от Риги обратно, отступали. И они ночью прошли на Шауляй. А в Риге уже немцы были».

При повторной встрече 23.апреля 2000 года состоялся такой разговор:

А. Вы говорите, что наши войска, которые прошли в последний день через Жеймялис, отступали от Риги. Но ведь Рига была взята немцами лишь 1 июля?

И. Я думаю, что они отступали от Йонишкис, от Линкувы. Не от Риги. Рига была свободной еще. Они отступали с центральной части Литвы, с Шауляй. Шауляй раньше забрали, 24-го - 25-го.

Если истине соответствует первое утверждение, то, скорее всего, через Жеймялис в ночь с 24 на 25-е июня проходила часть 16-й стрелковой дивизии им. В. И. Киквидзе из состава 65-го стрелкового корпуса, упомянутого в пункте 2 приказа П. П. Собенникова, отданного им 24 июня в 21.15 (см. выше).

Василий Исидорович Киквидзе, чье имя было присвоено 16-й стрелковой дивизии, родился 28 февраля 1895 года в Кутаиси, участник Гражданской войны. В мае 1918 года сформировал в Тамбове дивизию, впоследствии получившую наименование 16-й стрелковой, и был ее командиром. Убит в бою в 1919 г. Вероятно, в составе дивизии было много нацменов, что запомнилось Израилю Якушку.

^{LXXVI} Описываемое Ривой Берман направление движения от Бауска к Линкову, то есть с севера на юг, также позволяет предполагать, что проходили части 16-й стрелковой дивизии.

товарищей на задний план. Когда Лейтенант Гебхардт вызвал двенадцать добровольцев поднять руки, их подняли все 120 человек. Чтобы никого не обидеть, взяли каждого десятого... Лейтенант Гебхардт выступил во главе этой самонадеянной колонны только после наступления темноты. Путь пролегал на восток мимо высоты 123 по малоиспользуемой песчаной дороге к выступающим полосам леса, среди которых располагался танк... Избегая любого шума, который мог бы их обнаружить, босые разведчики подползли к краю дороги и осмотрели танк с ближайших сторон, чтобы выбрать лучший путь подхода.

Русский гигант спокойно стоял на том же месте, его башня была закрыта. Полное спокойствие царствовало далеко вокруг, лишь изредка прерываемое сполохами молний разразившейся неподалеку грозы. Время от времени случайные неприятельские снаряды со свистом проносились к развилке дорог севернее Расейня... Приблизительно к полуночи беспокоящий огонь обеих сторон полностью прекратился.

Внезапно, треск и щелканье послышались в лесу с противоположной стороны дороги. Призрачные фигуры, перешептываясь, двинулись к танку. Последовал легкий стук по башне, люк открылся, и что-то быстро передали внутрь. Судя по мягкости удара при опускании, должно быть, это были свертки с едой. Разведчики немедленно известили обо всем лейтенанта Гебхардта. Его осаждали вопросами, которые произносились шепотом: "Мы атакуем их и возьмем в плен? Кажется, они гражданские лица" Испытание было велико, и, вероятно, легко осуществимо. Но экипаж танка, очевидно, проснулся бы, и такое нападение встревожило бы его, рискуя сорвать всю операцию. Опечаленный лейтенант Гебхардт решил не рисковать. Из-за этого непредвиденного эпизода, потребовалось ждать еще час, пока пришельцы удалились.

Тем временем, танк и его окрестности были обследованы еще более тщательно. В 1.00 начали работать саперы, поскольку танкисты спали, не представляя, что происходит. После того, как к гусенице и бортовой броне танка было прикреплена взрывчатка, патруль отступил и поджег запал. Секунды спустя громкий взрыв рассек ночной воздух. Задание было выполнено, казалось, с решающим успехом.

Не успело стихнуть эхо взрыва, как застрочил пулемет танка. Его очереди многократно прочесывали окрестности, но сам танк не двигался. По-видимому, его гусеница была разрушена. Впрочем, пока пулемет беспорядочно стрелял во всех направлениях, никакое прямое обследование не было возможно. Весьма подавленные лейтенант Гебхардт и его патруль возвратились к предместному укреплению, не слишком уверенные в достигнутом успехе. Следовало также сообщить о пропаже одного человека. Попытки найти его в темноте были бы бесполезными.

Незадолго до рассвета второй, более слабый взрыв послышался со стороны танка, но никто не мог его объяснить. Пулемет танка вновь в течение нескольких минут обстреливал окрестности. Потом все снова стихло... Наступал новый день.

Солнце поднялось еще не слишком высоко, когда босой солдат, неся ботинки через плечо, прошел мимо командного пункта бригады. Ему явно не повезло, что я, командир отряда, первым заметил его и резко окликнул. Поскольку странник озабоченно стоял передо мной, я строго потребовал объяснить его утреннюю прогулку в таком странном виде...

На что молодой сапер, в соответствии с распоряжением, подал мне краткий рапорт:

«Я был наблюдателем и лежал в канаве рядом с русским танком. Когда все было готово, я и командир роты подложили к гусенице танка взрывчатку, которая была вдвое сильнее рекомендованной в инструкции. Я отполз в канаву, и поджег запал. Так как она была достаточно глубокой, чтобы защитить от осколков, я ожидал там результат взрыва. После взрыва танк многократно обстреливал опушку леса и канавы, так что прошло более часа, пока все успокоилось. Я тогда подполз к танку и обследовал его гусеницу в месте взрыва. Лишь половина ее ширины была разрушена. Я не смог найти никаких других повреждений.

Когда я возвратился к сборному пункту, патруль уже отбыл. Ища там свои ботинки, я обнаружил оставленную взрывчатку. Я взял ее, возвратился к танку, босым вскарабкался на него и прикрепил взрывчатку к дулу орудия в надежде, по крайней мере, повредить его. Взрывчатки было мало, чтобы нанести больший ущерб. Я сполз под танк и взорвал взрывчатку.

После этого взрыва танк немедленно обстрелял опушку леса и канаву. Стрельба не прекращалась до рассвета, и только тогда я смог выползти из-под танка. Осмотрев результат взрыва, я увидел, к моему сожалению, что взрывчатка, которую я нашел, была слишком мала. Ствол орудия был лишь слегка поврежден. Вернувшись на сборный пункт, я попробовал надеть ботинки, но об-

наружил, что они слишком малы и не принадлежат мне. Один из моих товарищей, должно быть, одел по ошибке мои ботинки. Именно поэтому я возвратился босиком и так поздно».

Это был рассказ храбреца. Однако, несмотря на его усилия, танк продолжал блокировать дорогу, стреляя и перемещаясь, как если бы ничего не случилось»³¹⁰.

Штаб фронта покидает Паневежис

Рассказывает начальник отдела связи фронта П. М Курочкин:

«С рассветом 25^{LXXVII} июня штаб фронта огромной колонной, более сотни автомашин, выступил из леса восточнее Паневежиса на Крустпилс и далее на Даугавпилс. Вдруг в небе появился вражеский самолет-разведчик. Вскоре он привел шестерку бомбардировщиков. Одна, другая, третья... посыпались фашистские бомбы на нашу колонну. Несколько машин было подбито. Некоторые машины охватило пламенем. Загрохотали зенитки. Движение колонн прекратилось. Люди побежали в сторону от дороги. Это был наглядный урок того, как нельзя перемещать крупные штабы во время войны. После этой бомбардировки я просил разрешения у начальника штаба ехать в Даугавпилс отдельно от колонны, мотивируя это необходимостью скорейшего прибытия в новый район, для руководства подготовкой связи. Разрешение было получено...

В Даугавпилс я приехал на несколько часов раньше штаба, так как ехал по более короткому маршруту и с большей скоростью. В намеченном для расположения штаба районе ничего в отношении связи не было сделано ... Единственным выходом, как я и предполагал, было использовать в качестве узла связи штаба телеграф Даугавпилсской конторы связи. В этой конторе оказалась подготовленной телеграфная станция в подвальном этаже, ее и решили использовать для штаба...

Появилась телеграфная связь с Генеральным штабом, добились установления связи с нашей оперативной группой в Паневежисе и с Ригой, вблизи которой в это время должен был находиться штаб 8-й армии. Во дворе телеграфа развернули полевую радиостанцию, прибывшую из Паневежиса вместе с группой связистов фронтового полка связи. С помощью этой радиостанции мы пытались установить связь со штабом 11-й армии, который должен был находиться где-то восточнее Каунаса, и со штабом 27-й армии, находившемся в пути из Риги на Резекне»³¹¹.

Последние часы героического KB-1

Утром 25 июня боевая группа Рауса все еще не двигалась с места. Он объясняет:

«Боеспособность гарнизона предмостного укрепления подверглась бы серьезной опасности, если бы дорога оставалась заблокированной. К тому же дивизия была бы не в состоянии выполнять свою боевую задачу.

Поэтому в качестве последнего возможного средства я решил осуществить план, могущий повлечь потерю людей, танков и другого оружия в масштабах, которые не могли быть точно предсказаны... Чтобы свести наши потери к минимуму, мы планировали отвлечь внимание русского KB-1 ложной атакой танков майора Шенка и использовать другую 88 мм зенитку для уничтожения чудовища. Окрестности танка хорошо подходили для этой цели, позволяя приблизиться к нему и обеспечивая позицию для наблюдения с высокого лесного холма к востоку от дороги. Так как лес был редким и низким, наш подвижный танк PzKw38ts мог быстро перемещаться по мелколесью во всех направлениях.

Скоро прибыл 65 танковый батальон и начал обстреливать танк KB-1 с трех сторон. Его экипаж явно занервничал. Башня качалась туда-сюда, чтобы попасть в противные мелкие немецкие танки, когда они, стреляя в KB-1, проскальзывали сквозь узкие прогалины в лесу,. Но русские всегда опаздывали: едва немецкий танк показывался, как сразу исчезал. Толстая броня танка KB-1, напоминавшая слоновую кожу, позволяла экипажу не обращать внимания на наши снаряды, но экипаж стремился уничтожить докучливых мучителей, не оставляя дорогу незащищенной.

К счастью для нас, в пылу боя члены русского экипажа упустили из вида безопасность тыла, откуда надвигалась угроза. Зенитка уже заняла позицию позади той, которая было накануне подбита и сброшена в канаву. Мощный ствол нацелился в танк, и вдали прогремел первый выстрел.

^{LXXVII} В источнике 26 июня - дата явно ошибочная (см. ниже). 25-м июня не помечено также ни одного из документов штаба фронта, воспроизводимых в Сборнике 34, что в условиях, описываемых Курочкиным, естественно.

Раненный KB-1 все еще пробовал развернуть башню в тыл, но зенитчики успели до того дать еще два выстрела. Башня перестала вращаться, но танк не был объят пламенем, как мы уверенно ожидали. И хотя он больше не реагировало на наш огонь, казалось, после почти двух дней борьбы, было еще слишком рано верить в успех. Зенитка послала еще четыре бронебойных снаряда в танк. Его орудие, которое было поражено семь или восемь раз, теперь поднялось вверх, а сам танк неподвижно стоял на дороге, будто даже теперь не бросая ее блокаду.

Очевидцы этого захватывающего поединка горели желанием определить эффект их стрельбы. Велико было их удивление, когда они обнаружили, что только два выстрела нашей 88 мм зенитки пробили его броню, а пять остальных лишь оставили глубокие вмятины. Далее мы обнаружили восемь синих пятен, сделанных новыми противотанковыми 50 мм орудиями. Успех саперного патруля состоял в повреждении гусеницы и небольшой вмятине на дуле пушки. От огня 37 мм пушек нашего PzKw38ts не было никаких следов. Подгоняемые любопытством маленькие "Давиды", карабкались на павшего "Голиафа", тщетно пытаясь открыть люк башни. Тянули, толкали, стучали, все безуспешно.

Внезапно дуло пушки снова начало двигаться, и наши солдаты в изумлении рассыпались. Саперы тотчас схватили гранаты и вбросили в пробоины от выстрелов в нижней части башни. Прозвучал глухой взрыв, и крышка люка распахнулась. Внутри танка лежали тела отважных танкистов, которые, видимо, прежде только упали в обморок. Глубоко тронутые их героизмом, мы похоронили мертвых со всеми почестями»³¹².

2-я танковая дивизия идет на прорыв

В трудном положении 25 июня оказались и все остальные подразделения 2-й танковой дивизии. С запада на нее напирала часть 6-й танковой и 269 пехотной дивизий немцев, с севера и северо-востока путь преграждала 1-я танковая и 36-я пехотная дивизии, далее на восток и с юга дивизию обошли части 290-й пехотной дивизии 56-го танкового корпуса Манштейна (Рис. 9).

2-я танковая дивизия имела минимальное количество горючего и боеприпасов. Надежд на помощь извне в сложившейся обстановке не было. На совещании командного состава дивизии было принято решение сформировать в частях ударные группы и самостоятельно пробиться к своим. В прорыве участвовали также бойцы 48-й стрелковой дивизии.

Яркое описание прорыва одной из групп дает Осадчий. Из его танка прорывом руководил командир полка И. П. Рагочий: «На рассвете 25 июня по команде командира дивизии танки двинулись на восточную опушку леса, с ходу развернулись в боевой порядок. С обращенных к нам скатов небольшой возвышенности на удалении 300-350 м орудия врага вели огонь прямой наводкой. Поливая противника огнем, танки смяли его орудия и пулеметные огневые точки, стремительно вырвались в открытое поле, заполненное вражескими танками и другой боевой техникой. Мы вступили в бой с явно превосходящими силами фашистов. По нашим машинам был открыт ураганный огонь из всех видов оружия. В этой обстановке следовало использовать главные достоинства танков: огонь и маневр. На максимальной скорости мы ворвались в боевые порядки врага. Под прицельным огнем одна за другой вспыхивали машины противника, но и гитлеровцы подбивали наши. Лавируя между горящей техникой, поражая фашистов огнем и гусеницами, наши машины прорвались на шоссе на дорогу.

Огонь врага усилился. В результате прямого попадания на моем танке были сбиты антенны и люк командирской башни с перископом, выбита шаровая установка с пулеметом. За машиной стелился шлейф дыма от вспыхнувшего на крыле брезента. Загорелись три танка роты, наступавшей вслед за нами. Пройдя 2 - 3 км, мы освободились от сжимавших нас тисков. Развивая максимальную скорость, наш танк вел непрерывный огонь из пушки и спаренного с ней пулемета. От вражеских снарядов вначале заклинилась башня, а несколькими минутами позже – пушка. Тем не менее, экипаж из боя не вышел. Лишенный средств управления, майор Рагочий помогал заряжающему. Когда снарядом крупного калибра пробило бортовую броню, он был убит, осколками ранило радиста и заряжающего, в башне вспыхнул пожар. Из пробитого бака вытекло горючее, взорвались запалы к гранатам Ф-1. Охваченный пламенем танк, ведя огонь по противнику, продолжал двигаться, пока очередной снаряд не угодил в моторное отделение... С наганами в руках один за другим мы выбрались из горящей машины. Фашисты все еще продолжали вести по ней огонь... Под прикрытием дымовой завесы мы уползли... в лес...

Наш танк оказался единственным, прорвавшимся вглубь расположения противника. Там на «адском поле» откуда мы вырвались, продолжался неравный бой. Часы показывали 8.30. Шел

четвертый день войны. От танковой роты, которая к началу войны насчитывала 57 человек, в том числе 16 офицеров, остались только трое: радист В. Х. Петросян, заряжающий К. И. Сажин и командир роты, автор этих строк»³¹³.

Этот же бой описан в немецких источниках:

«25 июня в 4.30 утра в 5 км южнее Василишкиса началась мощная танковая атака на 2-й батальон 113 стрелкового полка - майора фон Киттеля (Kittel). Ни противотанковые пушки стрелков и истребителей танков, ни орудия танков не могли пробить броню KB-1 и KB-2, впервые появившихся на участке фронта 1-й танковой дивизии. Артиллеристы 3-го дивизиона 73 артиллерийского полка майора Зота (Soth), повернули стволы до горизонтального положения и, стреляя прямой наводкой с открытой позиции, остановили неприятельскую атаку. В 8.20 1-й танковый полк перешел в контратаку. Немецкие танки лишь благодаря скорости и поворотливости, постоянно используя складки местности, смогли, преодолеть сверхтяжелые советские танки, подбираясь к ним с бортов... Благодаря отличной дисциплине стрельбы и хорошей радиосвязи, танковым ротам удалось в тяжелой борьбе отбросить противника на 3 км...

Участник первого боя капитан фон Фалькенберг (Falckenberg), старший в 7-й роте 1-го танкового полка, отметил в дневнике:

«Внезапно появившиеся также и здесь KB-1 и KB-2, 46-тонные танки, были твердым орешком! Огонь, открытый ротой примерно с 800 метров, ничего не дал. Ближе и ближе подкатывали мы к противнику, но он столь же неколебимо двигался навстречу. Дистанция быстро сократилась до 50 – 100 метров. Бешеная стрельба не приносила видимого успеха. Русские танки катили дальше, бронебойные снаряды рикошетировали от них. Неоднократно возникала ошеломляющая ситуация: пройдя сквозь ряды 1-го танкового полка, русские танки накатывались на стрелков и пробились в наш тыл. Танковый полк разворачивался кругом и катил на одном уровне с KB-1 и KB-2. При этом с кратчайшего расстояния в 30 - 60 м удавалось подбивать их специальными снарядами. Контратакой русские силы были отброшены на 3 – 4 км. Затем у Василишкиса была организована оборонительная линия, которая устояла».

В этом сражении 1-й танковый полк, дважды пополнявшийся боеприпасами из подъезжающих грузовиков, подстрелил 18 русских тяжелых танков. 10 тяжелых танков были уничтожены благодаря тому, что танки Pz-II разгромили русскую пехоту сопровождения, танки Pz-III и Pz-IV повредили гусеницы KB-2, и затем стрелки полностью разрушили эти танки связками ручных гранат. Пиротехник Бунцель (Bunzel) (6-я рота 1-го танкового полка) подорвал три KB-1 с пятиметрового расстояния.

Пока для защиты правого фланга и зачистки местности возле *Ляубарай в бой вводились легкие взводы танкового полка (броневики II) и 2-й рота 37-го саперного батальона, 1-й танковый полк в процессе контратаки захватил господствующую *высоту 139 (в километре южнее Ляубарай) и пробился к высотам между *Бурбишкой и *Сокайчай. Полк окопался на гряде холмов, расположенной в пяти километрах восточнее Дубисы и в десяти километрах южнее высоты 139. Пройтись дальше к Дубисе было невозможно из-за нехватки горючего и боеприпасов. Попытки русских прорваться на север из леса, расположенного в километре перед грядой холмов, были отбиты.

Как только была захвачена высота 139, ее атаковала русская пехота, поддержанная многочисленными танками. 2-й батальон майора Киттеля 113-го стрелкового полка, введенный там в бой, был серьезно потеснен. Высоту удержали только при поддержке батарей 73-го артиллерийского полка полковника Хольста (Holste),..стрелявших прямой наводкой»³¹⁴.

В немецких источниках описан еще ряд попыток 2-й танковой дивизии вырваться в этот день из окружения:

«В 6 утра командный пункт 1-й танковой дивизии снова был атакован танками противника. Шаукотас удалось отстоять, введя в бой зенитную батарею и части 37-го противотанкового дивизиона. Для защиты от прорывающихся на север неприятельских частей 1-й мотоциклетный батальон был вызван из Лидуvenай к Шаукотасу. Его 1-я рота осталась в Лидуvenай, так как неприятельские части показывались в разное время перед этим местом...»³¹⁵

Командир 3-го механизированного корпуса, генерал-майор А. В. Куркин, находившийся в штабе 2-й танковой дивизии, донес 25 июня по радио открытым текстом: «Помогите, окружен»³¹⁶.

Немецкий пост подслушивания 31-го авиаполка перехватил в 8:35 слова, видимо, Куркина «Мы полностью окружены, враг накрывает нас огнем гаубиц, я прошу о помощи». Прибывший к этому времени в 6-ю танковую дивизию командир 41-го корпуса генерал Рейнхардт в 9:30 приказал немедленно преследовать слабеющего противника всеми силами дивизии, включая ее штаб. Бое-

вая группа Коля вместе со 114-м стрелковым полком выступила тотчас. Боевая группа Рауса двинулась на *Курмишкяй. 1-я танковая дивизия приблизилась почти на расстояние в 6 км от боевых групп 6-й танковой дивизии³¹⁷.

«К тому времени, когда вызывающий раздражение танк был уничтожен, боевая группа Рауса, усиленная подразделениями 1-ой танковой дивизии, выдвинулась в энергичной атаке по восточному берегу реки Дубиса из своего предмостного укрепления в южном направлении, отрезая путь отступления советской 2-й танковой дивизии»³¹⁸.

Р. Штовес: «Около 10.30 25.6.41 дивизия представляла собой следующую картину: неприятельская атака с юго-западного направления благодаря контратаке группы Крюгера была остановлена. Вторая неприятельская колонна с танками, теснимая 6-ой танковой дивизией, наступала через Жайгинис на Шаукотас. У имения Шаукотас эти неприятельские танки натолкнулись на 1-й роту 83-го зенитного дивизиона, введенную в бой для защиты командного пункта дивизии. Несколько танков и неприятельских кавалеристов осталось здесь лежать, пораженные огнем охраны.

Около 11 часов южнее Шаукотаса снова было обнаружено развертывание неприятельских танков для наступления. Это вынудило генерала Кирхнера вызвать из Гринкишкиса в Шаукотас группу Вестхофена. В Гринкишкисе осталась слабая охрана от 1-го танкового полка, так как 4-й танковый разведывательный отряд не прибыл своевременно на смену из-за плохих дорог. В 12.05 боевая группа выступила на запад, двигаясь по пути прежнего наступления.

В то время как боевая группа Крюгера боролась с глубоко эшелонированным неприятелем, отходящим от Расейня на Василишкис, 6-я танковая дивизия теснила слабеющего противника к Дубисе и через нее. Ее атака захватывала пространство на северо-востоке; однако давление неприятеля на боевую группу Крюгера из-за этого постоянно возрастало. Перехваченное русское радиосообщение свидетельствовало об их сложном положении.

Вскоре после 11.00 1-й мотоциклетный батальон охраны добился успеха в атаке против неприятельской кавалерии и танков. С частями 37-го противотанкового батальона он затем окопался на линии ветряная мельница (Windmühle) – *высота 147 – *Папушинас (Papusinis) и отбил все последующие атаки...

Для марша в обратном направлении боевая группа Вестхофена снова разделилась. Она пересекла при Шаукотасе маршрут боевой группы Крюгера и, прибыв около 14.00 к Шаукотасу, в боевой готовности стала позади 1-го мотоциклетного батальона. Едва занял позиции приданный ей 1-й дивизион 73 артиллерийского полка, как против Шаукотаса разразилось новая неприятельская танковая атака. Объединенным огнем артиллерии, зениток и противотанковых пушек мотоциклистов и 37-го противотанкового дивизиона неприятельские танки были разгромлены. Сопровождающая их пехота подавлена стрелками-мотоциклистами. Боевая группа Вестхофена, имея в авангарде усиленный 1-й батальон 1-го стрелкового полка (со 2-м дивизионом 73-го артиллерийского полка) прорвалась через фронт 1-го мотоциклетного батальона, продвинулась вперед по полю боя на 18 км и в 19.15 захватила переправу через Дубису юго-западнее Жайгиниса. Здесь полковник Вестхофен в 20.20 соединился с частями 6-й танковой дивизии»³¹⁹.

По другим данным: «Боевая группа Коль встретила при *Тавтузе^{LXXXVIII} с соседней дивизией. Болотистая местность сильно препятствовала также русским моторизованным колоннам, так что были захвачены многочисленные танки и автомашины. 6-я танковая дивизия обнаружила около 100 танков, 400 грузовиков, 30 орудий и много других материалов, но сдавшихся в плен было мало. Советские солдаты рассыпались с их легким оружием в лесах, чтобы отыскать место сбора на большем отдалении»³²⁰.

«Снабжение в эти дни могло осуществляться только под защитой танков, так как прорывающиеся на север неприятельские части постоянно блокировали дорогу Лидувенай – Шилува - Шаукотас. Впрочем, перед дивизией рухнули все попытки прорыва советского 3-го механизированного корпуса, прежде всего его 2-й танковой дивизии. Боевые группы могли вечером рапортовать об уничтожении 11 сверхтяжелых и 22 средних танков. 16 средних и 7 тяжелых неприятельских танков уничтожил только 2-й батальон капитана Гроткарста 1-го танкового полка. Многочисленные орудия, противотанковые пушки, грузовики и трактора попали в руки дивизии»³²¹.

^{LXXXVIII} Указание на Тавтузе (Таутушай?) представляется более точным, так как этот населенный пункт окружено болотистыми лесами.

Действия 23-й и 28-й танковых дивизий

В условиях развала системы связи и всеобщего хаоса приказ, отданный накануне в 21.15 Собенниковым на отвод корпуса в район севернее Шяуляя, не дошел вовремя до Шестопалова. И он в 2.50 ночи отдал по 12-му механизированному корпусу боевой приказ на контрудар в направлении Каркленай, Стульгай, Кельме. Начало атаки было назначено для 28-й танковой дивизии на 4.00, для 23-й – на 6.00 25.6.41³²².

Около 6 часов Шестопалов уточнил задачу 23-й танковой дивизии:

«Ударом в направлении м. *Стульги... содействовать в разгроме противника, после чего отходить в направлении *Коркляны, Колайняй и сосредоточиться в перелесках южнее и юго-восточнее Колайняй (5 км юго-западнее м. Ужвенты)»³²³.

Таким образом, танкам опять, как и 23 июня, предстояло наступать без сопровождения пехоты, которая этой ночью отходила на новый рубеж. Реальные действия за 25 июня 23-й танковой дивизии в донесении штаба 12-го механизированного корпуса выглядели так:

«Командир 23-й танковой дивизии в 1 час отдал распоряжение отойти дивизии в район леса севернее м. *Ворни. Район сосредоточения был указан командиром 10-го стрелкового корпуса через командира 10-й стрелковой дивизии.

Во время следования части дивизии подверглись бомбежке с воздуха и артиллерийскому обстрелу. Создавалась угроза выхода противника на дорогу *Тельшай, м. Ворни.

Командир 23-й танковой дивизии в 6 часов изменяет маршрут и район сосредоточения – приказывает дивизии сосредоточиться в лесах западнее *Первоняй.

В 11 часов части дивизии сосредоточились в указанном районе, за исключением части танков, повернувших под угрозой перехвата противником дороги м. Ворни, Тельшай на м. Ужвенты и сосредоточившихся в лесу 3 км севернее местечка.

23-й гаубичный артиллерийский полк и 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион к 23 часам сосредоточились в лесу 2 км южнее м. Тришкяй.

23-й мотострелковый полк, прикрывавший отход, в результате бомбежки с воздуха и артиллерийского обстрела был рассеян и мелкими группами отходил в различных направлениях»³²⁴.

В сущности, дивизия была расчленена: ее артиллерийские части, отрезанные накануне, подались на север к местечку Тришкяй, танки отошли на восток к Ужвентису, командование сосредоточилось в Первоняй, мотострелковый полк вовсе был рассеян. В атаке на Стульгай дивизия не участвовала.

Удар наносила лишь 28-я танковая дивизия. Не получив сведений от 23-й танковой дивизии Орленко, дивизия Черняховского в 5 утра начала выдвигаться из Каркленай в южном направлении, прикрыв свой открытый фланг лишь семью танками роты лейтенанта Литвиненко.

«Танковые полки 28-й танковой дивизии к 10 часам подошли к Пошиле, где попали под огонь артиллерии крупных калибров и под организованный огонь противотанковых орудий»^{LXXIX}.

Часть танков прорвала оборону противника и уничтожила колонну 8-го мотополка противника.

В результате 4-часового боя дивизия потеряла 48 танков. К 15 часам остатки дивизии (около 30 боевых машин, штаб дивизии, разведывательный батальон и остатки 55-го и 56-го танковых полков) сосредоточились в лесу северо-западнее Пошиле.

Всего в результате боев за 25.6.41 г. дивизия потеряла около 84 танков»³²⁵.

Подробности этого боя сообщает Иринархов^{LXXX}:

«Впереди, развернувшись в боевой порядок, двигался 55-й танковый полк майора С.Ф. Онищука.

При подходе к населенному пункту Пашиле на передовые части, не выславшие вперед разведку, неожиданно обрушился огонь вражеских орудий. Увеличив скорость, танкисты смело устремились на врага. Вырвавшись на шоссе Калтиненай – *Крожи, они обрушились на двигавшуюся по

^{LXXIX} По немецким источникам «Наступающая на левом фланге 1-го армейского корпуса 11-я пехотная дивизия отбила 24-го и 25-го июня фланговые удары 12-го механизированного корпуса, уничтожив более 70 советских танков, с незначительными собственными потерями». (Allmayer-Beck. С. 119).

^{LXXX} Биографы Черняховского дают более подробные описания боя под Пашиле, несколько отличные от Иринархова, но итоги боя везде одинаковы (Кузнецов. С.18-23; Шарипов А. А. Черняховский. Повествование о полководце. М. 1971. С. 92 - 97).

нему колонну 8-го мотопехотного полка немцев. Действуя огнем и гусеницами, наши воины уничтожили в этом бою около батальона противника.

Отважно сражались советские танкисты. Загорелся, но не вышел из боя, танк командира 55-го полка майора С.Ф. Онищука. Экипаж предпочел плену смерть в объятый пламенем машине. Героически атаковали врага воины 56-го танкового полка майора Н. И. Герко и разведбатальона майора Швейкина...

Откуда-то из-за леса по нашим танкам прицельно била вражеская противотанковая артиллерия. Немецкая авиация беспрерывно бомбила и обстреливала наши боевые машины...

Танкисты дрались геройски. Но дивизия, не получив поддержки артиллерии и пехоты, соответствующего зенитного прикрытия, имея открытые фланги, несла большие потери от огня вражеской артиллерии... и ударов с воздуха.

Своим мужественным сопротивлением воины 28-й танковой дивизии на какое-то время задержали продвижение частей 41-го моторизованного корпуса вермахта на восток, но заплатили за это дорогую цену. За один день боев дивизия потеряла 84 боевые машины.

В лесу, северо-восточнее Пашиле, собрались все, кто уцелел. После боя в дивизии остались штаб, около 30 танков из 55-го и 56-го полков, арtpолк, отдельный разведбатальон... В боях погибли заместитель командира дивизии батальонный комиссар В. А. Шалаев... майор С. Ф. Онищук, пропал без вести начальник штаба дивизии подполковник Маркелов, а также много других командиров и красноармейцев»³²⁶.

«Обтекая оголившиеся фланги дивизии, противник перекрыл все пути отхода. Черняховский принял решение – прорвать сжимавшееся кольцо и выйти из окружения в северном направлении. В голову колонны комдив выделил семь наиболее боеспособных танковых экипажей 55-го танкового полка. Прикрывал выход отдельный разведывательный батальон майора К. В. Швейкина.

В 16 часов коротким ударом фронт противника был прорван, и дивизия к вечеру сосредоточилась в лесах восточнее местечка Ужвентис»³²⁷.

Немцы без боя вступают в Кельме и двигаются дальше

Альмайер-Бек пишет: «В город Кельме, сильно разрушенный авиацией, авангард 21-й пехотной дивизии вступил в первой половине дня и, пройдя через него, двинулся на север. Противник перед городом не пытался сопротивляться. Напротив, советская 8-я армия, отступая, миновала вторую оборонительную линию, тянувшуюся от Радвилишкиса на запад до нижнего течения Виндавы, оборудованную как вспомогательная, чтобы следовать дальше по этой реке. Отступление прикрывала красная авиация. Первую половину дня цепи неприятельских бомбардировщиков атаковали марширующие колонны 21-й дивизии. Прямое попадание бомбы во 2-й батальон 3-го пехотного полка вызвало чувствительные потери. Но и нашим летчикам в непосредственной близости от наступающей колонны поджечь удалось и сбить четыре бомбардировщика «Мартин».

24-й и 45-й пехотные полки двигались вслед за авангардом севернее Кельме. В это время маршевый эшелон 3-го пехотного полка, усиленный 1-м дивизионом 21-го артиллерийского полка, свернул от Кельме на переправу через Дубису у Саудининкай. Полк должен был держать ее открытой для находящейся на другом берегу 1-й танковой дивизии, поскольку танковое сражение под Расейняем медленно подходило к концу. 21-я пехотная дивизия получила приказ, пробиваясь примерно в 20 км южнее Шяуляя, наступать на Радвилишкис»³²⁸.

Удар, нанесенный нашей 28-й танковой дивизией 1-му армейскому корпусу немцев, не прошел для него бесследно.

Рихтер сообщает: «22-й и 1-й пехотные полки уже далеко перешагнули шоссе Кельме – Вайгува, когда лишь около 16.45 смог выступить 43-й пехотный полк, который целый день должен был отражать танковые атаки противника, и таким образом было обеспечивать прикрытие левого фланга дивизии»³²⁹.

Альмайер-Бек продолжает: «Корпус, чей левый фланг был атакован частями 12-го механизированного корпуса, опасался, что приближение 21-й пехотной дивизии к Радвилишкису, сделает его слишком слабым для наступления на главном направлении на Шяуляй. Поэтому корпус получил согласие командования 18 армии наступать на Радвилишкис только авангардами 1-й и 21-й пехотных дивизий. Усиленная группа 24-го пехотного полка и основные части 21-й пехотной дивизии должны были западнее болота *Теруаль наступать прямо на Шяуляй. В целом этот план выполнить не удалось, так как авангард 1-й пехотной дивизии в первой половине дня был атакован советскими танками. 21-я пехотная дивизия так и осталась разделенной на 2 ударных клина»³³⁰.

Опережая отступающие советские войска, был эвакуирован в Псков Шяуляйский гарнизонный госпиталь № 291, где врачи^{LXXXI} сразу приступили к лечению большого числа прибывших раненых³³¹.

На остальных участках фронта Северо-Западного фронта

Подробно рассмотрев обстановку на Шяуляйском направлении, кратко, как и за предыдущие дни, опишем ситуацию на остальных участках СЗФ.

Продолжалась героическая **оборона Лиепай**. Журнал боевых действий группы армий «Север» за 25 июня констатировал: «Наступление 291-й пехотной дивизии в районе Лиепай было приостановлено ввиду сильного сопротивления противника, поддерживаемого огнем стационарных батарей»³³². Утром этого дня погиб самоотверженный организатор обороны города генерал майор Н.А. Дедаев, равного которому в городе не нашлось.

На **Даугавпилсском** направлении стремительно несясь по шоссе Каунас - Даугавпилс 56-й моторизованный корпус Манштейна. Его передовые части к вечеру 25 июня пересекли всю Литву, отойдя от государственной границы на 180 км, достигли Зарасая и отрезали путь на восток беженцам из южной половины Литвы.

«В этой обстановке командующий войсками фронта Ф. И. Кузнецов 25 июня получил директиву Ставки организовать силами отходящих войск, резервами и соединениями второго эшелона фронта оборону рубежа реки Даугавы от ее устья до Краславы. Решением Ставки из состава войск Московского военного округа к рубежу реки Даугавы спешно выдвигался 21-й механизированный корпус^{LXXXII}... Однако эти мероприятия уже не успевали за быстро меняющейся обстановкой.

Во исполнение директивы Ставки на Даугавпилсское направление перебрасывалось из Риги полевое управление 27-й армии. До его прибытия для организации обороны Даугавпилса был направлен помощник командующего войсками фронта генерал-лейтенант С. Д. Акимов. Ему было приказано из всех оказавшихся по тем или иным причинам в городе воинских частей, подразделений и отдельных бойцов, а также местных жителей, спешно создать боевые отряды и группы и не допустить немцев в Даугавпилс»³³³.

Вот как описывает действия 21-го механизированного корпуса его командир Герой Советского Союза генерал-майор Д. Д. Лелюшенко:

«25 июня корпус получил задачу выдвинуться в район Даугавпилса, занять оборону и не допускать форсирования противником Западной Двины на участке станция Ницгале, Краслава...

Выполняя боевой приказ, 46-я и 42-я танковые дивизии в 12 часов выслали в направлении Даугавпилса разведывательные отряды, а вслед за ними в 14 часов передовые отряды. Командирами передовых отрядов были назначены командиры полков: в 46-й танковой дивизии – майор Кузьменко Н. Н, а в 42-й танковой дивизии – майор Горяинов А. М. Оба офицера были решительными и обладали хорошими знаниями. В 16 часов 25 июня выступили и главные силы дивизий.

С началом марша войска корпуса стали подвергаться бомбовым ударам вражеской авиации, что в значительной мере снизило темпы их движения»³³⁴.

О том, что творилось в Даугавпилсе, пишет местный историк Иосиф Рочко:

«Многие евреи явно не знали, что делать. Особенно тяжело было старым и больным. М. Антоколь получил совет от своего отца: "Беги, сынок. Советы уничтожают нас морально, а нацисты – физически. Молодым надо бежать, для молодых главное – это жизнь, а для старых – душа"

25 июня айзсарг ворвался в квартиру Гирша Фиша с требованием отдать золото. Кузнец Цодик Каплан с семьей уже находился на вокзале, вспомнил о чем-то забытом и вернулся домой.

^{LXXXI} «Хирургическую работу возглавлял военврач 2-го ранга К. К. Гольдгаммер (потом доктор медицинских наук)... Благодаря умелому руководству начальника госпиталя военврача 3-го ранга А. Л. Розенберга и приданной группы военных врачей в операционной и перевязочных работало одновременно до 20 врачей» (Шамашкин. С. 241).

^{LXXXII} 21-й механизированный корпус Московского военного округа сформирован в апреле 1941 г. на базе 185-й стрелковой дивизии, 24-й танковой бригады и особой кавалерийской бригады. Корпус состоял из 42-й и 46-й танковых дивизий, 185-й мотострелковой дивизии и других частей. Он располагал 98 танками БТ-7 и Т-26. В конце апреля 1941 г. дивизии были выведены в лагеря: 42-я и 185-я в район Идрицы, 46-я – в район опочки (Д. Д. Лелюшенко. Боевые действия 21-го механизированного корпуса в начальный период Великой Отечественной войны (Воспоминания) // ВИЖ. 1959 №12. С. 54).

Сосед лопатой убил его... Безвластие этих дней было опасным для евреев. А. Канолик обратил внимание, что 25 и 26 утром на улицах города появились вооруженные люди. Это были бывшие полицейские и айзсарги, которые пытались навести порядок. "Пошел вон, жидовская морда. Через два часа будет поздно", - дали ему совет новые стражи порядка. А. Канолик забежал в подвал дома на улице Виестура, где сидели испуганные евреи. "Уходите!" – закричал еврейский паренек. Многие последовали за ним по ул. Шоссейной в сторону Резекне»³³⁵.

«Дорога из Даугавпилса в Резекне по Шоссейной улице (ныне ул. 18. Новембра) была запружена убегающими людьми, среди которых были и евреи. Уже рвались бомбы в центре города. В парке... были рассыпаны листовки, призывающие горожан оставаться на местах. Немецкая авиация на бреющем полете открыла огонь по убегающим горожанам в районе Старых Строп. "Люди прятались во ржи, в подвалах близлежащих домов. Произошла авария двух машин. Первая – увозила раненых советских бойцов, на второй – ехали бойцы для защиты города. Всюду были слышны крики испуганных, бегущих и раненых людей. Около озера Губище, что рядом с еврейским кладбищем, валялись убитые красноармейцы, опрокинутый танк, обгоревшие танкисты, лошади..." (воспоминания И. Недведцкой). Евреи говорили, что надо добраться до поселка Вишек, там сядут на поезд...»³³⁶.

П. М. Курочкин продолжает рассказ о деятельности командования фронта:

«К вечеру в Даугавпилс прибыл Военный совет и штаб фронта^{LXXXIII}. Весь руководящий состав собрался у телеграфа. Все ждали сведений, информации о положении дел на фронте, а сведения поступали очень скудные. От оперативной группы из Паневежиса получили данные о том, что немецко-фашистские войска стремительно продвигаются к Западной Двине в направлении на Даугавпилс. Как бы в подтверждение этому сообщению противник начал обстреливать город, его передовые части вплотную подошли к левому берегу Западной Двины.

Командующий генерал-полковник Кузнецов дал команду: «По машинам!» Спешно погрузились в машины. Я хотел узнать, куда едет штаб. Командующий ответил: «Следовать за мной. Я в пути дам указания». Предупреждаю группу связистов полка, - следовать по дороге на Резекне. Дежурному по связи даю указание передать в Рокишкис майору Звенигородскому и в Паневежис полковнику Семенихину со всеми средствами связи пробиваться через Крустпилс на Резекне. С собой беру одну автомобильную радиостанцию, строго-настрого приказываю начальнику станции и шоферам не отставать от моей машины.

Время не ждет. Противник обстреливает город. Наконец машина командующего тронулась в путь, остальные - за ней. Непроглядная ночь. Фарами пользоваться запрещено. Идем с небольшой скоростью. Проехали километров 35 и остановились. Командующий решил разместить штаб фронта в лесу, в 3-4 км вправо и влево от шоссе, и сам стал указывать – какому управлению в какой части леса располагаться. Я доложил начальнику штаба, что нельзя здесь располагать штаб, так как совершенно нет никаких средств связи. Пробую убедить в том, что целесообразно расположить штаб в районе крупного узла гражданской связи – в Резекне, что для этого надо проехать еще 50-60 км. Там будет хоть какая-нибудь возможность установить связь с войсками. К сожалению, мои соображения не были приняты во внимание. Штаб продолжает устраиваться в лесу.

Радиостанция не отстала от меня ни на шаг. Остальная группа связистов задержалась с демонтажем аппаратуры в Даугавпилсе и еще не подошла. Таким образом, получилось, что все средства связи штаба Северо-Западного фронта в этот момент состояли из одной автомобильной радиостанции (11-АК). Вдруг я увидел в лесу линию проводной связи... Включились в линию и установили, что линия связывает дом лесника с телефонной станцией Боровая, через которую можно связаться с узлом связи Резекне, а через него - с Москвой... Я, обрадованный, бегу к командующему и докладываю, что установлена телефонная связь с Москвой, с кабинетом начальника Генерального штаба.

Командующий далеко не разделял мою радость. Он проворчал: «Что толку в вашей связи с Москвой, сейчас потребуют доклада о положении войск, а что докладывать? Связи нет ни с одной армией, что делают войска – не знаем, идите, разговаривайте сами с Москвой... Вы с армиями обеспечьте связь, это меня больше всего интересует».

^{LXXXIII} Курочкин ошибочно датирует прибытие Военного совета в Даугавпилс 26 июня. Это могло произойти только 25 июня, так как в первой половине дня 26 июня город был занят немцами (см. ниже).

В ответ на это я доложил командующему, что при данном расположении штаба фронта и почти полном отсутствии полевых средств связи нельзя установить связь со штабами армий и просил его немедленно дать указание о перемещении штаба фронта в Резекне, мотивируя тем, что оттуда удобнее использовать для нужд штаба гражданскую связь.

Командующий согласился на перемещение штаба в Резекне»³³⁷.

На **Каунасском** направлении 16-му стрелковому корпусу 11 армии было приказано наступать, чтобы отбить у врага Каунас. Наступление и завязавшиеся бои окончилось окружением нашей 5-й стрелковой дивизии и отступлением 23-й и 33-й стрелковых дивизий. Враг овладел Ионавой.

Контрудар 126-й стрелковой дивизии под **Вильнюсом** также не принес успеха³³⁸.

Немецкие части заняли Тельшяй и Кедайнай.

Мнения историков

Мнения историков о боевых действиях Северо-Западного фронта за этот день, расходятся.

Наиболее критичен Шапталов: «У... 8-ой армии день 25 июня был отмечен управленческой неразберихой. В то время когда ее стрелковые части отходили на указанные в приказе рубежи, 12-й мехкорпус, не имея связи со штабом армии и фронта, начал очередную атаку. Лишь во второй половине дня танковые дивизии получили приказ на отход, после чего командир корпуса потерял с ними связь до 27 июня. Отход армий фронта превратился в повсеместное отступление, если не бегство»³³⁹.

Менее категоричен Бешанов, отмечающий поражение лишь 11-й армии: «25 июня войска фронта, ведя арьергардные бои, отходили на указанные рубежи. Однако, разбитые части 11-й армии оказались не в состоянии на них закрепиться и продолжали откатываться к Западной Двине»³⁴⁰.

Иринархов наиболее конкретен: «В ночь на 25 июня войска Северо-Западного фронта продолжали отход на восток. Разрозненные части и соединения заняли оборону на рубеже Тельшяй, Кельме, Кедайнай, Ионава, река Вилия...

Стойко держалась на своих рубежах 9-я противотанковая артиллерийская бригада, отбивая все вражеские атаки. Во второй половине дня ее положение сильно осложнилось... Артиллерийские полки бригады понесли большие потери (только в 636 полку вышло из строя 10 орудий), кончились боеприпасы, люди устали от бомбежек и непрерывных боев.

Вечером по приказу штаба 8-й армии бригада начала отход к Шяуляю, а 202 моторизованная дивизия – к Риге»³⁴¹.

Интересна оценка обстановки, данная 25 июня генерал-полковником Ф. Гальдером:

«... русские решили в пограничной полосе вести решающие бои и отходят лишь на отдельных участках фронта, где их вынуждает к этому сильный натиск наших наступающих войск.

Это, например, подтверждается действиями противника на фронте группы армий «Север».... Ясно лишь, что 3-й танковый корпус противника, с самого начала находившийся в этом районе, разбит танковым корпусом Рейнхардта, и что танковый корпус Манштейна настолько далеко продвинулся на восток, что вынудил русских начать отход за Западную Двину.

Противник организованно отходит, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к Западной Двине на участке между Ригой и Екабпилсом»³⁴².

Евреи Жеймялиса в смятении

Вернемся в Жеймялис.

Утреннее сообщение Советского Информбюро хотя и было чуть менее лживым, чем в предыдущие дни, но явно неутешительным:

«В течение 24 июня противник продолжал развивать наступление на Шяуляйском, Каунасском, Гродненско-Волковысском... направлениях, встречая упорное сопротивление войск Красной Армии.

Все атаки противника на Шяуляйском направлении были отбиты с большими для него потерями. Контрударами наших механизированных соединений на этом направлении разгромлены танковые части противника и полностью уничтожен мотополк»³⁴³.

Но жеймяльцы жадно слушали радио на всех известных им языках. Вот что еще запомнилось им об этом дне:

Якушок М.: «Первые 4 дня ждали, что русские пойдут назад^{LXXXIV}»³⁴⁴.

Загорский Ф.: «У нас в 1939 - 40 годах из Польши приехали беженцы. Они были эвакуированы в Жеймялис. Польская была молодежь. Их общество нанимало какую-то большую комнату. Они в ней жили. Они на меня очень страх нагоняли, рассказывали, что немцы издеваются над молодыми, заставляют работать, не дают кушать. Что немцы убьют, я конечно не думал. Но они возьмут на работы, пошлют куда-то. А у меня есть сестра в Москве. Я подумал: "Поеду на время к сестре, доеду до Москвы, там побуду, потом вернусь"»³⁴⁵.

О польских беженцах, быстро покинувших Линкуву, вспомнил и Лео Каган:

«В Линкуве, еще до прихода русских, в январе 1940 г. появились польские беженцы. Они были из Гродно, Белостока, откуда-то из-под Вильно. Человек 12 – 15 молодых крепких парней. Они определенно бежали от немцев. Мы звали их халуцим (пионеры). Они готовились к отъезду в Палестину, работали у моего отца на хуторе. Жили они комунной. Снимали комнаты и жили в них по три - пять человек.

Один из них женился на местной девушке. В Линкуве жила семья Беккер, тоже, между прочим, из Жеймель. Две сестры - Ханке и Бейлке. Отца звали Мейше Беккер. Ханке была красавица. Один из этих польских халуцим как раз на ней и женился.

Они исчезли в первые дни войны, после того, как немцы вторглись в Литву. Куда, не имею понятия. Я больше никого из них никогда не видел, не встречал нигде».

Лео Каган продолжает:

«Новость об убийстве Шлосбергов поразила нас. Постепенно она просочилась повсеместно. Из Шавля в Линкуву в это время приехал мой кузен Мендельсон. Он предложил мне: "Эй, Лейбке, давай возьмем лошадь с телегой и поедем на похороны Шлосбергов". И он же рассказал мне, что в лесу уже полно литовцев-партизан с ружьями. А в Линкуве еще так спокойно! - неправдоподобно спокойно! На улицах пусто, но мы заметили, что за нами следят из-за занавесок. И мы почувствовали себя не очень уютно. Тут мы увидели двух русских солдат. Оборванные, голодные. Посмотрели на нас и спрашивают: "Кто вы такие? Куда идете?" Я говорю: "Я хочу служить в русской армии. Разрешите нам пойти с вами". Я же 1922 года рождения, а это был призывной год. Они привели нас в полицейский участок.

Но там нам сказали: "Дороги так опасны! Зачем вам рисковать?"

Я взял лошадь с телегой и вернулся на хутор. А Ихильке Мендельсон встретил в Линкуве двух русских рабочих. С ними он пошел на станцию, и они уехали в Россию. Как-то, в конце концов, добрались»³⁴⁶.

Вернемся в Жеймялис

Якушок И.: «В среду брат пришел, Моше. Он сказал родителям:

- Нечего здесь делать. Нечего сидеть здесь больше. Мы должны бежать. Немцы недалеко. Уже, говорят, что в Йонишкис^{LXXXV}.

Папа возражал:

- Что ты! Куда ты поедешь?

Мы послушали радио. Всегда подслушивали. Раввин Шнайдер хорошо знал немецкий язык. Жена его, Зелда, была немка.

Моше и я говорили:

- Надо ехать, надо ехать!

Мама хотела ехать, папа не хотел. Говорил:

- Мы прожили в 1915 году, когда были казаки^{LXXXVI}. Поедем в деревню к Балчунасу. Дождемся, когда пройдут войска и все будет в порядке.

Потом мама пошла советоваться к Нише Загорскому. Вернулась, и мы решили ехать.

^{LXXXIV} То есть русские погонят немцев назад – А.Х. Моше Якушок, родившийся в Жеймелях в 1914 году, - старший брат Израиля Якушка.

^{LXXXV} Немцы вошли в Йонишкис лишь 27 июня.

^{LXXXVI} О казаках в Жеймялисе – см. Хаеш А. И. Выселение евреев из Литвы весной 1915 года (на примере местечка Жеймели) // Материалы Седьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. Академическая серия. Выпуск 6. М., 2000. С. 129.

Она сказала Моте^{LXXXVII}.

- Иди и бери у Ниши мешок муки

Он имел мучной магазин. Каждую среду или четверг покупали у него муку. Еще купили 10 кг сахара. Мама сразу спекла халы. У нас были две лошади, и мы собирались.

Потом всей хеврой пошли по местечку к людям, кто имел лошадей. Мой брат Моше, сестра Бася, я и брат Хаимке. Еще несколько. Молодежь. Мы нажимали. Знали, что в Германии евреев презирают. И мы начали агитировать:

- Давайте убегайте отсюда! Мы знаем, что немцы делают в Германии с евреями. Немцы убьют нас всех!

Мы ходили к Исраелю Гелу. Он был против [отъезда]. Говорил, что они в России голодали. Он вернулся из России в 1921 году. Говорил:

- Куда вы едете! Мама моя в 1919 году продала все золото и вещи за полкилограмма муки. Там вы умрете с голода!

Было еще много евреев, которые убежали из Шяуляя, из Таураге, из Кельме. Они прибежали в Жеймялис. Жили в синагоге. Спали там только несколько дней. И они тоже агитировали, чтобы бежать отсюда. Особенно, которые были из Таураге. Это на границе с Германией. И они тоже агитировали, здорово агитировали, чтобы бежать. Беженцы, проходившие через Жеймялис, тоже говорили, что оставаться очень опасно».

Берман Р.: «Когда началась война, мы все видели, как люди побежали с Шяуляя и других мест. У папы была лошадь. Мы начали загружать на телегу все, что у нас было. Мы, дети, были молодые, мало обращали внимания на войну. А папа и мама ходили, говорили с людьми. Родители были в большом напряжении. Думали, как быть: уехать, не уехать. У нас уже было все погружено на телегу за несколько дней раньше того. Мы ждали, что будет, уехать или остаться. Потом, наконец, решили, чтобы ехать».

Берман З.: «В наше местечко Жеймели приехали беженцы, из мест которые были ближе к немецким границам. Приехало много евреев. И когда приехали, мы их приняли. У нас дома жило несколько семей. И в других домах они были.

Уже становилось очень беспокойно. Не знали, что делать, как быть. Потом несколько семей решили, что мы уезжаем отсюда.

Тогда к нам пришла одна женщина, пожилая, работавшая у мамы. Сказала:

- Ходка, зачем ты едешь? Куда ты едешь? Твои дети еще маленькие. Они ни во что не вмешались. Чего ты боишься?

Мама ответила:

- Брат едет, сестра едет, так мы тоже едем»

26 июня 1941 года

Этот день стал рубежом, стал поворотным пунктом как в истории еврейской общины Жеймялиса, так и военных действий на территории Литвы.

26 июня Жеймялис навсегда покинули наиболее дальновидные евреи со своими семьями. Они уже никогда не вернутся в него жить и не объединятся в общину. Для оставшихся евреев начался отсчет последних 43 дней жизни.

В этот же день армии Северо-Западного фронта прекратили организованную оборону территории Литвы, и, по приказу командования, начали общий по всему фронту отход в Латвию, стремясь закрепиться на северном берегу Даугавы.

Описание дня начнем с происходившего на фронте.

Падение Даугавпилса

8-я армия отходила к Риге. Отрезанная от нее 11-я армия, неся огромные потери, с тяжелыми боями пробивалась по лесным дорогам в Полоцком направлении. «Но на место разбитой 11-й армии выдвигалась 27-я армия генерала Н. Э Берзарина, охранявшая до того побережье Прибалтики. Кроме того, к Даугаве из резерва Ставки перебрасывался 5-й воздушно-десантный корпус и 21-й механизированный корпус (98 танков и 129 орудий)»³⁴⁷. Однако управление 27 армии еще на-

^{LXXXVII} Мотя (Мордехай) Якушок – отец семейства.

ходилось в пути и не могло организовать оборону Даугавпилса. Не успевал к городу и 21-й механизированный корпус Лелюшенко.

Враг воспользовался брешью между 8-й и 11-й армиями. Его танки и мотопехота устремились к городу. Достигший накануне Зарасая командующий 8-й танковой дивизией 56-го корпуса немцев «генерал Бранденбергер» выслал в ночь на 26 июня по шоссе в направлении Даугавпилса передовой отряд с заданием захватить город. Вместе с передовым отрядом к Даугаве было заброшено подразделение особого назначения из диверсионного полка «Бранденбург».

Солдаты и офицеры особого подразделения были одеты в форму советских войск НКВД и вооружены винтовками, пистолетами и пулеметами советского образца. Офицеры и часть солдат владели русским языком... Смешавшись с отходящими подразделениями советских войск, выдавая себя за раненых красноармейцев, диверсанты перешли на северный берег Даугавы. Группа состояла из 60 человек и имела задание завладеть мостами через Даугаву и держать их до подхода передовых частей немецких войск. Операция носила кодовое название «Дюнабург».

Ранним утром в 05.15 одновременно к начальникам караула шоссе и железнодорожного моста явились соответственно капитан и старший лейтенант войск НКВД и заявили, что командование армии распорядилось заменить охрану мостов. Оба представили соответствующие письменные распоряжения за подписью начальника штаба 11-й армии. Документы были поддельными. Попытки начальников караула проверить по телефону правильность распоряжений результатов не дали, так как линии связи были диверсантами предварительно перерезаны. Начальник караула шоссе, деморализованный паническими слухами и беспорядочным отступлением накануне через мост огромного количества войск и беженцев, с чувством облегчения сдал охрану моста и начал со своей командой отход по шоссе в направлении на Резекне. В караульной книге осталась подпись командира войск НКВД о приеме охраны моста. Подпись была неразборчивой.

Начальник караула железнодорожного моста не согласился без распоряжения своего непосредственного начальника передать охрану моста. На это старший лейтенант со знаками различия войск НКВД заявил: «Мне, как представителю органов, предоставлено право расстреливать на месте должностных лиц, отказывающихся выполнять распоряжения командования. Вы что, не признаете воинскую дисциплину?» Почти под угрозой оружия прежний караул был посажен в эшелон, идущий на Псков, и отправлен в тыл.

Возле моста произошел инцидент.

В то время как прибывший в форме войск НКВД отряд отстранял от поста караульную команду, у начальника саперной команды, приданной охране железнодорожного моста, младшего лейтенанта инженерных войск Осокина, возникло серьезное подозрение относительно законности происходящего. Так как младшему лейтенанту, так же как и начальнику караула, не удалось связаться по телефону со штабом, он решил действовать самостоятельно. Младший лейтенант спрыгнул в свое укрытие в 40 метрах от караульного помещения у железнодорожной насыпи, и включил электрические детонаторы взрывных патронов.

В результате произошел один взрыв. Провода, ведущие к остальным запалам, были уже перерезаны солдатами особой группы. В результате взрыва была разрушена одна несущая балка и 3,8 метра рельсового пути, взрывом контузило также одного унтер-офицера полка «Бранденбург», который поблизости от места взрыва перерезал провода.

В завязавшейся перестрелке младший лейтенант Осокин был ранен, взят в плен и отправлен с подходом немецких войск в лагерь для военнопленных...

После овладения мостами обе группы немедленно связались по радио с частями подходившей 8-й танковой дивизии, передав в эфир условный сигнал о захвате мостов. Движение по мостам не задерживали, но не допустили к автодорожному мосту саперов арьергардной дивизии, которым комдив отдал приказ заминировать мост и с приближением противника взорвать его. Капитан со знаками различия войск НКВД заявил, что он получил из штаба армии приказ сохранить мост в целостности в соответствии с нуждами готовящегося контрнаступления, о котором командир дивизии в известность не поставлен. Когда капитан саперов попытался выяснить положение, связь со штабом дивизии уже прервалась и восстановить ее не удалось. Через мост на северный берег шел непрерывный поток повозок, автомашин и людей. Кроме военных, идущих как группами, так и в одиночку, в тыл уходило и много гражданских лиц, главным образом партийных и советских активистов из северных уездов Литовской ССР, которым удалось спастись от подходивших немецких войск и буржуазно-националистических банд шаулистов.

Над мостом кружили немецкие самолеты-разведчики. Отдельные группы бомбардировщиков и истребителей атаковали движущиеся по шоссе перед мостом и за мостом колонны, с явной целью вызвать панику. Мост не бомбили. На шоссе на мосту время от времени возникали пробки, из-за чего на южном берегу Даугавы осталось множество повозок, а также автомашин, с которыми было трудно перебраться через мост. Подходившие сзади сталкивали оставленные на дороге транспортные средства в кювет.

В 10.30 движение по мосту прекратилось. Бегом прошли с южного берега еще отдельные военные и группа гражданских лиц с узлами и велосипедами... в 10.43 на мост беспрепятственно въехал танк головного дозора немцев...

Через полчаса после прохождения передового танкового батальона через мост на северный берег проехал командир немецкого авангарда. Начальник караула со знаками отличия капитана войск НКВД приветствовал полковника на выезде с моста. Полковник остановил свой «хорьх» с открытым верхом, вышел из машины и пожал начальнику караула руку со словами:

- Поздравляю с Железным крестом первой степени, капитан!

К этому времени Даугавпилс, где не было советского военного гарнизона, уже находился под контролем немецких войск. Местами вспыхивало спорадическое сопротивление разрозненных групп, но оно быстро подавлялось превосходящими силами. Спустя несколько часов на место прибыли подразделения мотопехоты, приступившие к созданию предмостного укрепления»³⁴⁸.

Манштейн подтверждает этот рассказ: «26 июня утром 8 тд подошла к Двинску (Даугавпилс). В 8 часов утра, будучи в ее штабе, я получил донесение о том, что оба больших моста через Двину в наших руках. Бой шел за город, расположенный на том берегу. Большой мост, абсолютно не поврежденный, попал в наши руки. Посты, которые должны были поджечь огнепроводный шнур, были схвачены у подходов к мосту. Железнодорожный мост был только легко поврежден небольшим взрывом, но остался пригоден для движения»³⁴⁹.

Подводя общие итоги пути, пройденного за эти дни, Манштейн писал: «...мы преодолели сопротивление противника, проделав 300 км (по прямой) в непрерывном рейде. Успех, вряд ли возможный, если бы все командиры и солдаты не были охвачены одной целью – Двинск – и если бы мы не были согласны пойти на большой риск ради достижения этой цели. Теперь мы испытывали чувство большого удовлетворения, проезжая через огромные мосты в город, большую часть которого противник, к сожалению, предал огню. Наш успех не был к тому же достигнут ценой больших жертв.

Конечно, положение корпуса, одиноко стоящего на северном берегу Двины, никак нельзя было считать безопасным. 41 тк и правый фланг 16 армии находились в 100 - 150 км сзади. Между ними и нами находилось много советских корпусов, отступавших на Двину»³⁵⁰.

Последние часы 2-й танковой дивизии

На участке между Расейняем и Василишкис немецкие танки в это утро завершили разгром 2-й танковой дивизии. Р. Штовес пишет: «Ночью на 26 июня под Шауленай для защиты северного фланга 41-го моторизованного корпуса прибыла 36-я моторизованная дивизия. Этой же ночью подвергались нападению обе боевые группы 1-й танковой дивизии – группа Крюгера у Сокайчяй, группа Вестхофена у Жайгиниса.

Ранним утром группа Крюгера была вновь атакована большими силами неприятеля. Тяжелые танки наступали несколькими волнами снова и снова, и им частично удалось прорвать оборону, осуществляемую с открытых позиций, прежде всего, артиллерией. Орудия расположились на высотах между танками, выведенными на передовую.

Около 4.00 1-й танковый полк и 1-й батальон 113 стрелкового полка перешли в контратаку. Неприятельские силы, противостоящие боевой группе Крюгера, были полностью уничтожены, и в 8.38 1-й танковый полк подполковника Коппа у Сокайчяй сомкнулся с 6-й танковой дивизией. Трофеями стали многие пушки и танки, брошенные в лесах. Боевая группа уничтожила, наряду со многими легкими танками, 50 средних и тяжелых броневиков. 2-й батальон 1-го танкового полка расстрелял 8 средних и 9 тяжелых и сверхтяжелых танков»³⁵¹.

П. П. Ротмистров так описывает события этого дня: «26 июня группа фашистских танков с десантом автоматчиков на броне совершила внезапное нападение с тыла на штаб дивизии и управление 3-го механизированного корпуса, располагавшего всего одним мотоциклетным полком. В завязавшемся жестоком бою мы потеряли многих боевых товарищей. Погиб и комдив генерал Е. Н. Солянкин.

Бой продолжался до заката солнца. В наступивших сумерках мы отошли в глубину леса, а затем – в расположение частей 2-й танковой дивизии, имевшей не более десятка танков, да и то с пустыми баками. Значительная часть боевых машин была потеряна в бою под Скаудвиле или выведена из строя самими танкистами после того, как они израсходовали горючее и расстреляли все снаряды.

В дивизии я по приказанию генерала Куркина собрал собрание оставшегося в живых состава частей и штабов... Командир корпуса объявил, что мы находимся в окружении и принято решение прорываться на восток. Он приказал привести в полную негодность танки, оставшиеся без горючего, предварительно сняв с них пулеметы, распределить по подразделениям стрелковое вооружение, патроны и гранаты, принять меры по перевозке тяжелораненых и больных.

Времени для этого оставалось в обрез, поскольку июньская ночь коротка, а к утру мы должны были во что бы то ни стало пересечь шоссе на Даугавпилс севернее Каунаса и углубиться в леса»³⁵². Группа генерала А. В. Куркина затем около двух месяцев шла на восток по лесам Белоруссии и Северной Брянщины и вышла из окружения.

6-я танковая дивизия немцев в этот день медленно подвигалась на северо-восток: «Чтобы достичь Двины, боевая группа Коль выступила 26 июня в 13:30. Сопrotивление противника отсутствовало, но выступление частей, расположенных на поле сражения около Россиен растянулось на целый день»³⁵³.

Подводя итоги, Р. Штовес пишет:

«Таким образом, 41-й моторизованный корпус в жесткой борьбе с упорно сражающимся противником разбил между Расейняем и Василишкис его 3-й механизированный корпус, 2-ю танковую и 48-ю стрелковую дивизии. Хотя русское командование самое позднее 26 июня знало об окружении, их части не капитулировали...

Встретившиеся заново русские танки далеко превосходили наши в части бронирования и вооружения. Если на участке корпуса было уничтожены свыше 200 танков противника, то это результат, во-первых, удачного введения в бой 88 мм зениток и артиллерии. Во-вторых, наши танки имели лучшую оптику и радиосвязь, были быстрее и поворотливее, чем их противник. Только благодаря этому они пока превосходили в бою тяжелые русские танки.

Советский солдат сражался цепко, выносливо и ожесточенно. Он был мастером в использовании местности, быстром окапывании и маскировке. При отступлении он показал осмотрительность и твердость, своих павших в большинстве случаев забирая с собой»³⁵⁴.

«После сражения корпус рапортовал об уничтожении или захвате более 200 танков, в том числе 29 КВ, 150 пушек, сотен тракторов и грузовиков. Немцы позже установили, что многие советские КВ не стреляли из пушек не потому, что израсходовали горючее и боеприпасы, а так как не имели прицелов на пушках. Их командиры получили приказ громить врага, давая гусеницами немецкие танки и сопровождающую пехоту»³⁵⁵.

П. П. Полубояров докладывал: «3-й механизированный корпус (Куркин) погиб весь... Выведено пока и уже собрано до 400 человек остатков, вышедших из окружения, [из состава] 2-й танковой дивизии (Солянкин) и один танк БТ-7»³⁵⁶.

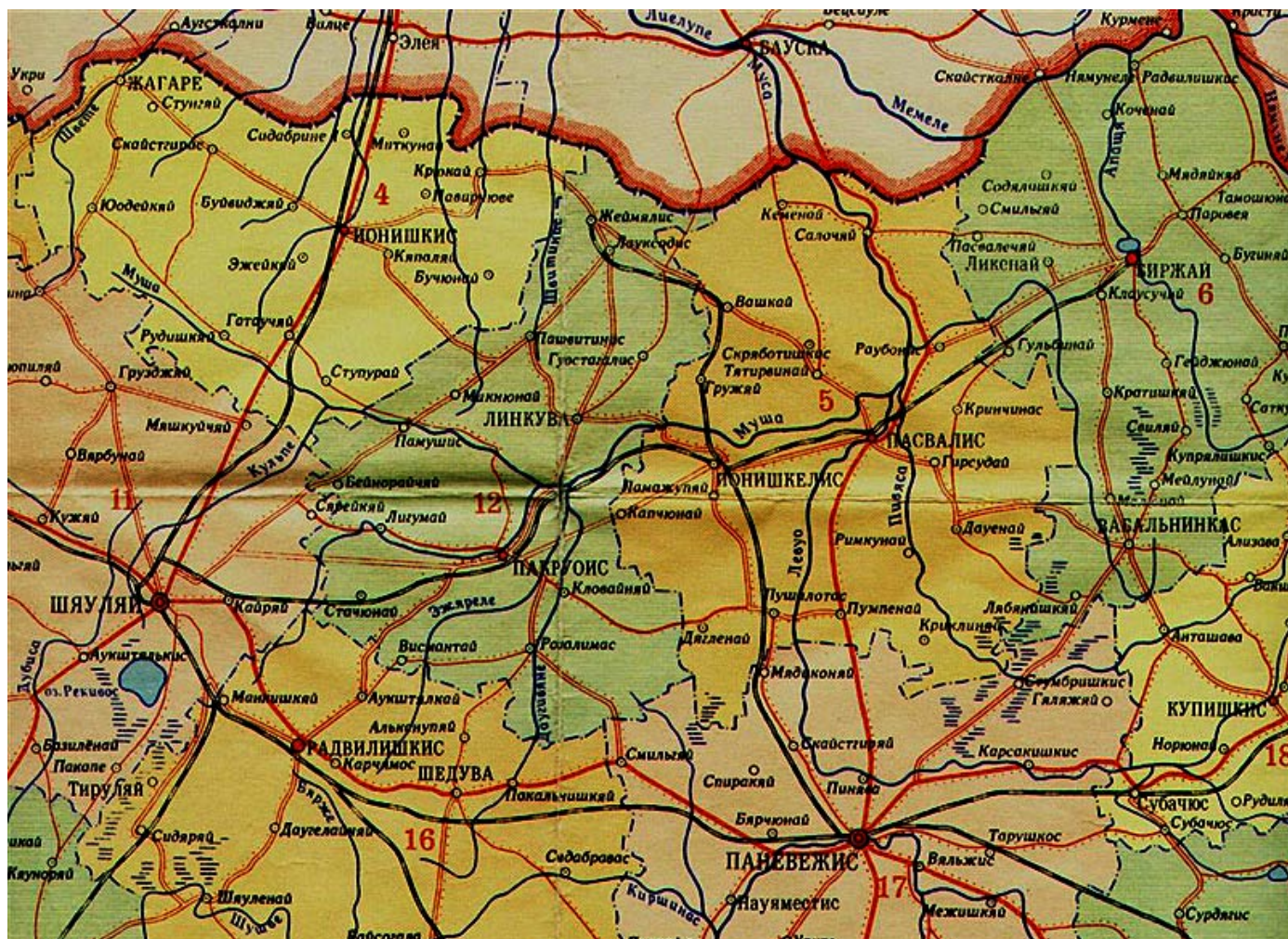

Рисунок 11. Часть географической карты «Литовская ССР

Действительно, кроме группы генерала А. В. Куркина, были другие группы из состава дивизии, вырвавшиеся из окружения. Осадчий пишет, что на опушке леса повстречал лесника, показавшего спасшимся членам экипажа его танка наиболее короткую и безопасную дорогу. К вечеру они «встретили колонну автомашин, на одной из которых в кузове находился политрук соседней роты М. А. Вольхин с группой танкистов. Путь продолжали с уцелевшими танкистами нашей дивизии... К нам присоединились еще несколько десятков танкистов, в том числе командир комендантского взвода лейтенант Иван Тетерский с Боевым Знаменем полка»³⁵⁷. Эта группа в составе 320 танкистов с боями вышла к Риге.

Попытки вернуть Даугавпилс

Командующий фронтом Ф. И. Кузнецов, утром 26 июня находившийся на пути в Резекне, не имел связи с командующим 8-й армией генералом Собенниковым и поэтому он обратился к нему через генерала Сафорова, находившегося в Риге. Следуя указанию Ставки, Кузнецов направил следующее боевое распоряжение:

«Рига, генералу Сафонову

Немцы в 9 часов 40 минут заняли Двинск и распространяются на северо-восток и северо-запад.

Данных о положении 11-й армии нет.

Приказываю передать Собенникову, используя все для этого средства, следующее:

1) отойти и организовать оборону по р. Лиелупе, *Виесите, Екабпилс. Крепко прикрывать Рижское направление, особенно прочно обеспечить свой левый фланг Виесите, Екабпилс;

2) всеми мерами обеспечьте выход 12-го механизированного корпуса из окружения и направьте его в район *Иецава. По выходе 2-й танковой дивизии, отвести ее за свой левый фланг – Екабпилс;

3) штаб армии иметь в Рембате;

4) генералу Сафронову доложить мое решение Народному комиссару обороны и просить утвердить»³⁵⁸.

Днем 26 июня в район северо-западнее Даугавпилса прибыли подразделения 5-го воздушно-десантного корпуса под командованием полковника И. С. Безуглова³⁵⁹. С его помощью группой С. Д. Акимов был предпринят попытка вернуть город. «Развернулась ожесточенная борьба. Около трех тысяч наших воинов без танков и по сути дела без артиллерии (было всего 6 орудий) вели неравный бой. Отдельным группам на время удалось ворваться в город. Уличные бои упорно навязывали врагу остатки двух полков 84-й мотострелковой дивизии во главе с тяжело раненым в этих боях заместителем командира дивизии полковником Г. А. Белоусовым. Своим бесстрашием увлекал бойцов начальник 4-го отделения штаба дивизии техник-интендант II ранга П.П. Гаврилов.

Геройски сражались воины 41-го мотострелкового полка под командованием отважного майора И. И. Улитина. Но сил не хватило. Железнодорожный узел был оставлен нашими войсками»³⁶⁰.

«Основной причиной этого явилось отсутствие у десантников пушек и слабое прикрытие с воздуха. Десантники вообще не предназначены для ведения такого рода боев, тяжелое вооружение им не положено по штату»³⁶¹.

Генерал-лейтенант С. Д. Акимов докладывал командующему фронтом: «Согласно Вашему личному указанию организовал наступление для овладения городом Даугавпилсом. Наступление захлебнулось. Отдельные взводы и отделения проникли в город с северной и северо-западной окраин, но подведенными резервами противника были отброшены. Противник применял огонь автоматического оружия и крупнокалиберных пулеметов, использовал танки как неподвижные огневые точки, вел стрельбу из окон домов, чердаков, с деревьев. В результате трехчасового боя наши части были отброшены. Причины неудач и успехов заключаются в отсутствии с нашей стороны танков, в недостаточном количестве артиллерии (всего 6 орудий) и слабом прикрытии авиацией с воздуха»³⁶².

Ф. Гальдер 26 июня записал в дневнике: «18.15 – Передача подтвердившихся донесений фюреру: в 8.00 8-я танковая дивизия ворвалась в Двинск, а в 12.50 после упорного уличного боя овладела городом (железнодорожный и шоссе мосты заняты)»³⁶³.

Немцы захватывают Паневежис

3. Штовес: «Около 10 часов 26 июня поступил приказ, по которому 1-я танковая дивизия, после упорядочения и пополнения ее воинских частей, должна была наступая двумя маршевыми колоннами, продолжить продвижение к Двине:

Боевая группа Крюгера через Василишкис и Крекенаву на Упиту

Боевая группа Вестхофена через Шаукотас – Бейсаголу на Поневеж.

Дневная цель – отрезок реки Юоды южнее Поневежа.

Около 14.30 как авангард группы Крюгера выступил 1-й танковый полк, около 15.00 - группа Вестхофена. К 23.45 они юго-западнее Поневежа захватили отрезок Юоды. Усиленный 1-й батальон 113 стрелкового полка (и 6 рота 1-го танкового полка), сломив незначительное сопротивление противника, ворвались в город. К счастью, здесь был обнаружен в целости большой склад горючего, благодаря чему боевые группы могли снова заправиться. Из-за плохих дорог и нескольких поврежденных мостов едва ли было бы возможно в эти дни получить горючее иным путем.

37-й саперный батальон очистил аэродром около Поневежа от мин, сброшенных немецкой авиацией. При этом 1-я рота батальона понесла первые тяжелые потери, так как использованные здесь мины были отряду неизвестны. Подтянувшийся 1-й мотоциклетный батальон, вступил ночью в Поневеж и принял на себя охрану аэродрома, а позднее и всего города»³⁶⁴.

8-я армия оставляет Литву

Противник рвался к Даугаве. Наши войска несли огромные потери. Несмотря на принимаемые меры, отвод соединений армии происходил в очень тяжелых условиях»³⁶⁵.

«Обладая большей подвижностью, соединения вермахта устремились в разрывы между оборонительными рубежами советских войск. Вражеский 26-й армейский корпус начал обходить правый фланг 10-го стрелкового корпуса. 1-й армейский корпус, оттеснив части 11-й стрелковой дивизии, начал продвигаться к Западной Двине. Создавалась угроза полного окружения соединений 8-й армии на ее левом берегу»³⁶⁶.

Немецкая пехота, «продвигаясь за бронетанковыми соединениями, уничтожала попавшие в окружение части Северо-Западного фронта, обеспечивая и поддерживая с флангов и тыла свои подвижные войска. При столкновении с частями Красной Армии, как правило, открытого боя не принимала, а сразу пыталась обойти обороняющиеся части с флангов и сомкнуть кольцо окружения. Такая тактика приносила успех немцам»³⁶⁷.

Собенников уже не требовал разгромить противника от наших танковых дивизий, почти потерявших боеспособность. 12-му механизированному корпусу ставилась ограниченная задача: «короткими ударами уничтожать немецкие танки, поддерживая нашу пехоту. Обеспечить левый фланг и тыл армии от прорыва [противника]»³⁶⁸. Части корпуса отходили в указанные им районы сосредоточения севернее Шяуляя, то есть в обороне города практически не участвовали.

В 6.25 командир корпуса Шестопалов, наконец, получил и довел до частей боевым распоряжением № 10³⁶⁹ приказ П.П. Собенникова № 03 отданной 24 июня в 21.15, по которому 28-я танковая дивизия должна была к утру 26 июня сосредоточиться в лесах южнее Грузджия. Выйти в свой район к указанному времени дивизии не удалось. Все дороги оказались забитыми пехотой, артиллерией, конным и автотранспортом других соединений армии³⁷⁰.

23-я танковая дивизия была переподчинена командиру 10-го стрелкового корпуса.

«В 8 часов командиром 10-го стрелкового корпуса 23-й танковой дивизии была поставлена задача, придать танки 23-й танковой дивизии 204-му и 62-му стрелковым полкам для сдерживания наступления противника на местечко Тришкяй и обеспечения отхода и перегруппировки наших частей.

В 13 часов под прикрытием артиллерийского и минометного огня противник повел наступление на местечко Тришкяй.

23-й гаубичный артиллерийский полк и 23-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, израсходовав все снаряды, были отведены в район местечка Папиле. Танковые батальоны 23-й танковой дивизии после неоднократных атак, потеряв от 30 до 40% материальной части, уничтожив один батальон мотоциклистов, были отведены в леса юго-восточнее местечка Куршенай»³⁷¹.

21-я пехотная дивизия немцев захватывает Шяуляй.

Авангард 21-й пехотной дивизии немцев натолкнулся во второй половине дня юго-западнее Радвилишкис на части 11-й стрелковой дивизии, закрепившиеся на оборудованных позициях, которые смог прорвать, лишь преодолев их упорно сопротивление. Напротив, левая атакующая колонна 21-й дивизии (1-я и 14-я роты 3-го пехотного полка и 2-я рота 21-го саперного батальона) под командованием старшего лейтенанта Шютце (Schütze) достигла окраины Шяуляя без серьезных столкновений. Командир колонны сообщил в штаб дивизии, что военный аэродром на юго-востоке города находится в полном сохранности. После этого был поднят по тревоге отдыхавший 3-й пехотный полк. Он ускоренным маршем приблизился к городу и сразу атаковал его вместе с 1-м и 3-м батальонами³⁷².

1-й пехотной дивизии на 26 июня корпусом было приказано наступать до Вентос-Канала у Бубя и западнее его и форсировать канал. Идущие впереди полки на пути не сталкивались ни с каким сопротивлением. Поэтому им было приказано немедленно наступать на Шяуляй, который 1-м пехотным полком был достигнут к 23.00»³⁷³. Впрочем, к этому времени в городе уже находились части 21-й пехотной дивизии немцев.

Узник Шяуляйского гетто Лейба Липшиц пишет: «Немцы обошли сопротивление и 26 июня в 17 часов вступили в Шяуляй со стороны Паневежиса – Радвилишкиса. Все бывшие в городе евреи очутились в ловушке»³⁷⁴.

По немецким данным, до наступления вечера Шяуляй был в жесткой борьбе защищен от противника. Вступившим в город ротам ночь принесла еще несколько кризисов. Советские части, отводимые на север и восток, прежде всего, отступающие перед 1-й пехотной дивизией, также находящейся на подходе к Шяуляю, снова и снова в течение ночи насакивали на немецкий заслон, и в отчаянных атаках пытались его прорвать.

Напротив, Арунас Бубнис, ссылаясь на служебное письмо административного отдела Шяуляйской городской управы, сообщает, что «Дислоцированные в Шяуляй красноармейские части отступили без особого сопротивления. При взятии города погибли четыре немецких солдата, 11 литовских партизан и 51 человек из гражданского населения»³⁷⁵

Хотя отступающим удалось взорвать очень значительный запас горючего, 40 частично готовых к взлету машин, находившихся на аэродроме, попали в руки атакующих³⁷⁶.

Наши части оставили Радвилишкис и Шедуву³⁷⁷.

Для нашей узкой темы интересно:

«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. О ПОРЯДКЕ ОТХОДА ВОЙСК АРМИИ»³⁷⁸

Командирам 10-го, 11-го стрелковых и 12-го механизированного корпусов.

С наступлением темноты, оставив прикрывающие части, главными силами продолжать отход большими переходами:

10-му стрелковому корпусу — ось [движения] Папиле, Митава;

11-му стрелковому корпусу — Шяуляй, Бауск;

65-му стрелковому корпусу — *Лягумай, Линкува, мыза *Цераукасте;

202-й моторизованной дивизии — Бауск;

12-му механизированному корпусу — Майжене.

[Командующий 8-й армией генерал-майор] Собенников

20.30 26.6.41 г.»

Распоряжение показывает, что на пути противника к Жеймялису в этот день находился 65-й стрелковый корпус, так как Жеймялис - следующее за Линкувой местечко на пути из Лигумая в Латвию. В этот корпус входила упомянутая 16-я стрелковая дивизия им. В.И. Киквидзе.

На правом фланге 8-й армии продолжалась героическая **оборона Лиепайи**, но положение защитников города становилось критическим. 291-я пехотная дивизия врага и подошедшая ей на помощь 207-я охранная дивизия возобновили атаки на город. Вечером был получен приказ штаба фронта, перебазировать гарнизон защитников города в Вентспилс и там вместе со 114-м полком 67-го стрелковой дивизии создать новый оборонный рубеж³⁷⁹.

Жеймялис покидают наиболее дальновидные из евреев

Якушок И.: «Израель Гел агитировал, чтобы не ехать. И часть не поехали: Азриель Бурштейн, Гутл Юделевич, Абрам Флейшман, Виленчики, Эрлих, Янкелевич, которые могли уехать, кроме того, они могли купить лошадей и уехать.

У всех были лошади. У Мана была лошадь, у Гела лошадь, у Тоше была лошадь. У Флейшмана были лошади, у Якушков, у Лакунишков были. У Каган не было лошади, потому что отец их умер. У Бурштейна не было лошади.

У Лейзера Хаеша были лошади, не одна - две-три лошади. Я помню, что мы в этот день побежали к сестре Басе, помочь ей запаковаться. Она жила в доме Хаеша. Запаковали все. А Лейзер закрылся дома:

- Я старик, я то, я се... - это мне рассказывала Бася. Она знала много.

Илья Хаеш, сын Лейзера, так объяснял его позицию: «Отец, видимо, потому не выехал из Жеймель вместе со всеми другими беженцами в четверг 26 июня, что он постоянно вел дела с немцами и считал их порядочными людьми. Он, вероятно, не верил в возможность такого развития событий. Ведь в Литве не было объективной информации о немцах, какая была у нас до 1939 года, до заключения договора с Германией. А после заключения договора и вхождения Литвы в состав СССР и вообще очень уменьшилась антифашистская пропаганда»³⁸⁰.

Загорский Ф.: «Если бы Лейзер Хаеш был энергичнее, моложе!^{LXXXVIII} Он имел лошадей и мог запрячь и уехать, но он этого не сделал, и не он один, а сотни таких.

Некоторые имели лошадей, ломовики. А другие не имели. Были такие, что загрузили, упаковали себе телегу. А потом: "А, черт с ним!" - несли обратно в дом. Остались. Авром Табак был запакован, Абе Бедер тоже. И не поехали»³⁸¹.

Якушок И.: «Собрались тогда многие, но в последние минуты отпрягли лошадей и сказали:

^{LXXXVIII} Лейзеру Хаешу было уже 74 года, и он плохо видел.

- Мы переживем».

Загорский Ф.: «Я звал мать. Может быть, она не хотела идти. Ей было около 75 лет. Я сказал, что я ухожу, что не могу здесь оставаться. Она сказала:

- Где я пойду? Ты же скоро вернешься?

- Конечно, вернусь. Через месяц-полтора я приеду.

Она сказала:

- Ну, езжай, что же».

Из этих воспоминаний отчетливо видно: многие пожилые евреи в Жеймялисе, особенно мужчины, были против эвакуации^{LXXXIX}.

Якушок И.: «Вечером в четверг 26 июня в 5 часов мы нагрузили телеги и начали выходить из Жеймялиса. Там есть река Даугава. Надо эту реку пройти, самое основное. Отец сказал:

- Реку пройдем - все, немцы нас не догонят, большая река».

Якушок М.: «Мы во Вторую Мировую войну уехали на велосипедах и пешком».

Берман Р.: «И мы уехали. Выехали на улицу Вашкай, проехали этот мост. А наши там родственники остались: папин брат Беньомин Берман и его семья».

Загорский Ф.: «Мы пошли обозом. В нем были: Мейше Лекунишок, Моте Якушок, Мейер Ман, Матес Лекунишок, Гиршке Лепар. У Мейера Мана была сестра в Свердловске. Он к ней тянулся. А вторая сестра и отец остались в Жеймялисе. Мейер остался жив и потом мне рассказывал, как его ругала сестра, почему он папу и сестру не взял с собой. Он сказал:

- Они не ехали!».

Я перечислю беженцев: семья [Мотл] Якушок - он, дочка с мужем, трое сыновей, еще один был в армии; Файве-Гирша - это его имя, он [Якушок] с женой, их замужний сын Цемах с женой и свекровью, старухой, потом второй сын с женой и маленькой девочкой, примерно пять-десять месяцев, и еще два сына, всего четверо сыновей. Лакунишок - он, старик с женой, его сын с женой и два-три брата маленьких.

Потом много еще ушли, потерялись [после войны]: две девушки, бабы теперь. Они в Вильнюсе жили. Они моего возраста, может 2-3 года разницы. Фамилия их была Зингер, но теперь они все вышли замуж. Их не найдешь. Была еще одна Милюнская, она умерла. Потом польские беженцы, девочки, мальчики. Все евреи. Все ушли в четверг.

Вышло примерно четыре-пять подвод. Но за ними шла масса пеших. Они держались около подвод Я вместе с ними. Только два мальчика латыши. Они были комсомольцы. Когда немцы наступали, они побоялись остаться и бежали с нами. Вместе с детьми в обозе было человек пятьдесят^{XC} [Таблица 3].

Мы поехали на *Шалоше, потом Биржай».

Якушок И.: «Кроме нас [жеймяльцев] было еще 250 человек - с Шяуляй, с Таураге, с Юрбаракас, которые убежали оттуда и были в Жеймялисе. Но, когда мы начали двигаться, они пошли с нами.

Мы ушли всей семьей, отец ушел, и мать ушла. С нами ушли Лакунишок, Каро, еще несколько семейств. А литовцы сидели довольные: "Жида бегут!"

Таблица 3

^{LXXXIX} «Ко всему сказанному следует добавить, что многие евреи верили своему жизненному опыту, а не радио, книгам и газетам. В представлении многих немцы были такими, какими они их знали по Первой мировой войне. Из всех режимов времен Гражданской войны, в оценке евреев, немецкий был одним из наиболее толерантных в отношении евреев. Это не означает, что немецкие оккупационные власти в 1918 году не были замечены в антисемитизме. Вовсе нет. Имели место даже убийства евреев. Но масштабы этого были значительно меньшими, чем со стороны петлюровских, белогвардейских и большевистских властей» (С. Швейбиш. «Эвакуация и советские евреи в годы Катастрфы». Вестник еврейского университета в Москве. №2(9). М., 1995. С. 48).

^{XC} Состав беженцев отчасти подтверждает Гирш Кремер: «Из местечка успели в начале войны бежать две еврейские семьи: семья Лакунишок Лейзер, его жена и дети и Якушок Мордхе и Файве-Гирш с их семьями, успели эвакуироваться в Советский Союз» (Архив института Яд-Вашем. Фонд Конюховского. Опись 71. Дело 107).

Беженцы Жеймялиса 26 июня 1941 года

Глава семьи (фамилия, имя, отчество, возраст)	Сведения об остальных членах семьи	Число лиц
Берман Израель Меирович, 43 года ³⁸²	Жена - Ходка Иосифовна Берман (урожд. Якушок); дети: Залман, 19 лет; Ривка, 17 лет; Лейба, 14 лет	5
Загорский Файвл Йосифович, 31 год		1
Зингер Бася, около 30 лет	Сестра Хана, около 30 лет	2
Каро Янкель Авраамович, 49 лет ³⁸³	Жена - Шейна Иосифовна (урожденная Якушок), 48 лет ³⁸⁴ ; дочь Хана, 12 лет ³⁸⁵	3
Кремер Гирш Матитьягу-Яковлевич, 36 лет ³⁸⁶		1
Лакунишок Лейба Мошевич, 27 лет ³⁸⁷	Жена - Бася Мордуховна (урожденная Якушок), 25 лет ³⁸⁸	2
Лакунишок Матес Мошевич, [29 лет] ³⁸⁹		1
Лакунишок: Моше Элиезерович, 61 лет ³⁹⁰	Жена - Добра Менделевна, 59 лет; дети: Бер, 23 лет; Хаим, 25 лет; Ешуа 22 лет ³⁹¹ ; Израель 19 лет ³⁹²	6
Лепар Гирша Хаимович 34 ³⁹³		1
Ман Мейер-Янкель, 33 лет ³⁹⁴	Жена - Матя Хаимовна (урожденная Лепар), 28 лет ³⁹⁵ , дети: Эстер-Рейза, 3 года; Сора-Зисля (Софья), 1 год ³⁹⁶	3
Милюнская Ревекка Бенцелевна, 33 лет ³⁹⁷		1
Флейшман Авраам (50-55 лет) ³⁹⁸	Жена – Мина около 37 лет ³⁹⁹ ; дети: Рашель 18 лет; Натан 17 лет	(4 верну-лись)
Шер Нафтали ⁴⁰⁰	Жена Зелда (урожденная Лакунишок, 30 лет ⁴⁰¹ , дети: Элиезер 5 лет; Михаэль 3 лет ⁴⁰²	4
Шнайдер Арье-Лейб ⁴⁰³ раввин	Жена Матильда (Зелда); дети: двое 2-3 лет	(4 верну-лись)
Якушок Мотл (Мордехай) Иосифович, 65 лет ⁴⁰⁴	Жена - Фейга Якушок (урожденная Жвидгаль), 59 лет ⁴⁰⁵ ; дети: Моше, [28 лет] ⁴⁰⁶ ; Израиль, 19 лет; Хаим	5
Якушок Мотл (Мордехай) Файве-Гиршевич, 28 ⁴⁰⁷	Жена - Ита Якушок, (урожденная Прухне); Шуламит - дочь, 1 месяц	3
Якушок Файве-Гирша Меерович, 73 лет ⁴⁰⁸	Жена - Нехам (Сима) Вульфовна, 66 лет ⁴⁰⁹ ; сын Цемах, 36 лет с женой и ее матерью ⁴¹⁰ ; сыновья Файве-Гирша: Меер (Мейка), 26 лет; Ефраим (Фройка), 31 года ⁴¹¹	2
Два мальчика, латыши - комсомольцы		2
	Итого, не считая вернувшихся	42
	Из них евреев	40

Когда мы прошли деревню, где жил хозяин нашего дома, литовец Балчунас, у которого мы снимали квартиру, платили квартплату, он говорит отцу:

- Мотке (отца звали Мордехай, по-литовски Мотке), зачем ты бежишь? Зайди ко мне с семьей, останетесь, пройдет война, и вернешься обратно.

- Нет! Немцы сюда придут! - и мы пошли.

Раввин был Иосиф Шнайдер. Он с нами бежал вместе, нес детей на руках, им два-три года. В 1938 году он приехал. Очень красивый мужчина. Молодой человек, 32 года.

Мой отец сказал:

- Почему ты оставил евреев? Ты же раввин, и ты с нами идешь. Без тебя осталась кегила, - он не выдержал. И он вернулся обратно.
 Не он один. Авраам Флейшман вернулся. Он говорил:
 - Что я буду? Дети устают, я лучше вернусь...
 Несколько еще вернулось с дороги.
 Когда дошли до перекрестка дорог - одна ведет в Биржай, а другая в Ригу, начался спор. Все, которые шли пешком, говорят:
 - Пойдем на Ригу!
 Отец начал с ними спорить:
 - Почему Ригу?
 - Рига – большой город. В Риге есть власть. В Риге есть поезда. В Риге есть все! А здесь как мы поедем?
 А отец говорит:
 - Нет, поедем на Биржай, оттуда на Яунелгаву, туда, где меньше народа. Нам надо Даугаву перейти. Самое главное, - и мы пошли. А все эти 250 беженцев из других мест оторвались от нас и пошли на Ригу. Из жеймяльцев с ними ушел только Гирш Кремер».

Отступление 8-й армии из Литвы предопределило судьбу евреев, оставшихся в Жеймялисе. Что касается беженцев, то их судьба теперь зависела от того, успеет или нет Манштейн перерезать им путь к Пскову и догонит ли их на этом пути Рейнхардт.

Об этой гонке на выживание - в следующей главе.

Приложение

**Таблица соответствия географических наименований
в тексте и на картах**

Географическое наименование пункта в тексте	Географическое наименование на приводимых выше картах Литовской ССР, издания 1972 года ^{ХСІ}	№ листов карты 1988 г.
Айрогола	Арёгала	
Акмонишки (Ackmonischken)	Акмянишкяй – ныне деревня в 2-х км севернее Катичяй	32в
Бальчишки	Бальчишке – лесная деревушка недалеко от железной дороги по другую сторону к Лапурвис и Юодпятрай	33в
Баргаляй	Баргайляй, деревушка между Шаукотас и Василишкис	24в
Бемила	Бемила – ныне река Немелас, течет с востока на запад и впадает в Юру, пересекая Паюрис	21н
Бержулис Буржули	Озеро Биржулис расположено северо-восточнее Варняй	
Бомбалы	Бомбалы, ныне Бамбалай (83-03) – деревушка 3 км южнее Ужвентиса	10н
Боричаяй	Боричаяй (карта 114н) – ныне Борисяй, деревня, расположенная на р. Кульпе неподалеку от ее впадения в р. Мушу	11н
Бубяй	Поселок Бубяй расположен на пересечении шоссе Таураге - Шауляй с Дубисой	11в
Бурбишкяй (Burbiskai)	Бурбишкяй– деревня при дороге, соединяющей Ляубарай с Жайгинис, примерно в 4 км севернее Таутушяй	23н
Варседжяй (Varsedziai)	Варседжяй – поселок строго на восток от Шилале и на юг от места пересечения рекой Акмяне шоссе Нямакшчяй - Кальтиненай	21в

^{ХСІ} Наименования пунктов, отсутствующих на этих картах, приведены в соответствии с картами Литовской ССР, издания 1988 г. (масштаб 1:100 000). На основании тех же карт даны пояснения о местоположении этих пунктов. В правой колонке таблицы приведены номера карт.

Географическое наименование пункта в тексте	Географическое наименование на приводимых выше картах Литовской ССР, издания 1972 года ^{XCI}	№ листов карты 1988 г.
Вежайчай	Вежайчай – поселок на шоссе Клайпеда – Ретавас	
Вентос-Каналас	Вента-Каналас соединяет реки Вента и Дубиса и проходит чуть севернее шоссе Пашиленай – Куртувенай	
Виджгиры Воджгиры	Ваджгирис	
Виесите	Река Виесите вытекает из озера Виеситес, течет с востока на запад примерно на широте Бауска и впадает в Мемеле	
Вилкомерз Вилкомир	Укмерге	
Виндава	Вентспилс	
Виштынец	Виштынец, ныне Виштитис – пограничный поселок на юг от Кибартая	
Ворни	Варняй	9н
Высота 106	Высота 106 (карта 23н, квадрат по широте 38-40, по долготе 40-42) расположена примерно в 5 км юго-восточнее Расейняя, с хутором Кебайчай около вершины	23н
Высота 139	Высота 139,9– протяженная, изображена на обеих частях карты слева в зоне стыка	23в 23н
Высота 147	Высота 147 в полукилометре западнее Папушиниса	
Гайжуны	Гайжюнай – станция на железной дороге Ионава – Вильнюс, расположенная перед ее разветвлением на Каунас	25н
Геделишкяй	Геделишкяй – ныне Гяделишке, лесная деревушка на дороге Дидкемис – Шилале	21н
Груджяй	Грузджяй	
Гулбенэ	Гульбинай	
Давеочай	Давеочай ныне Дауйочяй – деревушка примерно в 6 км западнее р. Бярже на широте Шяуленая	
Дапкишкяй (Dap-kiskiai)	Дапкишкяй – поселок на берегу р. Юра примерно в 5-6 км северо-западнее Таураге	
Даргужяй	Даргужяй – нежилые дома рядом (правее) железной дорогой Кедайняй – Радвилишкис, чуть южнее истока р. Даугивяны	12н
Дидкиемис	Дидкиемис 70—40) ныне Дидкемис - поселок на северном берегу Юры, западнее Паграмантиса не той же широте	21н
Друскеники	Друскининкай	
Дубисса	Река Дубиса	
Екабпилс Якобштадт	Екабпилс – город на Даугаве, включивший в свою черту Крустпилс	
Жвирзде	Жвирзде, ныне Жвиргджяй (83-94) – деревушка примерно в километре северо-западнее истока Вянты	10н
Жвирздели	Жвирздаляй (92– 64), деревушка в 12 км от Плунге на дороге в Мядингенай при ее пересечении ручьем Вешдауба	9в
Жеймель	Жеймялис	
Жигайце	Жигайчай	
Жилуттен (Szilutten)	Жилучяй –деревня юго-западнее шоссе неподалеку от Лауксаргяй	33в
Жиляй	Жиляй – деревня примерно в 2 км северо-западнее Кальтиненай	21в
Жлюбины	Жлибинай	
Жораны	Жаренай	
Западная Двина	Река Даугава (Зап. Двина)	
Иецава	Поселок Иецава расположен на шоссе Бауск – Рига	

Географическое наименование пункта в тексте	Географическое наименование на приводимых выше картах Литовской ССР, издания 1972 года ^{XCI}	№ листов карты 1988 г.
Калжиненай Калтиненай Колтыняны	Кальтиненай	
Кальвария	Калвария	
Камщай (Kamsciai)	Камщай – хутор на берегу Жургжмотис, левого притока Юры, примерно в километре северо-западнее Дидкемис	21н
Капчямиестис Копцево	Капчямиестис, также Копцево, ныне Капчяместис, – поселок на самом юге Литвы, западнее Друскининкай, на карте назван Копцево	
Картена	Картяна	
Кейданы	Кедайнйяй	
Келме Кельме	Кельме	22в
Кибартеляй (Kybaryteliai)	Кибартеляй - деревушка на левом берегу Дубисы на дороге Расейняй – Гринкишкис	23н
Коадьютен (Koadjuthen)	Катичай – поселок на реке Шиша	32в
Кибарты	Кибартай	
Ковно	Каунас	
Колнун	Колнун – ныне Калнуяй поселок на шоссе к югу от Расейняй	35в
Коркляны	Каркленай	
Крожи Кряжай	Кражяй	
Кулей	Куляй	
Курмишкяй	Курмишки – хутор в 6 км восточнее Каркленай	23н
Лавково	Лаукува	
Лапурвас	Лапурвис – деревня, протянувшаяся от шоссе до железной дороги, чуть севернее станции Юодпяртай, вокруг леса, простирающейся по обеим сторонам шоссе до Таураге, местами болотистые	33в
Ленинград	Санкт-Петербург	
Либава	Лиепая – порт в Латвии	
Либешкяй	Либишкяй – поселок на шоссе Эржвилкас – Скаудвиле чуть южнее железной дороги	22н
Лидувенай	Лидувенай, поселок на берегу Дубисы, ныне станция железной дороги, соединяющей Таураге с Манкишкяй	24в
Линкайчяй	Станция Линкайчай расположена юго-восточнее Радвилишкис перед развилкой железной дороги на Паневежис и на Кедайнйяй	12н
Лиоляй	Лёляй	
Лозьдзее	Лаздияй	
Лукшта	Озеро Лукстас	
Лягумай	Лигумай	
Ляубарай (Liaubarai)	Ляубарай - деревня при дороге между Таутушай и Василишкис	23н
Меркине Меркис Мерч	Мяркине	
Мешкине	Мяшкине – деревня западнее Шилале, расположенная при дороге между Шиляй и Тяняняй	20н
Мешкуйчяй	Мяшкуйчяй	

Географическое наименование пункта в тексте	Географическое наименование на приводимых выше картах Литовской ССР, издания 1972 года ^{XCI}	№ листов карты 1988 г.
Миняны	Миняны – ныне Минёнай – деревушка на шоссе Расейнай - Видукле	34н
Митава	Елгава	
Мишейкяйский лес	Мишейкяй – хутор, примерн 2.5 км южнее Ломаяй, вокруг леса, простирающейся по обеим сторонам шоссе до Таураге, местами болотистые	21н
Мяшкай	Мяшкай – деревушка на берегу р. Шяшувис юго-восточнее Таураге	33в
Наумиестис	Науместис	
Немакшчай	Нямакшчай	
Немокшты		
Неман	Река Нямунас	
Олита	Алитус	
Ораны	Варена	
Пайшлинис (Paislinis)	Пайшлинис (22\24-32) – поселок у устья Шлины, северного притока Шалтуоны на полпути от Эржвилкас в Расейнай	34в
Папушинас (Papushinis)	Папушинас – поселок примерно в 2 км юго-западнее Шаукотаса на дороге к Шилуве	23в
Пашиле	Пашиле - поселок на широте Кражяй и долготе примерно	22в
Пошиле	Каркленай	
Первоняй	Певенай	
Плателяй	Поселок Плателяй расположен у одноименного озера примерно в 20 км севернее Плунге	
Плунгяны	Плунге	
Плявинас	Плявиняс	
Повентис	Павянчай – поселок при пересечении р. Венты железной дорогой Тельшяй – Шяуляй	10в
Поеглоне	Поеглон, ныне Паэглуонис – деревушка на шоссе Таураге – Шяуляй, юго-восточнее Ломаяй	21н
Поневеж	Паневежис	
Пошашис	Поселок Пошашис– ныне Пашяуше, расположен на дороге Кяуноряй – Базилёнай восточнее Дубисы	11н
Приенай	Пренай	
Пришмантай (Prismantai)	Пришмантай– поселок примерно посредине между Жигайчяй и Аукштупяй на соединяющей их дороге	33в
Радишке	Радишке – деревня примерно в 3 км севернее Кальтиненай	21в
Риетавас	Ретакас	
Россиены	Расейнай	
Рудукшикяй	Рудукшикя, ныне Ридикишке – деревушка юго-западнее Ломаяй	21н
Рукла	Рукла – поселок на берегу р. Нярис	25н
Саудининкай	Саудининкай обозначен на русских картах как Майроняй, на литовских как Саудининкай	23в
Сидеряй	Сидяряй	
Скаудвили	Скаудвиле	
Скирстымони	Скирстымони, видимо, Скирснямуне – поселок на берегу Немана на юг от Расейняй	34н
Сокайчай (Sokaiciai)	Сокайчяй – деревушка в двух километрах западнее Ильгижяй при дороге на Бятигалу	23н
Стульги	Стульгяй	
Сулинки	Сулинки ныне Сулинкяй - хутор, примерно в километре севе-	11н

Географическое наименование пункта в тексте	Географическое наименование на приводимых выше картах Литовской ССР, издания 1972 года ^{XCI}	№ листов карты 1988 г.
	ро-восточнее Шяуленай	
Сьвенцяны	Швенчёнис	
Сянасис-Обялинас (Obelynas-Senojas)	Сянасис-Обялинас – деревня, расположенная на пересечении дороги Науясис-Обялинас – Лаукува с рекой Акмяне	21н
Тавтузе	Таутушай, поселок между болотистым лесом Жайгинис и урочищем Сола	23н
Тверы	Твярай	
Тельшай Телшай	Тельшай	
Теруаль (Terual)	Болото Тирулай	11н
Тильзит	Советск	
Ужвенты	Ужвентис	
Цераукасте	Цераукасте расположена в Латвии юго-восточнее Бауска	
Цириники (Cyriniki)	Гирининкай – деревня в 10-12 км западнее Таураге	33в
Цитовяны	Титувенай	
Шаки	Шакяй	
Шалоше	Шалоше – имеется в виду Салочяй	
Шауляй	Шяуляй	
Шилели	Шилале	
Шилини	Шилини - крошечная деревня или хутор на дороге Жукай – Таураге	
Шлина	В источнике «Віуна», видимо опечатка. Ручей Шлина впадает у Пайшлинаса в реку Шалтуона, не которой стоит Эржвилкас. От него вверх по течению Шалтуоны по ее левому берегу имеются заболоченные леса	
Эжяруона (Jeziorupa)	Ручей Эжяруона протекает через Жигайчяй и Аукштупяй, пересекает шоссе и впадает в Шяшувис юго-западнее Таураге	
Юрбург	Юрбаркас	
Юцайчай	Юцайчяй – поселок на дороге из Дидкемис примерно в 4 км южнее Шилале	21н

¹ Порат Д. Катастрофа в Литве – специфические аспекты // Вестник Еврейского университета в Москве. Москва-Иерусалим, 1993. № 2. С. 21; Илья Альтман. Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941-1945 гг. М., 2002. С. 237.

² Архив Бейт Лохамей ха-Геттаот (Дом Борцов Гетто), папка № 674.

³ Загорский Файвл. Аудиозапись. Каунас 3.07.1989 (далее – Загорский Ф.).

⁴ Якушок Израиль. Аудиозапись. Герцлия (Израиль) 30.04.1999 (далее – Якушок И.).

⁵ Публикаций на русском языке, содержащих конкретные сведения о боях на Шяуляйском направлении, мало. Из археографических изданий это:

Сообщения Советского информбюро. М.1944 (далее – Сообщения).

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. М., 1958 (далее – Сборник 34).

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. М., 1967 (далее – Сборник 33).

Из мемуаров участников боев:

Ионин А.. Первые сутки. Из записок политработника. // Звезда. 1966 г. № 6. С. 136 – 144 (далее – Ионин).

Полубояров П. П. Крепче брони // На Северо-Западном фронте 1941 – 1943. М. 1969. С. 111 – 132 (далее - Полубояров).

Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта // На Северо-Западном фронте 1941 – 1943. М. 1969. С. 170 – 189 (далее – Зотов).

-
- Курочкин П. М. Связь Северо-Западного фронта // На Северо-Западном фронте 1941 – 1943. М. 1969. С. 190 – 225. (далее – Курочкин).
- Хвалей С. Ф. 202-я стрелковая дивизия и ее командир С.Г. Штыков // На Северо-Западном фронте 1941 – 1943. М. 1969. С. 307 – 325 (далее – Хвалей).
- Казарьян А. В. Четверть века на танках. Ереван, 1970 (далее – Казарьян, 1970).
- Кислинский В. С.. Нет ничего дороже. Документальный очерк. Л. 1983 (далее - Кислинский).
- Ротмистров П. А.. Стальная гвардия. М. 1984 (далее - Ротмистров).
- Казарьян А.В. Присяга на всю жизнь. М. 1988 (далее – Казарьян, 1988).
- Осадчий Д. И. С марша в бой // Военно-исторический журнал. 1988 г. № 6. С. 52-57.
- Из монографий и научных статей назовем:
- Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1943 – 1945. В трех книгах. Первые годы. Книга первая. Рига 1966. (далее – Борьба).
- Барышев В. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1974 г. № 7. С. 75 – 84. (далее - Барышев).
- Арвасявичус Й. Я. 1418 дней в боях. Вильнюс. 1975. (далее - Арвасявичус).
- Гладыш С. А., Милованов В. И. Восьмая общевойсковая. М. 1994 (далее - Гладыш).
- Иринархов Р.С. Прибалтийский Особый... Минск, 2004 (далее - Иринархов).
- Из художественной литературы
- Бээкман В.Э. И сто смертей. М., «Советский писатель», 1981 (далее - Бээкман).
- Из переводной литературы:
- Гот Г. Танковые операции. Смоленск. 1999 (далее - Гот).
- Манштейн Эрих. Утерянные победы. Смоленск, 1999 (далее - Манштейн).
- Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941 – 1944 / Пер. с англ. Е. Н. Захарова. М., 2005 (далее – Хаупт).
- Из литературы на других языках нам были доступны:
1. Panzer-Division 1935 – 1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe. Aufgezeichnet und bearbeitet von Rolf O.G. Stoves. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1961 (далее - Stoves).
- Werner Richter. Die 1. ostpreußische Infanterie-Division, Eigenverlag, 1975. (далее Richter).
- Wolfgang Paul. Brennpunkte. Eine Geschichte der 6. Panzerdivision (1. leichte). 1937 – 1945. Osnabrück, 1984 (далее Paul).
- Christoph Freiherr von Allmayer-Beck. Die Geschichte der 21. (ostpr./westpr. Infanterie-Division Schild Verlag. München, 2001 (далее – Allmayer-Beck)
- Panzer operations: the Eastern Front memoir of General, 1941-1945 / Erhard Raus compiled and translated by Steven H. Newton. Cambridge, 2003 (далее – Raus)
- David M. Glantz. The battle for Leningrad: 1941 – 1944. 2002 by the University Press of Kansas (далее - Glantz)
- Свободный перевод цитат из указанных источников с английского и немецкого языков – автора данной публикации.
- Использованы также воспоминания очевидцев, не участвовавших в военных действиях:
- Из дневника доктора Елены Буйвидайте-Куторгене (Июнь-декабрь 1941 года) // Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. Составлена под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга. Вильнюс, 1993 (далее - Буйвидайте-Куторгене).
- Палецкис Ю. В двух мирах. М., Политиздат, 1974 (далее – Палецкис).
- Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. М. 1979 (далее - Хлебников).
- Биявичус Э. Дела и люди. Вильнюс, 1987 (далее – Биявичус).
- Славинас Александр. Гибель Помпеи. Записки очевидца. Тель-Авив, «Иврус», 1997 (далее – Славинас).

-
- ⁶ Хаеш А.И. К истории еврейской общины Жеймялиса. Общество «Еврейское наследие». Серия препринтов и репринтов. Выпуск 56. М., 2000. С. 4 - 5.
- ⁷ Miškinis Algimantas. Žeimelis: Istorija ir architektūra. "Žiemgalos" Leidycla. Kaunas, 2000. С. 72.
- ⁸ Бунич И. Операция «Гроза». Ошибка Сталина. М. 2004. С. 433 (далее – Бунич).
- ⁹ Бунич. 618, 673.
- ¹⁰ Военно-исторический журнал (далее - ВИЖ). 1996. №2. С. 9-11.
- ¹¹ Ионин. С. 136.
- ¹² Барышев. С. 76; ВИЖ 1992. № 2. С. 11.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Барышев. С. 76; Хлебников. С. 105.
- ¹⁵ Ириархов. С. 130.
- ¹⁶ Маковский В. Б. Прикрытие госграницы накануне войны // ВИЖ 1993 № 5. С. 57.
- ¹⁷ Директива по сосредоточению войск (план «Барбаросса») // ВИЖ 1991 №3. С. 37.
- ¹⁸ Там же. С. 37
- ¹⁹ Манштейн. С. 193.
- ²⁰ Stoves. С. 181.
- ²¹ ВИЖ 1991 №3. С. 37.
- ²² Гот С. 182.
- ²³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу 1939-1941. М., 2002. С. 387.
- ²⁴ Сборник 34. С. 8 – 12..
- ²⁵ ВИЖ 1989. № 5. С. 23.
- ²⁶ Сборник 34. С. 22
- ²⁷ ВИЖ 1989 № 5 С. 29.
- ²⁸ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. — М., 1984. С. 57.
- ²⁹ Борьба. С. 47.
- ³⁰ Ионин. С. 138.
- ³¹ Хлебников. С. 103 - 104.
- ³² ВИЖ 1989. № 5. С. 23
- ³³ Там же. С. 46.
- ³⁴ Там же. . 47
- ³⁵ Там же. С. 23
- ³⁶ Там же. С. 24.
- ³⁷ Курочкин. С 196.
- ³⁸ ВИЖ 1989. № 5. С. 46.
- ³⁹ Арвасявичус. С. 18.
- ⁴⁰ Ириархов.С. 218.
- ⁴¹ ВИЖ. 1989. № 5. С. 23.
- ⁴² Сборник 34. С.32.
- ⁴³ Борьба. С. 60; Ириархов. С. 251.
- ⁴⁴ Полевой устав РККА (ПУ-39). М.: Воениздат, 1939. С. 67. Цит. по: Исаев А.В. Антисуворов. М., 2004. С. 55.
- ⁴⁵ Сборник 34 С.32.
- ⁴⁶ Арвасявичус. С. 15
- ⁴⁷ Ириархов.С. 31.
- ⁴⁸ Сборник 34. С. 33.
- ⁴⁹ Гладыш. С. 14.
- ⁵⁰ Хлебников. . 110 – 111.
- ⁵¹ Осадчий. С. 52.
- ⁵² Курочкин. С. 172.
- ⁵³ Славинас. С. 250-251.
- ⁵⁴ Ионин.С. 139-140.
- ⁵⁵ Allmayer-Beck С. 114.
- ⁵⁶ Richter. С. 39.

-
- ⁵⁷ Stoves. 181.
- ⁵⁸ Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М., 2002. С. 174-175 (далее – Краснов)
- ⁵⁹ Курочкин. С. 198.
- ⁶⁰ Арвасявичус. С. 21 - 22.
- ⁶¹ Ионин.С. 140.
- ⁶² Арвасявичус.С. 22.
- ⁶³ Ионин. С. 140.
- ⁶⁴ Хлебников. 106
- ⁶⁵ Сборник 34. С. 34
- ⁶⁶ Хлебников. . 106.
- ⁶⁷ Борьба. С. 54.
- ⁶⁸ Иринархов.С. 222.
- ⁶⁹ Сборник 34. С. 36.
- ⁷⁰ Горьков Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941 – 1945). Цифры, документы). М., 2002. С. 491 (далее Горьков).
- ⁷¹ Richter. С. 40.
- ⁷² Сборник 34. С. 39.
- ⁷³ Географическая карта «Литовская ССР» (1:600 000). Издание Управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М. 1972.
- ⁷⁴ Ионин.С. 141.
- ⁷⁵ Stoves.С. 185.
- ⁷⁶ Allmayer-Beck С. 118.
- ⁷⁷ Арвасявичус. С. 23.
- ⁷⁸ Ионин. С. 141, 142.
- ⁷⁹ Зотов. С. 174, 176
- ⁸⁰ Арвасявичус. С. 26, 27.
- ⁸¹ Иринархов. С. 253.
- ⁸² Raus. С. 14.
- ⁸³ Сборник 33. С. 47.
- ⁸⁴ Сборник 34. С. 39.
- ⁸⁵ Драбкин А. Я дрался на истребителе. М. 2006. С. 31 – 32.
- ⁸⁶ Бондаренко А. Хроника пикирующего бомбардировщика. // «Красная звезда» 20 июня 2001 г. Цит. по Солонин Марк. На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. – М., 2006. С. 460.
- ⁸⁷ Драбкин. С. 69.
- ⁸⁸ Иринархов. С. 279, 280-281.
- ⁸⁹ Курочкин. С. 199.
- ⁹⁰ Stoves. С. 186.
- ⁹¹ Сборник 34. С. 36, 39.
- ⁹² Ионин. С. 141, 142, 143
- ⁹³ Сборник 34. С. 39.
- ⁹⁴ Борьба. С. 57.
- ⁹⁵ Сборник 34. С. 36.
- ⁹⁶ Хаупт. С. 26; Richter С. 40.
- ⁹⁷ Арвасявичус. С. 27-28
- ⁹⁸ Арвасявичус. С.28-29.
- ⁹⁹ Борьба. С. 60.
- ¹⁰⁰ Борьба. Вклейка между стр. 56 и 57.
- ¹⁰¹ Сборник 34. С. 39; Гладыш. С. 18.
- ¹⁰² Raus. С. 14.
- ¹⁰³ Иринархов. С. 253-254.
- ¹⁰⁴ Stoves. С. 186.
- ¹⁰⁵ Stoves. С. 187.

-
- ¹⁰⁶ Абрамович А. В решающей войне. Иерусалим. 1981. Т. 1. С. 100 (далее - Абрамович).
- ¹⁰⁷ Ионин. С. 143 - 144.
- ¹⁰⁸ Allmayer-Beck С. 114, 118.
- ¹⁰⁹ Сборник 33. С. 47
- ¹¹⁰ Сборник 34. С. 38.
- ¹¹¹ Сборник 34. С. 39.
- ¹¹² Драбкин. С. 32.
- ¹¹³ Берман Залман. Аудиоапись Ор-Иехуда (Израиль) 23.05.2000.
- ¹¹⁴ Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М. «Вече». 2004. С. 130 (далее - Крысин).
- ¹¹⁵ Algimantas Miskinis. Zeimelis: Istorija ir architektura. "Ziemgalos" Leidycla. Kaunas, 2000. С. 72. Перевел с литовского Л. Трапидас.
- ¹¹⁶ Бубнис Арунас. Судьба евреев Шяуляй и Шяуляйского уезда // Шяуляйское гетто. Списки узников. 1942. Vilnius. 2002. С. 150 (далее Бубнис)
- ¹¹⁷ Бубнис. С. 172.
- ¹¹⁸ Каган Л. 30.06.2006. Ответы на вопросы Анатолия Хаеша. Вопросы задавал и записал Бэрри Манн (Barry Mann). Перевод с английского Евгении Шейнман.
- ¹¹⁹ Буйвидайте-Куторгене. С. 297-298.
- ¹²⁰ «Правда» от 23 июня 1941 г.
- ¹²¹ Подробнее см.: С. Швейбиш (Иерусалим) "Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы" // Вестник еврейского университета в Москве. 1995 №2(9). – С.36 – 55.
- ¹²² Ицхак Арад. Холокауст. Катастрофа европейского еврейства (1933 – 1945). Сборник статей. Яд Ва-Шем. Иерусалим, 1990. С.18.
- ¹²³ Андриевс Эзергайлис. Команда Арайса // "ВЕК" (Вестник еврейской культуры) Рига, 1990 №4(1). – С.34.
- ¹²⁴ Хаупт. С. 28).
- ¹²⁵ Борьба. С. 60-61.
- ¹²⁶ Allmayer-Beck С. 119.
- ¹²⁷ Там же. С. 118.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Казарьян, 1970. С. 24, 26 – 27.
- ¹³⁰ Сборник 34. С. 51
- ¹³¹ Allmayer-Beck С. 118.
- ¹³² Richter. С. 40
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Stoves. С.186.
- ¹³⁵ Манштейн. С. 196.
- ¹³⁶ Борьба. С. 61.
- ¹³⁷ Борьба. С. 61-62.
- ¹³⁸ Манштейн. С. 196, 198.
- ¹³⁹ Сборник 34. С. 39-40.
- ¹⁴⁰ Сборник 34. Стр.37.
- ¹⁴¹ Гот. С. 203.
- ¹⁴² Гот. С. 58.
- ¹⁴³ Ротмистров. С. 51-52.
- ¹⁴⁴ Буйвидайте-Куторгене. С. 299.
- ¹⁴⁵ Чуев С. Проклятые солдаты. М. 2004. С. 386.
- ¹⁴⁶ Славинас. С. 251.
- ¹⁴⁷ Славинас. С. 253.
- ¹⁴⁸ Билявичус. С. 23 - 24.
- ¹⁴⁹ Палецкис. С. 373, 374.
- ¹⁵⁰ Сборник 34. С. 41.
- ¹⁵¹ Борьба. С. 59.
- ¹⁵² Сборник 34. С. 195.

-
- ¹⁵³ Сборник 33. С. 48.
¹⁵⁴ Борьба. С. 61; Иринархов. С. 251.
¹⁵⁵ Ионин. С. 144.
¹⁵⁶ Stoves. С. 186, 187.
¹⁵⁷ Хлебников. С. 111 – 112.
¹⁵⁸ Allmayer-Beck. С. 118 - 119.
¹⁵⁹ Richter. С. 40
¹⁶⁰ Сборник 34. С. 50.
¹⁶¹ Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1362, д. 24, л. 28. Цит. по «Борьба за Советскую Прибалтику...». С. 60.
¹⁶² Борьба. С. 62.
¹⁶³ Сборник 34. С.51.
¹⁶⁴ Raus. С. 14.
¹⁶⁵ W. Paul. С. 106.
¹⁶⁶ Сборник 34. С. 51
¹⁶⁷ Манштейн. С. 198, 199.
¹⁶⁸ Осадчий. С. 52 - 53.
¹⁶⁹ Курочкин. С. 200.
¹⁷⁰ Иринархов. С. 275.
¹⁷¹ Славинас. С. 253.
¹⁷² Краснов. С. 189.
¹⁷³ Там же.
¹⁷⁴ Там же. С. 190.
¹⁷⁵ Там же. С. 191.
¹⁷⁶ Шапталов Борис. Испытание войной. М. 2002. С. 80, 81 (далее Шапталов).
¹⁷⁷ Михайлов Андрей. Оперативно-стратегический аврал // Независимое военное обозрение № 18 (427) 20 мая 2005 г.)
¹⁷⁸ Сборник 34. С. 45.
¹⁷⁹ Хаупт. С. 30
¹⁸⁰ Каган Л.. 30.06.2006.
¹⁸¹ Сообщения. С. 3.
¹⁸² Иринархов. С. 541.
¹⁸³ Солсбери Гаррисон. 900 дней. Блокада Ленинграда. М. 2000. С. 163; Крысин. С. 130-131.
¹⁸⁴ Буйвидайте-Куторгене. С. 298.
¹⁸⁵ Бубнис. С. 150.
¹⁸⁶ Каган Л. 30.06.2006.
¹⁸⁷ Сборник 33. С. 22.
¹⁸⁸ Сборник 34. С. 198
¹⁸⁹ Сборник 34. С. 48.
¹⁹⁰ Сборник 34. С. 51
¹⁹¹ Paul. С. 106
¹⁹² Raus. С. 20
¹⁹³ Гладыш. С. 22.
¹⁹⁴ Иринархов. С. 295.
¹⁹⁵ Сборник 33. С. 48.
¹⁹⁶ Кузнецов П. Г. Генерал Черняховский. М. 1969. С. 13 (далее – Кузнецов).
¹⁹⁷ Сборник 33. С. 48; Полубояров. С. 115.
¹⁹⁸ Борьба. С.67.
¹⁹⁹ Richter. С. 40.
²⁰⁰ Allmayer-Beck. С. 119 – 120.
²⁰¹ Казарьян, 1970 г. С. 27, 28.
²⁰² Stoves. С. 187.
²⁰³ Хлебников. С. 112.
²⁰⁴ Хвалей. С. 310-311.

-
- ²⁰⁵ Иринархов. С. 298-299
²⁰⁶ Сборник 34. С. 56.
²⁰⁷ Сборник 33. С. 49
²⁰⁸ Raus. С. 14 – 18.
²⁰⁹ Raus. С. 18 – 19.
²¹⁰ Сборник 34. С. 61.
²¹¹ Сборник 34. С. 58.
²¹² Stoves. С. 187-188.
²¹³ Stoves. С. 191.
²¹⁴ Там же. С. 191.
²¹⁵ Raus. С. 19-20
²¹⁶ Allmayer-Beck. С. 120.
²¹⁷ Сборник 33. С. 48, 49.
²¹⁸ Richter. С. 40.
²¹⁹ Сборник 34... С. 57.
²²⁰ Сборник 33... С. 49.
²²¹ Борьба. С. 69.
²²² Полубояров. С. 115 - 116.
²²³ Курочкин. С. 201.
²²⁴ Кузнецов П.Г. Дни боевые. М. 1959. С. 13. Книга имеется на сайте:
militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_pg/index.html
²²⁵ Кузнецов. С. 13-14.
²²⁶ Там же. С. 14.
²²⁷ Сборник 34. С. 58.
²²⁸ Кузнецов. С. 14-16.
²²⁹ Richter. С. 40 - 41.
²³⁰ Кузнецов. С. 16.
²³¹ Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года. (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). – М., 2001. С. 213.
²³² Raus. С. 20.
²³³ Raus. С. 20-21.
²³⁴ Paul. С. 107.
²³⁵ Paul. С. 107.
²³⁶ Осадчий. С. 53 - 54.
²³⁷ Сборник 34. С. 52.
²³⁸ Stoves. С. 188-189.
²³⁹ Allmayer-Beck. С. 120.
²⁴⁰ Иринархов. С. 299
²⁴¹ Рочко Иосиф. «Они были нашими соседями...» (из истории Холокоста в Даугавпилсе) / Евреи в Даугавпилсе. исторические очерки. Книга четвертая. Даугавпилс. 2005. С. 134
²⁴² Ротмистров. С. 53.
²⁴³ Гот. С. 64.
²⁴⁴ Шур Григорий. Евреи в Вильно. Хроника 1941 – 1944 гг. СПб., 2000. С. 34 – 35.
²⁴⁵ Иринархов. С. 307.
²⁴⁶ Буйвидайте-Куторгене. С. 298.
²⁴⁷ Сборник 34. С. 55.
²⁴⁸ Зотов. С. 176.
²⁴⁹ Stoves. С. 189
²⁵⁰ Борьба. С. 69
²⁵¹ Осадчий. С. 54.
²⁵² Paul. С. 108.
²⁵³ W. Paul. С. 107-109
²⁵⁴ Raus. С. 21-23
²⁵⁵ Paul. С. 109-110.

-
- ²⁵⁶ Raus. С. 26 – 28.
²⁵⁷ Richter. С. 41
²⁵⁸ Сборник 34. С. 199.
²⁵⁹ Сборник 34. С. 199.
²⁶⁰ Сборник 34. С. 60-61.
²⁶¹ Сообщения. С. 3.
²⁶² Иринархов. С. 314-315.
²⁶³ Осадчий. С. 54.
²⁶⁴ Raus. 20-24.
²⁶⁵ Raus. С. 25.
²⁶⁶ Stoves. С. 189-190.
²⁶⁷ Сборник 34. С. 201.
²⁶⁸ Raus. С. 23-25.
²⁶⁹ Paul. С. 109.
²⁷⁰ Полное описание см.: Charles V. P. Lutichau. The Road to Moscow: The Campaign in Russia, Unpublished Center for Military History Project 26-P (Washington D.C.: Office of the Chief of Military History, 1885) – сноска Д. Гланца. Источник нам недоступен – А.Х.
²⁷¹ Glantz. С. 33.
²⁷² Сборник 34. С. 62.
²⁷³ Курочкин С. 201; Иринархов С. 296.
²⁷⁴ Raus. С. 28-29.
²⁷⁵ Raus. С. 25.
²⁷⁶ Stoves. С. 190.
²⁷⁷ Сборник 34. С. 62.
²⁷⁸ Осадчий. С. 55 - 56.
²⁷⁹ Сборник 34. С. 202.
²⁸⁰ Борьба. С. 70.
²⁸¹ Сборник 33. С. 49.
²⁸² Allmayer-Beck. С. 119.
²⁸³ Сборник 33. С. 52.
²⁸⁴ Сборник 33. С. 51.
²⁸⁵ Сборник 34. С. 62, 63.
²⁸⁶ Allmayer-Beck. С. 120.
²⁸⁷ Allmayer-Beck. С. 120.
²⁸⁸ Richter. С. 41.
²⁸⁹ Сборник 34. С. 203.
²⁹⁰ Сборник 34. С. 203-204.
²⁹¹ Буйвидайте-Куторгене. С. 299.
²⁹² Якушок И..
²⁹³ Якушок И. 15.10.2005
²⁹⁴ Якушок И. 15.10.2005
²⁹⁵ Якушок И. 15.10.2005
²⁹⁶ YIVO. F. 421
²⁹⁷ Гальдер Ф. Военный дневник: 1941 год. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии. / Пер. с нем. – Смоленск: Русич. 2006. С. 264 - 265 (далее – Гальдер).
²⁹⁸ Абрамович. 100.
²⁹⁹ Антонов В.С. Путь к Берлину. М. 1975. С. 4.
³⁰⁰ Иринархов. С. 325.
³⁰¹ Манштейн. С. 199, 200.
³⁰² Шур Г. С. 35.
³⁰³ Шапталов. С. 85.
³⁰⁴ Сборник 34. Л. 64
³⁰⁵ Курочкин. С. 202.
³⁰⁶ Зотов. С.176-177.

-
- ³⁰⁷ Allmayer-Beck. С. 120.
³⁰⁸ Richter. С. 41.
³⁰⁹ Берман Ревекка. Аудиоапись в Ор-Иехуда (Израиль) 23.05.2000.
³¹⁰ Raus. С. 29-32.
³¹¹ Курочкин. С. 202, 203.
³¹² Raus. С. 32-33.
³¹³ Осадчий. С. 56 - 57.
³¹⁴ Stoves. С. 192 - 193
³¹⁵ Stoves. С. 193
³¹⁶ Сборник 34. С. 68.
³¹⁷ Paul. С. 110.
³¹⁸ Raus. С. 34
³¹⁹ Stoves. С. 193-194.
³²⁰ Paul. С. 110.
³²¹ Stoves. С. 194.
³²² Сборник 33. С. 27.
³²³ Сборник 33. С. 28.
³²⁴ Сборник 33. С. 53.
³²⁵ Сборник 33. С. 53.
³²⁶ Иринархов. С. 333-335.
³²⁷ Кузнецов. С. 22, 23.
³²⁸ Allmayer-Beck. С. 120 - 121.
³²⁹ Richter. С. 41 – 42.
³³⁰ Allmayer-Beck. С. 121.
³³¹ Шамашкин М.А. За жизнь и здоровье воинов // На Северо-Западном фронте 1941-1943. М., 1969. С. 241.
³³² Белевитинов Р. Лось А. Крепость без фортов: Страницы героической обороны Лиепай. М. 1966. С. 129.
³³³ Борьба. С. 89.
³³⁴ Лелюшенко Д. Боевые действия 21-го механизированного корпуса в начальный период Великой Отечественной войны (Воспоминания) // ВИЖ. 1959. № 19. С. 55-56.
³³⁵ Рочко. С. 135.
³³⁶ Рочко. С. 134 – 135.
³³⁷ Курочкин. С. 203-205.
³³⁸ Иринархов. С. 340, 541.
³³⁹ Шапталов. С. 85.
³⁴⁰ Бешанов. С. 218.
³⁴¹ Иринархов. С. 331, 339-340.
³⁴² Гальдер. С. 268.
³⁴³ Сообщения. С. 3.
³⁴⁴ Якушок Моше. Аудиозапись. Кирьят-Ям (Израиле). 26.04.1999 г.
³⁴⁵ Загорский Ф. 4.06.1989.
³⁴⁶ Каган Л.. 30.06.2006.
³⁴⁷ Шапталов. С. 85.
³⁴⁸ Бээкман. С. 52-56.
³⁴⁹ Манштейн. С. 200.
³⁵⁰ Манштейн. С. 200-201.
³⁵¹ Stoves. С. 194-195.
³⁵² Ротмистров. С. 54.
³⁵³ Paul. С. 111.
³⁵⁴ Stoves. С. 195, 197.
³⁵⁵ Glantz. С. 33..
³⁵⁶ Сборник 33. С. 15.
³⁵⁷ Осадчий. С. 57.
³⁵⁸ Сборник 34. С. 72.

-
- ³⁵⁹ Бешанов. С. 222.
³⁶⁰ Кислинский. С. 9 - 10.
³⁶¹ Бешанов. С. 222.
³⁶² Архив МО СССР, ф. 221, оп. 3928, д. 28. л. 34. Цит. по «Борьба за советскую Прибалтику...» С. 90.
³⁶³ Гальдер. С. 276
³⁶⁴ Stoves. С. 195-196
³⁶⁵ Гладыш. С. 29
³⁶⁶ Иринархов. С. 352
³⁶⁷ Иринархов. С. 349.
³⁶⁸ Сборник 34. С. 205.
³⁶⁹ Сборник 33. С. 54.
³⁷⁰ Кузнецов. С. 23.
³⁷¹ Сборник 33. С. 54.
³⁷² Allmayer-Beck. С. 120.
³⁷³ Richter. С. 42.
³⁷⁴ Лейба Липшиц. Шяуляйское гетто 18 июля 1941 г. – 24 июля 1944 г. // Шяуляйское гетто. Списки узников. 1942. Vilnius. 2002. С. 121.
³⁷⁵ Бубнис. С. 141 – 142.
³⁷⁶ Allmayer-Beck. С. 120 - 121.
³⁷⁷ Иринархов. С. 541.
³⁷⁸ Сборник 34. С. 207.
³⁷⁹ Белевитинов. С. 154.
³⁸⁰ Хаеш И.Л. Аудиозапись. Ленинград. 10.09.1983. С. 43.
³⁸¹ Загорский. Запись 8.01.1983
³⁸² YIVO. F. 406. № 18860 №16. По мнению Якушка И. (15.10.2005) Израелю Берману 50 лет, жене 47 лет.
³⁸³ YIVO. F. 421. № 19395 п. 190.
³⁸⁴ YIVO. F. 421. № 19395 п. 191.
³⁸⁵ Якушок И. 15.10.2005
³⁸⁶ YIVO. F. 421. № 19394 п.143.
³⁸⁷ YIVO. F. 421. № 19395 п. 186.
³⁸⁸ YIVO. F. 421. № 19392 п. 13.
³⁸⁹ YIVO. F. 421. № 19395 п. 184; 1587 №. 72487.
³⁹⁰ YIVO. F. 421. № 19395 п. 182.
³⁹¹ YIVO. F. 421. № 19395 п. 183, 187 - 189.
³⁹² Якушок И. 15.10.2005
³⁹³ YIVO. F. 421 №. 19393 п. 103.
³⁹⁴ Mann Barry. Письмо автору от 22.06.2005
³⁹⁵ Там же.
³⁹⁶ Там же.
³⁹⁷ Имя и отчество – по записке Ильи Лазаревича Хаеша о выживших жейельцах. См. также Загорский, стр.11. Возраст – по переписи 2 июня 1920 года. YIVO. F. 421. № 19386. Получено от Barry Mann из Техаса.
³⁹⁸ Загорский
³⁹⁹ Якушок И. 15.10.2005
⁴⁰⁰ Якушок И. 15.10.2005
⁴⁰¹ YIVO. F. 421. № 19395 п. 185
⁴⁰² Якушок И. 15.10.2005
⁴⁰³ Берл Каган. Идише штет, штетлех ун дорфише ишувим ин Лите (Еврейские города, местечки и деревни в Литве). Нью-Йорк. 1991. С. 173. Якушок И. стр. 29. сообщил, что раввина Шнайдера звали Иосиф.
⁴⁰⁴ YIVO. F. 421. № 19392 п. 9. Якушок И. 15.10.2005 сообщил, что Мордехай родился в 1884 году, то есть фактический возраст 57 лет.

⁴⁰⁵ YIVO. F. 421. №.19392 п. 10. Якушок И. 15.10.2005 сообщил, что Фейга родилась в 1886 году, то есть фактический возраст 55 лет.

⁴⁰⁶ YIVO. F. 421. №. 19392 п. 12

⁴⁰⁷ YIVO. F. 421. № 19393 п. 92.

⁴⁰⁸ YIVO. F. 421. № 19393 п. 85.

⁴⁰⁹ YIVO. F. 421. № 19393 п. 86.

⁴¹⁰ YIVO. F. 421. № 19393 п. 90.

⁴¹¹ YIVO. F. 421. № 19393 п. 91.